

УРАЛЬСКИЙ

ледопись

12

1963

УРАЛЬСКИМ

Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ СВЕРД-
ЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКИХ
ПРОМЫШЛЕННОГО И СЕЛЬСКОГО
ОБНОВ ВЛКСМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
"ФАНТАСТИКА"

О ГЕРОЯХ -
ЗЕМЛЯКАХ

РАССКАЗЫ
БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

МЫСЛИ
СОВРЕМЕННИКОВ

УРАЛ

ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА

ЗАИНТЕРЕСНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ

КОРОТКИЕ
РАССКАЗЫ

Следопытские
дела

ГОРОДОК НАШ НИЧЕГО.
„СЛЕДОПЫТСК“ ЗОВУТ ЕГО.
ЗДЕСЬ БЫВАЛЫЕ РЕБЯТА
СОСТАВЛЯЮТ БОЛЬШИНСТВО.

ВТОРОЙ В СЕУРАЛЬСКИЙ

Ещё не всё людьми открыто
В краю седых Уральских гор.
О новых стартах следопыты
Ведут на слёте разговор.
О том, куда шагать с рассвета,
О том, что сделали вчера...
Идут маршруты всей планеты
От следопытского костра!

*Двадцать пятого августа над лесом,
неподалёку от Ижевска, где раскинул-
ся палаточный городок, взвился флаг
с эмблемой Следопыта.*

*Вместо номеров, как это бывает на
обычных улицах, над парусиновыми
домиками висели таблички: „Курган“,
„Сыктывкар“, „Челябинск“...*

Закурились в стороне дымки костров, запахло немудреной туристской похлебкой, а лес на добрый километр вокруг наполнился задорными голосами. Даже полуторавековая прабабка-сосна, что возвышалась посредине поляны, в эти солнечные дни как-то по-молодому приободрилась.

Второй раз собрались следопыты Урала на свой традиционный слет. Ровно год назад флаг Первого Всеуральского был поднят в Свердловской области. Нынче их приветствовала гостеприимная Удмуртия.

Растет следопытское движение, расширяются его границы. В этом году встретились следопыты из Оренбурга и Башкирии, из Коми АССР и Кирова, из Свердловской и Пермской областей, из Удмуртии, из Челябинска, Кургана и Тюмени — всего из десяти областей и республик. Если несколько лет назад следопытское движение начали школьники, то теперь в него вливаются отряды молодых рабочих, студентов — всех тех, кому дорого боевое вчера, героическое сегодня и прекрасное завтра родного края. На первом слете было всего восемь отрядов школьников и два молодежных, а на нынешний — школьных приехало уже одиннадцать, а рабочей молодежи и студентов — шесть.

Точнее, участников слета было значительно больше. В «городскую черту» лагеря сразу попало целое палаточное село: около двухсот удмуртских туристов-болельщиков пришли послушать следопытскую гвардию Урала.

Вот что сказал на слете молодой рабочий из Салавата Геннадий Батраков:

— Мы провели не один увлекательный поход. Но только сегодня, здесь, я понял, что значит быть следопытом. Еще совсем недавно мы, попросту говоря, шатались по туристским тропам. И не замечали, а зачастую, может быть, даже пинали то богатство, что лежит у нас под ногами. Теперь я первый стану самым горячим пропагандистом следопытства!

Таково уж замечательное качество следопытства, что, однажды закинув за плечи рюкзак и пройдя десятки километров по родному краю да еще увидев

*Целый час сидим,
На костер глядим...
А похlebка не поспела
Только дым едим!*

в итоге ощутимую пользу для страны от своего похода, уже нельзя усидеть дома. И как бы ни прельщали удобствами и покоем в поездах железнодорожники, как бы ни манили скоростью агентства аэрофлота, все больше пеших путешественников отправляется «на своих двоих» по следопытским тропам. И не только потому, что в поход их влечет романтика неизведанных мест, ночевки у костра... Дело в другом.

Не просто созерцательное, а вдумчивое отношение к природе, стремление поставить на службу людям ее неисчислимые клады, уберечь ее красоту, желание изучить историю Родины и обогатить ее новыми славными делами — вот что отличает следопыта от праздного путешественника.

Взяв старт на Урале, следопытское движение находит горячий отклик во всех уголках страны. И это очень хорошо!

В этом — главное значение Второго Всеуральского слета следопытов — племени пытливых, смелых, ищущих людей, настоящих патриотов.

Три дня жизнь бурлила в палаточном городке. А когда все его население, полное новых замыслов и впечатлений, разъехалось по Уралу, недалеко от той самой полуторавековой сосны остались ряды молодых саженцев лиственницы — «аллея следопытской дружбы», заложенная участниками слета.

Второму Всеуральскому мы и посвящаем сегодня первые страницы журнала.

РАПОРТ

следопытов Тюменской области штабу Второго Всеуральского слета

Мы, следопыты Тюменской области, занимаемся поисками полезных ископаемых, строительных материалов, изучаем историю фабрик, заводов, колхозов, школ, историю своих городов, сел и улиц. Мы создаем летописи пионерских и комсомольских организаций, собираем материалы о героях Октября, гражданской и Великой Отечественной войн.

Следопыты школы № 25 города Тюмени изучали историю города, провели конференцию на тему «Тюмень за 45 лет», в походе по Уралу собрали богатую коллекцию минералов, заложили в новом районе города (ТЭЦ) парк, где высадили три тысячи деревьев. За проведенную работу отряд заслужил право участвовать во втором Всеуральском слете следопытов.

Учащиеся совхозной школы Ялуторовского района нашли залежи гравия и песка, необходимые для строительства. Интересную летопись пионерской организации составили краеведы села Уват, Тобольского района.

Увлекательными были зимние походы следопытов школ №№ 34, 23, 14 города Тюмени на родину Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова. А юные краеведы Хонгенбургской школы

собрали материалы о Герое Советского Союза Марии Мельникайте и выслали их в дар литовским друзьям.

Отряд Голышмановской средней школы пересек всю Западную Сибирь от Урала до Алтая и привез семьсот экспонатов для музея, который мы открыли 31 августа 1963 года.

Из учащихся одиннадцатых классов школы № 11 и школы № 25 Тюмени подготовлены инструкторы-экскурсоводы, которые проводят экскурсии по историческим местам города.

Несколько групп следопытов в весенние каникулы побывали в городе Ялуторовске, где ознакомились с историей жизни и деятельности ссыльных декабристов.

В ста тридцати школах области есть кружки «красных следопытов». Летом они собираются на областной семинар и обмениваются опытом работы.

Мы, следопыты Тюменской области, обещаем штабу Второго Всеуральского и впредь не сходить со следопытских троп, быть первыми в любом деле, не бояться никаких трудностей.

«Знай: мир еще не весь открыт!» — это наш девиз.

Помогать открывать его будем мы, следопыты.

СЛУЖУ ЗЕЛЕНОМУ ОКЕАНУ

Туристский кружок «Зеленый океан» появился в средней школе поселка Шумиха в 1954 году. Потом он объединил созданные по его примеру краеведческие кружки других школ. А через несколько лет вырос в юношеский клуб и стал центром массовой следопытской работы в районе.

Еще бы: за девять лет — 194 похода. На лыжах, лодках, плотах и пешком пройдено одиннадцать тысяч километров. Взятые «штурмом» Денежкин и Конжаковский Камни, горы Сабля, Ослянка, Басеги, Качканар. Пройдены Кама, Чусовая, Тобол, Тура, Печора, Вишера, Косьва и другие голубые дороги Урала. Естественно, что ребята много видели и много знают.

Но не «погоней за километрами» прославился «Зеленый океан». Члены его создали школьный музей, рассказывающий о природе, истории и экономике края. В 1962 году решением райисполкома школьный музей стал Шумихинским народным музеем.

Огромный материал собрали ребята о боевом пути 22-го Краснознаменного Кизеловского полка.

И еще одно большое дело за плечами шумихинцев — сто следопытских гектаров кедр и ели подарили они Родине за два года. Следопыты организовали учащихся всей школы, сами осенью подготовили почву, а весной высадили деревья. И сто гектаров кедр и ели зазеленели в Средне-Усьвинском лесничестве, Пермской области.

Руководит замечательными делами шумихинских следопытов заслуженный учитель РСФСР Александр Исаакович Шаньгин.

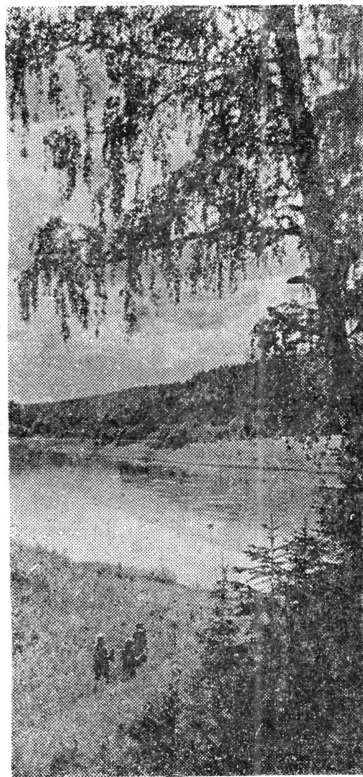
Во время Великой Отечественной войны девятнадцатилетний солдат потерял зрение. Трудно проходили годы учебы в институте, но солдат одержал победу — стал учителем.

К ребятам Александр Исаакович принес свои знания, свою большую любовь к родному краю. По трудным маршрутам повел Александр Исаакович своих питомцев, сотни километров прошли они — зимой на лыжах, летом пешком по туристским тропам, и всегда над головами следопытов шумел вечно зеленый хвойный океан.

— Служу «Зеленому океану»! — сказал Александр Исаакович, когда на Втором Всеуральском ему вручили приз и значок «Следопыт».

— Служим «Зеленому океану»! — повторили вслед за ним все шумихинцы.

И когда на следопытском форуме у Веры Тудвасевой спросили, какая ее самая большая мечта, она ответила: «Кончу школу, потом институт, буду работать. И везде, куда меня ни пошлет Родина, буду создавать «Зеленые океаны»!»

*Взгляну ль направо,
прямо я —
На сотни верст лежит
Урал, Урал — земля моя,
Зеленый малахит!*

ТАНЯ СТАНОВИТСЯ КАПИТАНОМ

На втором контрольном пункте следопытских соревнований нужно было определить породы минералов. Небольшого роста девочка с чуть раскосыми черными глазами и коротенькими косичками страшно волновалась. Казалось, все чувства по очереди отражались на ее лице — радость, недоумение, досада... А рядом болельщики — ребята из того же отряда второй школы башкирского города Октябрьского.

Девочка вытаскивает из кармана ампулы и пробирки с химикалиями, что-то пробует о стекло и даже нюхает некоторые камни. Наконец все определено точно. Команда спешит к следующему КП. Впереди капитан — та самая девочка, Таня Авдеева.

По положению о соревнованиях минералы мог определять только один человек из команды. И следопыты дружно

решили: Таня — лучший геолог в отряде. Но, если бы ей об этом сказали полтора года назад, она очень бы удивилась.

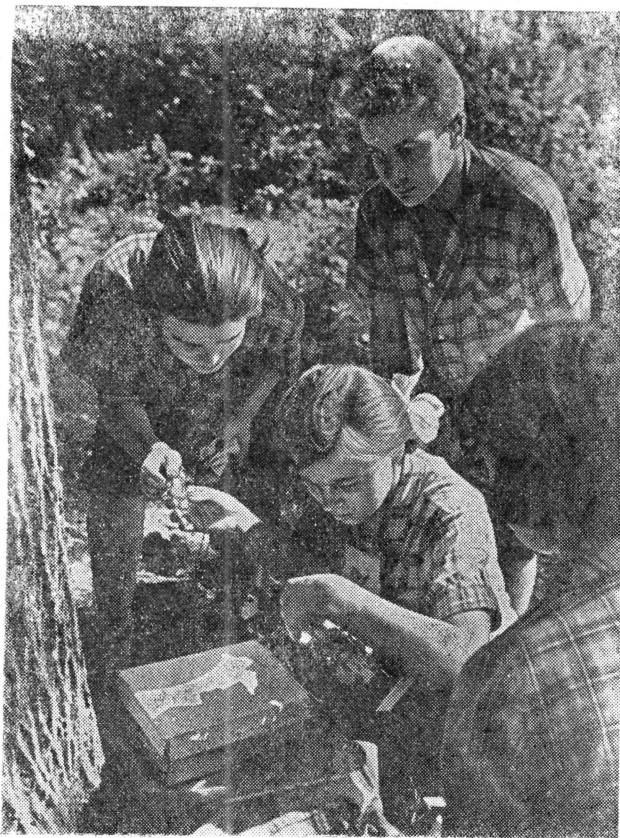
В следопытский отряд Таня попала случайно. Осталась летом в городе. Одноклассники собирались в поход — по заданию геологического управления искать в Учалинском районе Башкирии нефрит. Это один из редких цветных поделочных камней, он обладает большой прочностью.

Кто-то в отряде заболел, и его место предложили занять Тане. Согласилась: все равно лучше, чем болтаться в городе. Она ничего не понимала в минералах, даже не могла отличить кварц от полевого шпата. Отряд сделал открытие, обнаружил важное месторождение.

И радость товарищей тронула Таню. Она стала присматриваться к камням, потом начала усердно посещать занятия по геологии. Оказалось, что Таня Авдеева рождена геологом. Никто так быстро, как она, не брал пробу, не определял минералы, не давал им физическую и химическую характеристики. И, когда в этом году отряд готовился в поход по заданию геологического управления, все единогласно выбрали Таню капитаном.

Отряд разыскивал нефрит в новом районе. Нефрит не нашли, но собрали 91 образец минералов. Из них шестнадцать были отданы в лабораторию на спектральный анализ. По двум заявкам — тальк и горный хрусталь — уже ведутся исследования.

— Мы геологи, — гордятся ребята из Октябрьского, — но мы и ЗП — зеленый патруль, мы зимой и летом, осенью и весной охраняем скверы, сады, газоны нашего юного города. Это не основное, но это тоже главное, потому что следопыт должен быть всегда там, где нужны его руки и глаза, если даже он в душе геолог и мечтает посвятить этой трудной и увлекательной работе всю жизнь.

А вот и Таня Авдеева. Школьный «профессор геологии»! Сейчас она определит последний минерал, и команда вновь двинется по маршруту.

*Где мы только не бывали
Где мы только не ходили.
Сколько новых на Урале
Троп туристских проложили!*

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЛЮБИТЕЛИ

В прошлом году юные геологи сто седьмой челябинской школы вернулись с Первого Всеуральского победителями, привезли переходящий приз «Уральского следопыта». Начались выступления, рассказы, передача опыта. Всем хотелось знать, как удалось ребятам добиться победы.

На Втором Всеуральском челябинцы чувствовали себя хозяевами. Их можно было видеть то в палатке пермяков, то у ижевцев, то у ребят из Кургана. Они помогали определять минералы, рассказывали о работе в геологической партии, консультировали.

— Кто вы, любители или профессионалы?— спрашивали их на слете.— Знаете столько! Откуда?

Вот что рассказала Светлана Киреева:

— Этот следопытский год начался у нас в тот день, когда мы вернулись с Первого Всеуральского. Сразу же взялись за дело. Составили план и договорились с геологической партией, что будем работать на ее участке и поддерживать с ней постоянный деловой контакт. Уже в сентябре провели промывку шлихов в окрестностях села Баландино, обследовали скальные обнажения реки Миасс. Привезли полный рюкзак образцов.

А потом началась учеба. За год мы провели сорок занятий. Ознакомились с основами геологии, минералогии, петрографии, космогонии, осваивали приемы полевого анализа, изучали топографию. И все время искали возможность применить знания на практике.

Нам предложили составить геологическую карту города. Наступила зима, и все, конечно, было завалено снегом. Но мы пользовались ис-

кусственными выемками. Шли туда, где строили дома, залезали в траншеи и брали материал для карты. К весне задание было выполнено — геологи получили нужные сведения: новая геологическая карта города составлена.

Первого мая мы открыли летний сезон. Вышли на озеро Касарги и доставили в школу много интересных образцов, среди которых были большие опалы и халцедоны.

5 июля комплексная экспедиция геологов и географов нашего кружка выехала на юг области.

На берегу небольшой речки мы раскинули свои палатки, а вечером у костра старший геолог отряда рассказал нам, чем занимается партия, что нужно делать. Мы поняли, что перед нами открываются неограниченные возможности по изучению района и поисков очень важного для страны минерального сырья.

Работа увлекательная и разнообразная. Собственно, мы делали все, что требуется от настоящих геологов, только в несколько меньшем объеме: и отбор образцов, и борздовые пробы на химический анализ, и промывку шлихов, и топографическую съемку — иногда за 20—30 километров от лагеря.

Время пролетело быстро. Много десятков километров за спиной. Много новых точек появилось на геологической карте района, много образцов ушло на анализы в лабораторию. Мы уверены, что страна получит новое месторождение ценного минерального сырья.

А теперь решайте сами, кто мы: любители или профессионалы? А по-моему, просто люди, влюбленные в свое дело, профессиональные любители.

СЛЕДЫ

— На старт! — командовал судья.

Две команды следопытов выстроились у черты под красным полотнищем. Хронометристы взялись за секундомеры.

— Марш!

Соревнования отрядов, участников Второго Всеуральского слета, начались. Командам (каждая из пяти человек) предстоит показать и быстроту, и ловкость, и комплекс краеведческих и следопытских знаний, продемонстрировать навыки походной жизни, находчивость и смекалку, товарищескую взаимопомощь и спайку.

Вот и первый КП (контрольный пункт). А ну, как быстро ты сумеешь определить азимут заданного ориентира? Помни: малейшая неточность — штрафные очки. Все пятеро склоняются над компасами, еще и еще раз проверяя себя... Да, тут возраст, пожалуй, ни при чем: команда молодых рабочих Салавата «набирала» 25 штрафных очков, а вот юные шарканцы сумели ограничиться всего лишь четырьмя.

...Чуть заметная тропка ведет команды к следующему этапу. Пройти его не трудно, но на КП ожидает серьезное испытание: нужно показать свое умение разбираться в минералах и горных породах Урала. Выделенный командой «геолог» с головой уходит в трудную работу. Конечно, опытному специалисту вернее было бы обратиться к паяльной трубке, к пузырьку с кислотой, к набору шкалы Мооса, но здесь условия иные.

Не обошлось без неожиданностей: заявившие себя больше историками, старшие курганцы не отстали в результатах от признанных геологов-салаватовцев: у тех и других ни одного штрафного очка. То же самое произошло и у команд юных следопытов: здесь тоже первенствовали «специалисты по истории» — школьники Шаркана и Златоуста, оттеснив на второе место «геологов» — челябинцев и следопытов города Октябрьского.

...Снова кросс через лесные дебри. Лишь красные ленточки на деревьях изредка указывают направление. А вот за поваленной елью заметки и вовсе исчезли. Команда шарканских ребят, так удачно начавшая соревнования, вдруг растерялась, они и не заметили, что дальше дистанцию указывают затески на деревьях, и... заблудились. Та же участь постигла курганских школьников. А жаль: на всех остальных этапах они показали себя с наилучшей стороны и были наиболее вероятными кандидатами в победители.

Тех, кто сумел разобраться в сложностях лесной трассы, на КПЗ ждал очередной экзамен: знаешь ли ты край, куда приехал в гости, — Удмуртскую автономную республику, ее историю, гео-

Челябинские следопыты.

СОРЕВНЕНИЯ

графию, экономику. Конечно, впереди здесь «хозяева» — ижевцы и школьники удмуртского села Ува. Но оказалось, что и гости неплохо знают этот район Урала: следопыты Башкирии (и отряд города Октябрьского и салаватовцы) по очкам не отстали от ижевцев, а челябинцы даже перегнали их.

Еще полкилометра лесной тропы, и уже виден КП-4. Вот он, рукой подать... Э, не так быстро! Флажок КП — на той стороне глубокого, заросшего валежинами оврага. По скользкой, сучкастой лесине, перекинутой через препятствие на высоте трех-четырёх метров, надо перебраться туда всей командой без «происшествий». А там, конечно, новое испытание. На этот раз предлагают несколько чурочек разных пород деревьев: определи, от какого именно. И здесь ижевцы оказались лучшими.

Пройти четыреста метров напрямик сквозь заросли и завалы, только с помощью компаса, по заданному азимуту — для следопытов дело привычное.

Потому и справилось с ним большинство неплохо. А болельщики волнуются:

— Как идет Челябинск?

— Эй, земляки, не подкачайте — уфимцы по очкам вам на пятки наступают.

— А где Шаркан? Нашлись ли шарканцы?

Напряжение нарастает. Быстро «расправившись» с краеведческой викториной, команды идут дальше.

Опять 400-метровый кросс. Еще одна задача — определение следов зверей и птиц. И если в беге по пересеченной местности младшим со старшими тягаться было трудно, то в решении следопытской задачи старшие получили штрафных очков в два раза больше. Первенствовали здесь школьники Перми, села Ува и... неожиданно нашедшаяся команда Шаркана.

Да, шарканцы нашлись, как и школьники Кургана. Не только нашлись, но и на каждом новом этапе шли в первых рядах. «Экзамен» по топографии дал первое место курганцам, а второе — Шаркану (у старших первенствовали ижевцы). На КП-9 (установка палатки и разведение костра) история повторилась: лучшие результаты у курганцев (а также у челябинцев и оренбуржцев), а второе место опять за командой Шаркана (вместе с командами городов Октябрьского, Тюмени и Златоуста).

Но увы, в победители им попасть не удалось — «блуждание» на этапах дало себя знать, обе эти команды сняты с зачета. «Ничего, в следующий раз хитрее будем», — говорят ребята.

Установлена палатка, разведен костер, и вскипячен чай в котелке, можно финишировать. Команда за командой, потные, взволнованные, усталые пробегают ребята под финишной аркой... Соревнования окончены.

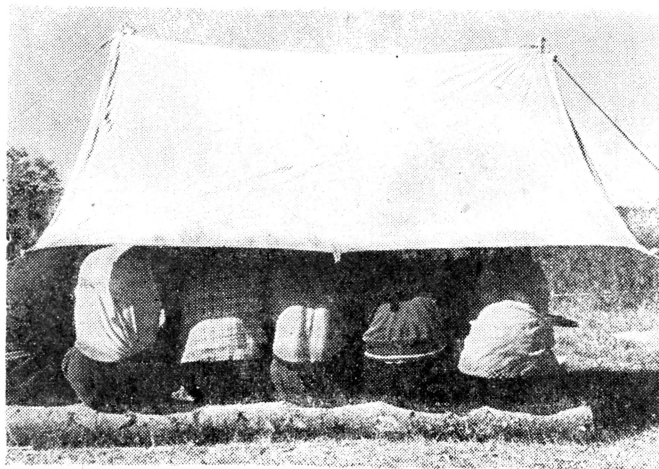
Судьи, деловито собрав свою «канцелярию», солидно удаляются в штабную палатку подсчитывать результаты. А болельщики и участники, собравшись группками, еще продолжают переживать перипетии соревнований, поглядывая на щит объявлений, не появились ли итоги, выведенные судейской коллегией.

Зато после, когда, скрупулезно подсчитав очки каждой команды и чуть ли не с помощью арифмометров подведя итоги, судьи вывесили таблицу результатов, не одно «ура» прозвучало в честь победителей трудных, интересных, подлинно следопытских соревнований: отряда рабочих Ижевска и отряда школьников Челябинска.

СЛЕДОПЫТЫ ПРЕДЛАГАЮТ

Как жаль, что у нас на Урале нет «автостопа». В Московской и Ленинградской областях, в Прибалтийских республиках это хорошее начинание действует давно. Купил книжечку талонов «стоимостью» в 10, 20, 50 километров, и любой шофер порожней машины, идущей попутным рейсом, подвезет тебя на указанное в талоне расстояние. А потом шофер сдает талоны и получает премию. И участникам похода удобно, и шоферу хорошо. Может быть, областные советы по туризму возьмутся за организацию у нас этого хорошего дела?

Полчаса наш фотокор
Вел напрасный разговор,
Предлагал сто раз
ребятам:
— Повернитесь к
аппарату!

— Недосуг! — руками
машут.—
На столе остынет каша...
Ну, а каша — не пустяк!
И пришлось снимать их
так.

Следопытский адрес
краток,
Все в нем сказано сполна:
«Синий бор у переката,
Справа пятая сосна!»

В новых «Правилах организации туристских путешествий» и в материалах для квалификационных комиссий по-прежнему слабо отражена исследовательская роль туризма. Больше внимания уделяется спортивным показателям. А ведь мы говорим, что каждый турист должен быть следопытом, активным исследователем своего края. Всесоюзной федерации туризма следует внести соответствующие изменения в эти правила. А то что это за мастер по туризму, если он только хороший спортсмен, а никакой пользы родному краю своими походами не приносит.

У нас есть следопытские отряды, которые увлеклись только какой-то одной «специальностью»: историей, геологией, спелеологией. Хорошо это или плохо? И хорошо, и плохо. Хорошо, потому что целеустремленность позволяет добиться больших результатов. А плохо в том случае, если такой следопытский отряд в своих походах ничего другого не хочет видеть. Следопыт должен обладать комплексом разнообразных знаний о своем крае: знать и историю, и географию, и геологию. Иначе «историк» может равнодушно пройти мимо ценного месторождения полезных ископаемых, а «геолог» в свою очередь «не заметит» важную историческую реликвию, которую давно ищут музеи. Можно и нужно быть «специалистом», но не односторонним. Вот челябинцы молодцы: они увлекаются геологией, но не забывают в своих походах ни истории, ни ботаники, ни географии.

СЛЕДОПЫТСКИЙ ФОРУМ

Следопытский форум — это тоже традиция наших слетов. Нынче он длился несколько часов и... еще несколько часов на следующий день.

Следопыты заседали. Но залом для них была лесная поляна без трибуны и удобных стульев. Много вопросов волновало ребят, многое хотелось рассказать о том, что сделано, хотелось пометчать о будущем. Времени не хватало.

ФАРИБ ГАНЕЕВ, рабочий (Уфа).

Наш отряд провел большой поход по путям легендарного рейда уральских партизан под командованием В. К. Блюхера. Собрали богатый материал, оформили его и передали в Музей революции в Москву. Оказали помощь сельскому самодеятельному музею в селе Аскино.

Свой следопытский год закончили десятидневным геологическим походом, в результате которого поданы заявки на медную руду и листовит.

ВЛАДИМИР НАЗАРОВ, студент (Курган).

Тут много выступает геологов. И это понятно: геология — дело увлекательное и очень нужное. Наша область не богата полезными ископаемыми, и мы ищем романтику в другом. Недавно построена железная дорога Курган — Целинные Пески. Написать ее историю — это, по-моему, тоже следопытство. И мы напишем ее.

ЛЮДМИЛА ЦЕДИЛКИНА, школа № 7 (Первоуральск, Свердловская область).

В прошлом году мы открыли месторождение самоцветов и минеральный источник, за что получили премию Комитета по геологии и охране недр — 500 рублей. Эти деньги пойдут на пополнение нашего краеведческого музея.

А нынче летом работали в геологоразведке. Практически ознакомились со всеми видами поисков полезных ископаемых. Узнали много об истории Урала.

Мечта у нас одна: из года в год готовить себя к уже выбранной профессии. Быть и в будущем на любой работе следопытом.

ГЕННАДИЙ БАТРАКОВ, рабочий (Салават, Башкирия).

Как-то в походе по Сакмаре мы встретились с бывшим чапаевцем. Он рассказал нам такой эпизод.

«Пришел проситься в отряд к Чапаеву. Стою, разговариваю с ним. Потом повернулся и увидел в зеркало, что Чапаев целится в меня. Выстрелил мимо. Я не дрогнул. Он меня принял в отряд».

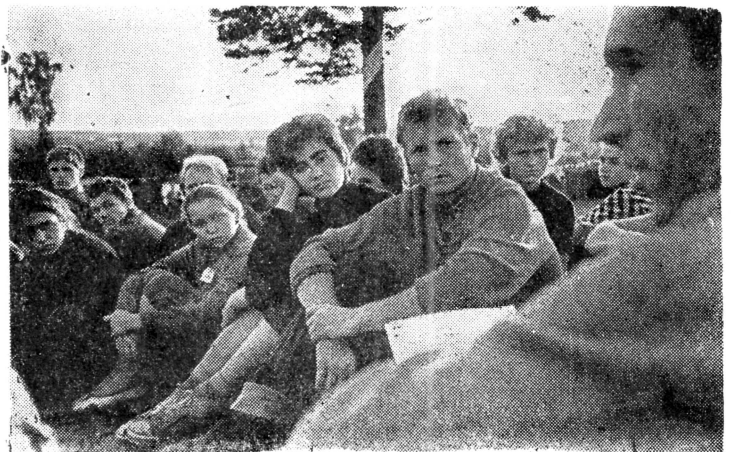
Я, конечно, не хочу сказать, что таким способом надо принимать в следопытские отряды. Но следопыты, по-моему, должны быть, как чапаевцы: смелыми, целеустремленными, способными не дрогнуть ни перед какими трудностями.

Мне очень понравилось выступление Гали Бабиковой, ее рассказ о защите елочек, о геологической экспедиции, которую они обязательно проведут. Мы тоже будем работать, как ижевцы.

ТАМАРА БЕЛКОВА (село Ува, Удмуртия).

В нашей школе в каждом классе есть следопытский отряд. Все мы изучаем родной край. Одни ребята собирают материалы о Владимире Ильиче Ленине, другие — о космонавтах, третьи — о героях гражданской и Великой Отечественной войн. Потом мы рассказываем о находках, делимся впечатлениями.

Каждый год мы высаживаем в своем районе несколько гектаров сосен и весной, летом и осенью помогаем колхозникам в сельскохозяйственных работах.

ПРИЗЕРЫ

СЛЕТА

Редколлегия журнала и штаб слета решили:

I. Переходящий приз для следопытских отрядов старшего возраста вручить

ОТРЯДУ МОЛОДЫХ РАБОЧИХ ГОРОДА ИЖЕВСКА (УДМУРТСКАЯ АССР).

Наградить значком «Следопыт» членов отряда, участников слета:

**Бобылеву Галину — инженера,
Иванова Геннадия — старшего мастера,
Федорова Виталия — слесаря,
Стрелкову Светлану — мастера,
Чернышева Анатолия — шлифовщика.**

II. Переходящий приз для отряда юных следопытов вторично присудить победителям первого слета.

ОТРЯДУ ШКОЛЫ № 107 ГОРОДА ЧЕЛЯБИНСКА.

Наградить значком «Следопыт» новых членов отряда:

**Белянова Сергея,
Кореканову Ляду,
Кирееву Светлану.**

III. За победу в соревнованиях вручить памятные вымпелы «День следопыта. 1963»:

**Отряду молодых рабочих Ижевска.
Отряду юных следопытов школы № 107
Челябинска.**

IV. Наградить специальными и памятными вымпелами:

1. Отряд юных следопытов клуба «Зеленый океан» (поселок Шумиха, Пермской области) — за 100 следопытских гектаров и за массовость следопытского движения.

2. Отряд юных следопытов школы № 2 города Октябрьского (Башкирская АССР) — за ценные геологические открытия.

3. Отряд молодых рабочих города Уфы (Башкирская АССР) — за изучение геологии своего края.

4. Отряд молодых рабочих города Салавата (Башкирская АССР) — за интересные походы по дорогам семилетки.

5. Отряд юных следопытов школы № 25 города Тюмени — за сбор важных исторических материалов.

6. Объединенный отряд следопытов школы № 11 и молодых рабочих города Кургана — за ценные исторические экспонаты.

7. Отряд юных следопытов школы № 10 города Златоуста (Челябинская область) — за собранные материалы к 60-летию II съезда РСДРП.

8. Отряд молодых специалистов города Сыктывкара (Коми АССР) — за важные исследования родного края.

Вручить значки «Следопыт» членам отряда:

Калмыкову Николаю — инструктору туризма,

Галерея следопытских дел.

Евстафьеву Алексею — лаборанту,
Абатурову Юрию — преподавателю,
Шаповалову Геннадию — преподавателю,
Смирнову Сергею — студенту.

9. Отряд юных следопытов города Первоуральска (Свердловская область) — за создание путеводителя по своему району.

10. Отряд юных следопытов села Ува (Удмуртская АССР) — за общественно полезный труд во время походов по краю.

11. Отряд юных следопытов села Шаркан (Удмуртская АССР) — за многолетнюю непрерывную работу по изучению истории своего села.

12. Отряд юных следопытов города Оренбурга — за лучший фотоотчет о походе.

13. Отряд следопытов города Кургана — за хорошую художественную самодельность.

14. Жиленко Юрия — члена отряда курганских следопытов — за лучший номер художественной самодельности у следопытского костра.

V. За многолетнюю активную следопытскую работу среди молодежи наградить памятным призом и значком «Следопыт»:

преподавателя истории Шумихинской средней школы, заслуженного учителя РСФСР, руководителя клуба «Зеленый океан» Шаньгина Александра Исааковича.

VI. За активное участие и помощь в организации и проведении Второго Всеуральского слета следопытов наградить значком «Следопыт»:

1. Грехнева Владимира Андреевича — председателя Удмуртского облсовета по туризму, начальника штаба слета по Удмуртии.

2. Емельянова Алексея Владимировича — директора Удмуртской детской экскурсионно-туристской станции, зам. начальника штаба слета по Удмуртии.

3. Чуракова Александра Федоровича — коменданта слета.

4. Перерву Николая Ефимовича — главного судью.

5. Китовского Станислава Сергеевича — члена судейской коллегии.

6. Ложкина Льва Давыдовича — члена судейской коллегии.

7. Литовских Генриетту — члена судейской коллегии.

8. Сухих Риту — члена судейской коллегии.

9. Москалеву Валю — члена судейской коллегии.

10. Холстинина Алексея — художника.

11. Мельникова Юрия — шофера.

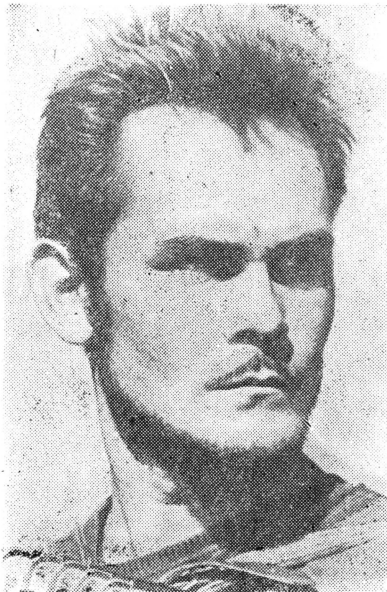
12. Чебаевского Феодосия Феодосьевича — геолога.

VII. За большую помощь слету объявить благодарность:

1. Казанцеву Алексею — художнику.

2. Перебатову Герману — художнику.

3. Тюфякову Ивану — фотокорреспонденту.

Юрий Жиленко.

Завтра соревнования. Лесное ателье за работой.

МЕЧТАЮТ

ЗАЩИТНИКИ ЕЛОЧКИ

В сентябре прошлого года молодежь одного из ижевских заводов собралась в однодневный туристский поход.

— Не пойду, надоело!

Сейчас уже никто не помнит, кто произнес эту фразу — инженер Галя Бабилова или шлифовщик Толя Чернышев. Но ребята зашумели: «Что «надоело»?». Оказалось, надоело без цели бродить по лесу, чтобы только посидеть у костра, пить пахнувший дымком чай...

— Прикажешь цветочки собирать? — спросил у недовольного слесарь Виталий Иванов.

Иногда случайно сказанная фраза становится искрой.

— Хотя бы, — подхватила Светлана Стрелкова. — Мы, ребята, на цветочки редко смотрим. Какие они? Может быть, гербарий соберем?

Первый целевой поход принес удачу, появился гербарий лекарственных растений Удмуртии, его оценили специалисты, его стали использовать на занятиях в вечерней школе.

С этого и началась интересная следопытская работа.

Отряд описал заброшенную штольню у деревни Зуево-Ключи, исследовал реки Чепцы и Валы,

Победители из Ижевска.

осмотрел и описал древние отложения в районе села Гольяны.

А за несколько дней до Нового года ижевцы вышли на защиту елочки, той самой, которая украшает наши дома в этот зимний праздник. Десять отрядов, по пятнадцать человек в каждом, по очереди дежурили в окрестных лесах, выслеживали браконьеров. Семнадцать следопытов получили звания общественных лесных инспекторов.

На слете ижевцы размечтались:

— Проведем в будущем году массовую геологическую и ботаническую экспедиции по Удмуртии,— сказала Галя Бабилова.— Будем ее зачинателями и организаторами. Хотим все сделать сами. Со специалистами — только консультации.

И уже лежит в комитете комсомола собранная следопытами специальная библиотечка. Распределены темы: по основам геологии, по полезным ископаемым и растительности Удмуртии.

И сейчас, наверно, часенко после смены сюда уже приходят те, кто первыми начнет работу самодеятельного семинара инструкторов-геологов, те, кто поведет сотни опытных и начинающих следопытов в большой поход по Удмуртии.

ЦИФРЫ ФАКТЫ

В Тюменской области в 1961 году было 1300 туристских отрядов, которые вели самую разнообразную краеведческую работу: в 1962 году — 2000, в 1963 году — 3500 отрядов. В них — 69 500 школьников.

Рабочие башкирского города Салават перед слетом провели двенадцатидневный геологический поход. В геологическое управление поданы две заявки: на золотосодержащий бурый железняк и кварцевое сырье для стекла.

Молодежный следопытский отряд Коми АССР участвовал в археологической экспедиции филиала Академии наук. На реке Выль впервые в европейской части СССР они обнаружили следы триасовых отложений.

В походах по Приполярному Уралу этот же отряд собрал богатую коллекцию минералов и растений. Они переданы в Педагогический институт.

Отряд молодых рабочих Уфы исследовал летом Игнатовскую, Охлебининскую, Карламанскую, Салаватскую пещеры и пещеру Сказ.

Следопыты златоустовской школы имени Карла Маркса изучали историю партийных организаций одиннадцати предприятий города. Собрали большой материал о возникновении бригад коммунистического труда в Златоусте.

Вместе трудились рабочие, студенты и школьники Кургана. «Малыши» одиннадцатой средней школы изучали историю пионерской организации, а студенты и рабочие — историю комсомольской организации города. Собранный ими материал вошел в книгу о Курганской области, которая сейчас готовится к печати.

Эти же отряды представили на слет интересный стенд на тему «От первых коммунистических субботников — до коллективов и бригад коммунистического труда».

Ребята из седьмой первоуральской школы Свердловской области подготовили путеводитель по своему району.

В 1962/63 учебном году в следопытских походах участвовало 20 000 школьников Пермской области, объединенных в 1440 отрядов. Они совершили 2352 похода по родному краю общей протяженностью более 150 000 километров.

Как-то группа школьников из села Корткерос возвращалась из похода. Шли лесом.

— Смотрите: кедры! Откуда они здесь?

Обошли весь зеленый остров и написали о своем открытии в Коми филиал Академии наук.

Ученые поблагодарили следопытов и сообщили, что ими обнаружена ранее не известная самая крайняя западная точка распространения кедра в республике.

В Коми АССР мало кедра, и члены клуба «Белка» решили создать кедровый питомник, распространить это ценное и красивое дерево по всему району.

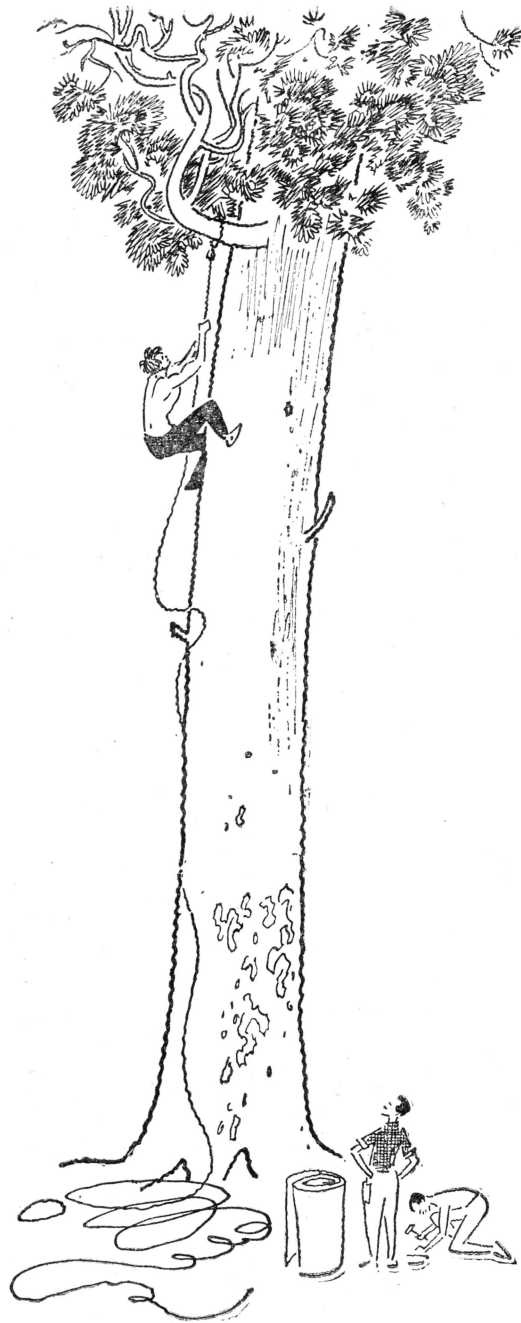
— Отлично! — поддержали ребят в лесничестве.

И вот отряд следопытов во главе с Васей Юраневым взялся за дело. После уроков они работали в будущем питомнике: копали и рыхлили почву, садили семена на грядках.

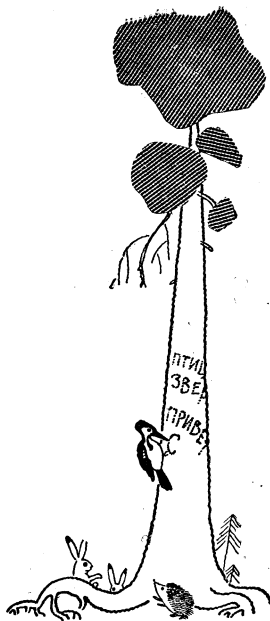
Скоро, очень скоро на этом месте зазеленеют ростки кедра. Отсюда дерево переселится на новые места жительства по всей республике.

Не потеряли ребята связь и с филиалом Академии наук. Ученые дали им задание — исследовать реку Локчим. Ребята осмотрели реку, ее притоки, составили геоморфологическое описание бассейна, открыли неизвестное ихтиологам нерестилище семги, определили границу распространения ужа и гадюки, обнаружили речного бобра, собрали материалы по истории разработок сидерита (железный шпат) и охристой краски.

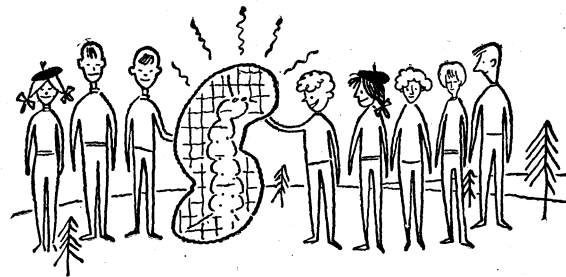
С таким «большим багажом» отряд вернулся к ученым. Работой следопытов заинтересовался Всесоюзный ордена Ленина проектно-изыскательский и научно-исследовательский институт «Гидропроект». По заданию института ребята произвели рекогносцировочное обследование реки Северная Кельтма. Очень интересно быть первооткрывателями!

Накануне открытия слета палаточный городок принарядился и разукрасился. Возвышающаяся в центре поляны великанша-сосна тоже потребовала к себе внимания. И тогда художники решили обернуть ее ствол лентой юмористических рисунков и шаржей на участников слета. Однако забраться вверх по стволу оказалось не так-то легко. На выручку пришли альпинисты.

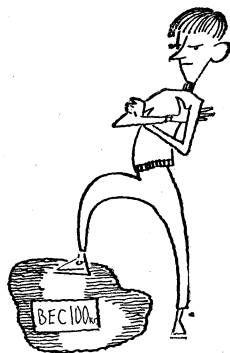

В лесу дятел клювом
стучит по коре,
Дает телеграмму текстом
открытым:
«От птиц и зверей...
двоеточье... тире...
Горячий привет
следопытам!»

— Почему в строю
мешок?
По рядам в ответ
смешок:
Говорят, в мешке —
засоня.

Разбудить никто не смог.
И засоню на лужке
В строй поставили...
в мешке!

Привезли друзья с Урала
Сто редчайших
минералов.
Все глядели с интересом.
Отрицал лишь он успех:
— Ну и что? Зато по весу
Мой булыжник
больше всех!

Он рассказывал
картинно:
— Шли в поход...
Вдруг выстрел!.. Вой!!
Даже старая осина
Покачала головой.
А ведь ей туристов
слушать
Приходилось не впервой!

Хоть в столовой чай
пить сладко,
Но вкусней, чем за
столом, —
Чай вприкуску, чай
вприглядку,

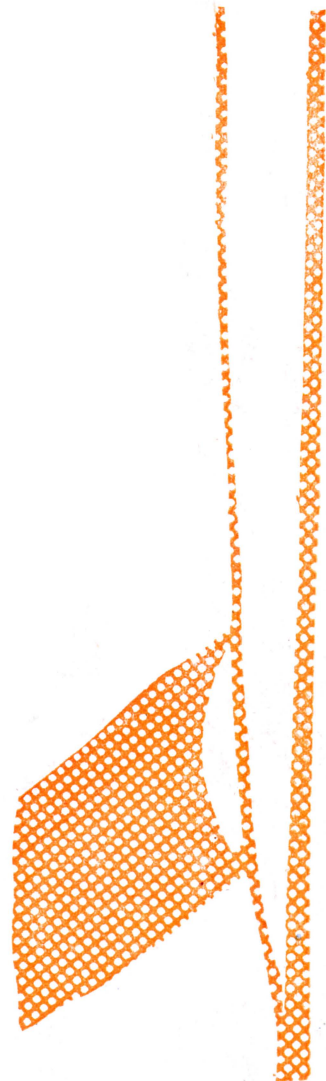
Чай со звездами,
с дымком,
Чай вечерний,
чай с утра,
Чай с походного костра!

Спущен флаг Второго Всеуральского. На память о слете участники высадили в Удмуртии «аллею дружбы». Ребята привезли восемьдесят молоденьких лиственниц из Нагорного лесничества. Около новой, первой в республике туристской базы вырыли ямы и торжественно высадили деревца. Сейчас они едва заметны: ведь ростом они с тех, кто их посадил. Но пройдет несколько лет и аллея станет большой, тенистой. Она всегда будет символом настоящей дружбы, больших чувств и замечательных следопытских дел. Участники слета обещали множить эти дела так, как заявили об этом шумихинцы в своем рапорте.

«От имени всех следопытов Прикамья мы, следопыты клуба «Зеленый океан», заверяем штаб Второго Всеуральского слета, его участников и гостей в том, что следопыты Пермской области поднимут свои рюкзаки и выйдут на новые туристские тропы для выполнения заданий семилетки, чтобы приблизить светлое будущее — коммунизм!»

*И леса, и поля,
Это наша земля,
Это юность уходит в полет.
Следопыт, ты устал?
Это только привал,
Нас дорога зовет и зовет!»*

Посадка деревьев для шумихинских ребят из Пермской области — не новое дело. У них много зеленых питомцев. Пусть растет и «Аллея следопытской дружбы!»

Флаг поднят!

Трудное препятствие

Закипай скорей!

У. Свещина

Что привезли соседи?

Горит следопытский костёр.

ГОРИЗОНТЫ БОЛЬШОЙ ЗЕМЛИ

Очерк

Юр. БОРИСИХИН,
Ан. ЗОЛИН

Рисунки Ю. Ефимова

НА ЗЕМЛЕ

С утра клочковатый туман висит над городом. В редких просветах — ослепительно синее небо. Поблескивают капли росы, стекая с листьев берез. Копры невесомо очерчиваются в белесой влажной дымке переплетами балок. Кажется, они парят в тумане.

Копра два. Один — шахты «Капитальная-2» — виден явственно, второй — шахты «Капитальная-1» — почти невидим. Но заблудиться здесь невозможно: все дороги из Дегтярска в двух направлениях, к копрам.

Засиненные непричесанные вихри гор обступают город, расположенный во впадине. Если посмотреть на него с одной из вершин, то создается впечатление, что кто-то вытряхнул из гигантского мешка сотни домов и раскатились они по увалу, примыкая к единственной прямой улице то огородами, то серыми тропинками в сплошном березняке.

Все это чудно вписывается в сине-зеленую окраску леса и ярко-желтую — рудника. Кругом тишина. Но, прислушавшись внимательно, можно различить негромкий скрежет вагонеток на терриконах, гудение машин, редкие глухие удары дробилок.

Это на земле, а под землей...

Оказывается, есть на свете «двухэтажная профессия» — шахтерская. Те, кто обслуживает верх, — дробильщики, компрессорщики — «верховики», а те, кто забирается глубоко под землю, лицом к лицу с рудой, — горняки.

Рудоподъемом руководит Сергей Николаевич Денисов, бывший забойщик. Он невысокий, плотный. Движения его порывисты, но точны; и от этой скупой точности кажутся медленнее, чем на самом деле.

На вопросы наши отвечает он охотно, часто с шуткой.

— Мой коллектив? — Сергей Николаевич смотрит на нас. На добром лице его появляется улыбка: — У меня трудится молчаливый и безотказный машинный коллектив. А людей... Людей у меня мало. Вот — центральное автоматизированное управление скиповым подъемом и клетью. Штат — один человек.

Он небольшой, этот пульт, похожий на кабину самолета: мягкое передвигающееся кресло, множество кнопок, глазки приборов, телефоны.

— Готовимся к испытаниям, — продолжает инженер. — Скоро вагоны с рудой из забоев пойдут на опрокид по команде кнопки, побегут сами. А ведь даже я помню, когда все делалось исключительно руками, мускульной силой.

Четыре года назад на руднике автоматизировали скиповой подъем. Выводительность возросла на двадцать пять процентов. В целом по руднику получается очень внушительная цифра. К ней необходимо прибавить еще и законную гордость человека за то, что профессия горняка «получает теперь высшее техническое образование». И это закономерно: в наши дни горнорудную промышленность невозможно себе представить без массы умных и сложных машин.

Мы долго еще осматривали просторный зал рудоподъема. Стены светлые. Кругом цветы. Людей почти не видно. Нам рассказали про дозаторные камеры, насадочные кулаки, мерные ящики, про двухстороннюю высокочастотную связь с электропоездами.

В МИРЕ УМНЫХ МАШИН

ветлая комната на глубине 250 метров. Пульт с десятками мерцающих глазков, со множеством кнопок.

Кажется, будто мы не глубоко под землей, а на поверхности, на одной из вычислительных станций.

Это — диспетчерская, мозг шахты. Отсюда на десятки подземных километров разбегаются провода. Они, словно нити нервов, связывают диспетчерскую с забоями. Они безошибочно фиксируют и докладывают диспетчеру, где, на каком горизонте находится скип с рудой, где клеть, сколько выдано руды, как работают насосы, трансформаторные киоски, трапы...

Вот по шкале передвигается красный огонек — этот сигнал означает, что скип находится на 250-м горизонте.

Вот...

И вдруг пульт заговорил:

— Николай Васильевич, подбросьте крепежного леса. Пожалуйста, не хватит до смены.

Николай Васильевич Соловьев — подземный хозяин рудной горы — пообещал подать три вагонетки леса.

— Хватит, Назым? — спрашивает он.

— Конечно! Спасибо!

Что-то шелкнуло, и пульт заговорил уже другим голосом:

— ПереВЕЗИ, пожалуйста, Николай Васильевич, инструменты. Мы переходим на другой целик.

— Хорошо!

Диспетчер нажимает одну из кнопок. И уже снова готов он к очередной операции. Иначе нельзя. Без четкости не было бы и ритмичной работы.

Вот он записывает цифры, дошедшие с места, где опрокидывают вагоны с рудой, кому-то дает приказание, кого-то стыдит, как будто тот не за километры от диспетчерской, а здесь, рядом.

Снова красные сигналы, трест в микрофоне. Прыгающие стрелки приборов.

О себе Николай Васильевич говорит коротко, лаконично, как передает команды.

На Дегтярке (так привычнее и роднее) давно. Около двадцати пяти лет. После горного училища работал на Алтае, потом техникум, а теперь диспетчер. Когда-то был штурманом, летал. Время посеребрило виски, взгляд его стал вдумчивей, движения рук строже и внимательней. Он «приземлился». Теперь управляет этим сложным и могучим механизмом. Здесь, как нигде, ощущается стремительный бросок от страшных, темных и сырых забоев к сегодняшнему дню шахты.

НУРМУХАМЕТОВЦЫ

По рассказу С. Н. Денисова

лло, это третий участок? Епихин, да? Звонят из комитета комсомола.

— Да я, собственно...

— Так что же у вас, Епихин, вчера снова не было нормы? Тянете смену назад. Что у вас происходит?

— Я же...

— Давайте-ка заходите в комитет, побеседуем. Может, помочь чем?

— Да я не Епихин. Это Нурмухаметов. А Епихин в дальнем забое.

— А-а... Слушай, Миниахмет, в чем дело? Почему у Епихина не ладится?

— Не в курсе я, знаете. Не интересовался как-то.

— Ну ладно. Скажи ребятам Епи-

хина, чтоб зашли. Или не надо, я сам встречу их после смены. Ну, бывай. Счастливого поработать.

Миниахмет отложил трубку.

Мимо пробежал электровоз. Лампочка машиниста тускло светилась, на сероватые стены падали отблески. Где-то звучно упала капля. Раньше он не замечал, что капли могут так звонко падать.

Секретарь не упрекал Миниахмета. Но почему же он чувствует упрек? Миниахмет запахнул куртку, подтянул ремень.

«С чего это я разволновался... Странно!»

Еще с минуту постоял, а потом решительно зашагал к дальнему забою. В отливной канавке плескалась вода, журчала, перекатываясь по зализанному, с красноватыми прожилками дну.

В забое Епихина тихо. Парни курят. Издали лица их неразличимы, и можно подумать, что на стену прилепились светлячки. В углу кто-то, ударяя камнем о камень, высекал искры.

— Значит, огонь добываете? — Миниахмет присел, взял протянутую кем-то папиросу.

— До солнышка далеко. А без живого света скучновато, вот и высекаем искорки.

Парни неловко рассмеялись.

— Отчего стоите?

— Телескоп испортился. Послали за мастером.

Миниахмет промолчал, погасил папиросу и, сутулясь, чтобы не задеть камни головой, вышел из забоя.

— А ты, наверно, из нас хотел искру высечь, а, Миниахмет? — крикнули вслед. — Так мы, видишь ли, рядом с камнями работаем... А они, знаешь, народ бесчувственный.

На обратном пути Миниахмет злился на себя. Не умеет он ладить с людьми. Что-то надо было сказать, надо было исправить телескоп — ведь он умеет это.

— Вот что, ребята, — сказал он, вернувшись в свой забой, — бригаду Епихина вытягивать будем.

— О-ля-ля-а, — протянул кто-то. — Ведь это же безнадежные. Если они придут к нам, то будет один: ноль в их пользу. Мы проиграем с сухим счетом.

— И сто: ноль — не в твою, если говоришь такое, — рассердился Миниахмет.

О том, что было дальше, лучше всего рассказывают странички из записной книжки самого Епихина.

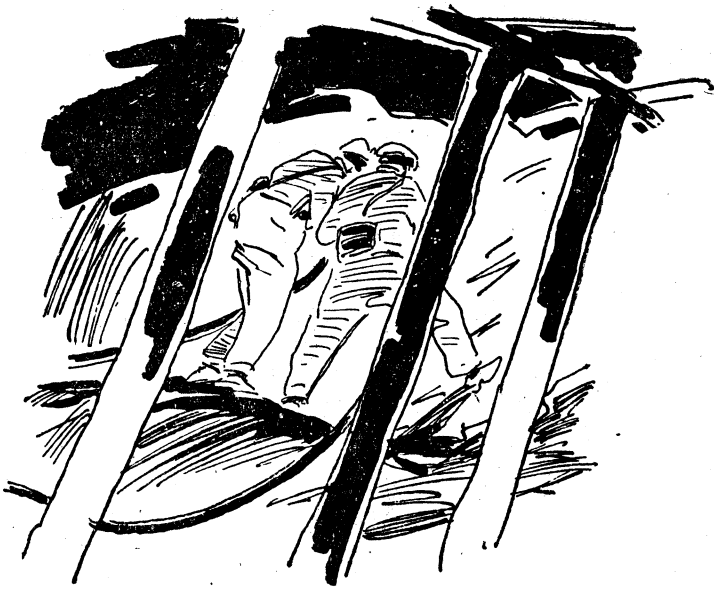

18 августа. Уже три дня в бригаде Нурмухаметова, выработка нашей бригады не повышается. Нурмухаметовцы и не подгоняют, и стоять не дают, но работаем с ними одно и то же время. Приглядываются к нам, что ли?

25 августа. С утра отказал телескоп. Бился, бился — ничего не получается. Стою возле замолкшей махины и плююсь. Кругом работают, а я стою. Как ножом по сердцу это стояние. Вдруг появляется Миниахмет.

— Смотри, что я принес, — и вытаскивает «Крокодил». Поохотали над карикатурами Щеглова. Здорово рисует.

Миниахмет объяснил, как починить телескоп.

В этот день мы вплотную приблизились к норме.

1 сентября. Вот-вот будет норма. Перед обедом было пятьдесят процентов. Ребята наши с радостью присели закутить.

И опять Миниахмет.

— Привет дымокурам! Это что за посиделки в бригаде? Все работают, а вы? Перекур — не отдых перед обедом, а награда за сделанное.

Говорит весело, а на лице огорчение. Стыдновато нам стало. Возобновили работу.

10 сентября. Ура! Впервые за историю нашей бригады — норма!

Приветствовали нас сдержанно, но искренне. Наверное, боятся перехвалить. Вечером ходили на «Балладу о солдате». Вышли до того потрясенные, что сначала не могли вымолвить ни слова, а потом разразились. Говорили много, наперебой. И когда стихли, Миниахмет сказал:

— Спасибо, ребята! Я не ошибся в вас.

Хороший парень Миниахмет. Домой шли вместе.

— Честно говоря, вы молодцы, — продолжал Миниахмет, — а вот мы получили урок. Когда на тебя равняются, это хорошо, даже приятно. Но тебе, значит, нельзя стоять и дожидаться. А мы дождались. У вас выработка возросла на 20 процентов — у нас на 5. Что-то мы недочли.

Ноябрь (число неразборчиво). Все дали по полторы нормы. Теперь уже не делимся. Есть одна бригада — Нурмухаметова. Отбиваем 900 кубов руды. Здорово! Предложили нам разъединиться. Наотрез отказались.

— У нас нет двух бригад. Мы вместе. Записи возобновляются только в мае следующего года.

19 мая. Радостная вест! Сообщение прямо в забой. Нам присвоили звание бригады коммунистического труда! Жали друг другу руки, качали Миниахмета. После смены поднялись наверх и запели. Не помню, что пели, но пели здорово.

Миниахмет увидел таблички: «По газонам не ходить». Раньше мы и не замечали их. Собрали таблички, унесли дальше.

Поднимешься из забоя — хочется каждый лепесток поцеловать, а тут... Не станет горняк по газонам ходить.

И последняя запись из дневника Епихина.

18 августа 1963 года. Всей бригадой смотрели «Русское чудо». А в чем это русское чудо? По-моему, оно в таких парнях, как Миниахмет, как парни нашей бригады, которые составляют великое содружество, коллектив. Главное чудо — это умение жить и работать коллективно, ради общей цели.

И еще новость. В честь Дня шахтера отбили 2000 кубов руды — из них 1200 кубов сверх плана. Берем на себя отстающую бригаду Хабибуллина. Теперь нас 20 забойщиков.

БУКЕТ БРИГАДЕ КАРТОХИНА

В забое полумрак. Дрогнул, пошарив по каменистым стенам, неяркий луч фары электровоза, отгремели на рельсовых стыках колеса вагонов, клацнула автоматическая стрелка — и снова тихо.

Михаил Картохин жесткой вачегой простукивал шероховатую грудь забоя. Постукивал и прислушивался.

Он пришел сюда первым. Ребята из его бригады идут сейчас по штреку, курят, переговариваются. Но в этом непринужденном разговоре сдержанность и некоторая тревога.

Картохин, собственно, спокоен. Он собирается присесть, закурить, но рука сама тянется к руде. Михаил выстукивает молчаливое тело забоя, как врач, прислушивается и думает: «Почему освоение новой системы подэтажного обрушения поручили именно его бригаде? Ну, молодежь. Ну, учатся все. А ведь выработка у них ничуть не выше других. Правда, дела по освоению новой системы идут неплохо. Все налажено...»

Пришли ребята, и забой наполнился неторопливым гулом.

— Привет бригадиру.

— Говорят, начало новой жизни.

— А начало — есть конец прежней. Ребята, сегодня решающий бросок! Перейти границу старых выработок, так сказать.

Это Володя Мацюра. Любит пофилософствовать.

— Знаете, я подсчитал, что при освоении новой системы мы потеряли чистого на рубль около сотни на брата. — Все повернулись к Николаю Кудеярову: слишком бестактно прозвучала его фраза.

— Слышь, Никола, ты в каком классе учишься? — спросил кто-то.

Кудеяров не уловил иронии в вопросе.

— Ну, в восьмом.

— То-то, думаю, с чего он так силен в арифметике.

И злее:

— Лучше бы подсчитал, какая выгода руднику.

— Рудником не тыкай. Насчет этого я в курсе. Мне знать хочется, какую мы выгоду имеем.

— Во-первых, не мы, а ты, если так любишь считаться, а во-вторых, отставь такой разговор, если не хочешь поссориться. — Картохин подошел к Кудеярову и проговорил это совсем тихо.

Николай замолчал и, сопя носом, пошел к телескопу.

Вот лаконичные звонки в рудоуправление (где, естественно, интересовались ходом работы).

12 часов. Бригада Картохина за час до обеда дала 60 процентов нормы! Попросили никого персонально не выделять. Настроение отличное.

Час дня. Есть норма! Бригада просила передать в комитет комсомола, что отобьет к концу смены по 10,5 тонны на человека.

3 часа дня. Бригада Картохина отби-

ла 11 тонн руды на человека, доказав таким образом целесообразность и эффективность новой системы добычи.

Кроме того, установлен абсолютный рекорд выработки на каждого забойщика.

Секретарь комитета не выдержал, помчался к клумбам и нарвал большущий букет цветов, самых ярких, самых запашистых.

Всем досталось по цветку — и бригаде Картохина, и тем, кто поздравлял ее, а Кудеярову — два.

— Нет, бери, бери, — говорил секретарь. — Слышал я, как ты отличился утром.

Тогда смущенный Николай подошел к Картохину и протянул ему второй цветок.

— Это твой, Миш. Извини за подсчет. Я ведь... С каждым бывает...

— Дело не в прощении, — совершенно серьезно сказал Картохин. — Тут, Николай, принципиальный вопрос. И извиняться нужно не перед нами, а перед своей совестью и теми, кто отстраивал Дегтярку. Надо быть чистым и в душе, и в помыслах, чтобы не краснеть перед теми, кто был до нас и кто доверил нам сегодня эти шахты. Вот так.

Чтобы глубже уяснить смысл слов Михаила, необходимо познакомиться с некоторыми эпизодами из истории города Дегтярска.

„ДУБИНУШКА“

Рассказ старейшего горняка
пенсионера А. С. Захарова

Тридцать лет я отработал. Посчитай, половина истории шахты прошла на глазах. Помню, когда были тут англичане, держали они концессию на рудник. А шахты назывались именами столиц: «Париж», «Лондон», «Берлин»... Шутили тогда англичане, что устроили в Дегтярке маленькую Европу.

А этой Европой были бараки, щели в стенах. Сейчас невозможно даже представить, как в них размещалось по пятьдесят человек.

Негде было посушить одежду. Сравните с нынешними сушильнями, душами, мойками. По вечерам запах преющей одежды разносился по поселку.

Работали по-дедовски: «руды добывали на обушок». Двое за смену проходили аршин. Кроме блинзы (фонаря со свечой под стеклянным колпаком), кувалды, молотка и обушка — ничего. Стволы бетонировали вручную, монтировали немудреные механизмы вручную, и только в одном лишь месте людей заменяли лошади. Как заведенные, крутили они ворот. За день так хребтину наломаешь, что заявишься домой, сунешь в рот кусок хлеба — и, недожевав его, на нары. В получку — пьянка, драки. Барак на барак выходили.

Когда приезжали знатные гости, пе-реулки, откуда были видны наши грязные бараки, заставляли щитами.

Однажды приехал к нам богатый акционер. Подобрали мы тех, кто погорластей, и только карета застучала по улице Лордов (так называли улицу, где жили управляющие и мастера), мы толпой туда.

Ввалились, значит, и запели «Дубинушку».

Я раньше отродясь не певал, а тут откуда только голос взялся. Из домов повыскакивали англичане. Прибежал мистер Мекке.

— «Дубинушка» — русский песня. На английских предприятиях песня нельзя петь. Директор обижаться будет, господин недовольный будет.

А песню уже подхватили на шахтах «Лондон», «Берлин», пели под землей, в забоях.

Спели «Дубинушку», начали «Интернационал».

До ночи звенели песни над Дегтяркой. Взбудоражился весь поселок. Улица Лордов опустела, притихла. С утра начались волнения. Поднялась вся округа. Пришли горняки с соседних рудников.

Через несколько месяцев наше правительство в связи с невыполнением английской администрацией договорных условий ликвидировало концессию.

Мы спели ту же «Дубинушку» Никсону, когда тот посетил наш Дегтярск.

Не знаю, вспомнил ли кто-нибудь из его сопровождающих те годы. Должно, были такие.

УРОК ИСТОРИИ

ни приехали в Дегтярск около полудня. Стояла теплынь — окна домов распахнуты. Ветер выдувал наружу трепещущие шторы.

Их было много, гостей из Америки, — Никсон, его супруга, господа деловые люди, иностранные и наши журналисты. Они хотели увидеть «все».

Разрешат ли посетить дома простых (нет, именно простых) рабочих? А осмотреть шахту?

— Автоматы есть автоматы. Нам хочется видеть, как живет человек, — твердил высокий, гладко причесанный господин с блокнотом.

Ему предоставили эту возможность.

Дом рабочего Калягина чист, уютен. Большие окна. Балкончики с резными переплетами, рядом молодые деревца.

Гладко причесанный господин осматривал дом со стороны, подходил, щупал краску на штакетнике (не вчера ли покрашено), оценивал соседние дома.

Господин не говорил: «Поразительно», «Удивительно», (это можно было услышать от журналистов), а ревниво (не показно!) и тщательно выпросил хозяйку о зарплате, о том, чем семья питается, как отдыхает.

— Странно, что они абсолютно всем довольны. Странно!..

— Нет, отчего же,— ответила просто хозяйка.— Кое-чем и недовольны.

— Именно чем же?

— Когда мы с вами, наконец, договоримся о мире, когда можно будет спокойно готовить обед для мужа и быть уверенным, что его место за столом не останется пустым?

— Я не интересуюсь политикой.

Приглаженному господину показали озеро с пляжем, лодками и сказали, что горняки соорудили его сами, собственными руками выстроили все это на воскресниках. Он не выдержал, он опустился на камень.

— Уму непостижимо. Пять тысяч населения! Клуб, школа, бассейн — все!

Господин был похож на школьника, получившего двойку. А когда с клубной сцены зазвучала русская «Дубинушка», заокеанский гость начал вытирать потный лоб — его знобило.

Позднее выяснилось, что это был акционер того самого общества, которое когда-то эксплуатировало Дегтярку. Господин с бывшей улицы Лордов.

ПЛЕЩИСЬ, ОЗЕРО!

Никто не помнит, как Он появился в Дегтярске. Устроился горняком. Видно, и до этого работал где-то на шахте. Вечером с удочками Он уходил в безрезняк, где протекала маленькая речушка, выбирал место на берегу, разводил костер, разматывал удочки. Сидел, терпеливо ждал поклевки, курил.

Часто Он приносил с собой камни, складывал их в сторонке. Скоро на берегу выросла небольшая горка. Начало подсыхать, и вода в речушке стала прозрачной, будто стеклянной. И тогда Он запрудил речушку. Образовалось озеро.

Весной Он привел сюда ватагу ребят. Отхлынуло половодье, речушка вошла в берега, зазеленела на грязистой наноси трава. Ребята таскали камни, палки и складывали все это в кучу.

В одно из воскресений сюда пришло полгорняцкого поселка: копали землю, чистили берег, подвозили камни. Кое-где уже сооружали пляжные мостики. Тут работали все — от бухгалтера до взрыв-

ника, от шофера до повара, и к августу в Дегтярске плескалось озеро. Настроили лодок, развели рыбу. В магазинах разобрали залежавшиеся лески, удочки, крючки. Лексикон горожан пополнился словечками: «насадка», «клев», «улов», «подсадить». И теперь уже горняки мечтают о песчаных пляжах не хуже, чем на Рижском взморье, о лодочной станции, бассейне. А Он, тот упорный рыбак, затерялся в армии дегтярских рыбаков.

О ТЕХ, КТО ИЩЕТ

Консилиум из трех человек — начальника участка Мотыгина, маркшейдера Лапшина и геолога Дернова — заседал до полуночи.

Ветер шевелил на столе бумаги, трогал листья садовых на окнах. Последние штрихи на чертеже, последние цифры в длинных колонках подсчетов.

Утром главный инженер получил папку с надписью: «Предложение по внедрению на руднике новой системы поэтажного обрушения с повышенной высотой подэтажа. Экономия на материалах — 4300 рублей, на заработной плате за счет высвободившихся рабочих — 2300 рублей».

Новая система получила прописку на руднике. Ее осваивала бригада Картохина, о которой рассказывалось выше.

484 человека (из них 360 рабочих) — искатели.

По крупнице собранные наблюдения, горняцкая смекалка — все вливается в общий поток генеральной схемы автоматизации рудника. Будет переведено на дистанционное управление значительное число установок и трудоемких процессов.

И еще немного цифр.

Экономия от автоматизации — 4000 рублей, высвободится 751 человек, производительность труда возрастет на 23 процента.

Собственно, пока эти цифры — плод расчета статистиков. Но скоро они станут явью. Ведь передний край работ, где отбивается руда, на шахтерском языке называется «горизонтом», а новые горизонты открываются тем, кто ищет.

В одной профессии — пять

На Дегтярском медном руднике еще в 1956 году работало сорок шесть стрелочников, сигнальщиков, дверевых, опрокидывателей, тридцать два люковых. Все это профессии тяжелого физического труда. Сегодня они исчезли, вернее, объединились в одну новую профессию — оператор подземного электровозного транспорта. Операторов — всего шесть. С пульта управления они производят все те операции, которые раньше выполняли люди пяти профессий.

На стало в горнорудной промышленности стволовых и подкатчиков вагонов. На том же Дегтярском руднике девяносто четыре человека старой профессии заменены двадцатью операторами клетьевого подъема. А на смену машинистам ручных установок пришли электрики по наладке и настройке автоматов.

Многие годы существует профессия сталевара. Но если несколько лет тому назад он еще вел плавку «на глазок», то теперь стал организатором производственного процесса, его технологом. Чтобы выплавлять самые сложные марки стали, он научился управлять автоматикой мартеновской печи, пользоваться ультразвуковым расходомером и фотоэлектропиометром.

Из мартеновского цеха исчезла профессия шлаковщика, который

По Великой Программе

Парафиновое «чудо»

Чтобы дать сырье для изготовления чудесного стирального порошка «Новость», советской китобойной флотилии приходилось долгое время бороздить штормовые воды океана, охотясь за кашалотами. Жир этих морских чудовищ и шел на лучшие сорта мыльных порошков. А сейчас используется парафин, с которым многие годы «воюют» башкирские нефтяники, с трудом выскребая его из труб.

На Уфимском нефтеперерабатывающем заводе имени XXII съезда КПСС работает большой цех синтетических жирных кислот, где из парафина получают замечательную основу для мыла.

Еще год назад цех лихорадило, недоставало сырья. И вот в конце прошлого года на Ново-Уфимском заводе ввели мощную установку по обработке парафина.

В 1963 году цех синтетических жирных кислот обещал выдать столько продукции, что если бы такое количество кислот готовить из подсолнечного масла, потребовалось бы засеять подсолнухом гигантскую площадь — в 80 тысяч гектаров. В том же случае, если кислоты готовить из китового жира (для «Новости»), в Атлантику потребовалось бы снарядить целую экспедицию.

А. С.

вручную собирал шлак в специальные коробки, подготавливал шлаковые ямы. Теперь обе операции производят машины.

* * *
А если заглянуть туда, где идет разливка стали?!

В 1932 году в тарифно-квалификационном справочнике значилась такая профессия — канавщик. Это он готовил разливку у мартеновской печи, при невыносимой жаре и горячей пыли. Сейчас этой профессии нет. Разливка стали проходит на передвижных тележках. Руководит ею сборщик состава изложниц. Он работает в специальном отделении. А такие операции, как чистка и смазка изложниц, выполняются машинами.

* * *
Ушло в прошлое представление о заготовке леса, связанное с топором и пилой. Теперь в леспрохозах деревья валят и обрабатывают мощные машины, автоматические и полуавтоматические линии. Рубщиков и пильщиков сменили наладчики, операторы и электрослесари контрольно-измерительной аппаратуры.

* * *
Появились новые профессии на стройках. Каменщик сейчас не просто каменщик, а каменщик-монтажник по сборке крупных блоков и сооружений. Название усложнилось, но работа стала проще и быстрее.

А главной фигурой на стройках, пожалуй, стал машинист башенного крана. От четкости, ритмичности его труда зависит успех людей остальных профессий.

Д. ЛИБЕРМАН

Сколько названий „Урал“?

Уральские горы, хребет Урал-тау, река Урал, Верхне-Уральск, Каменск-Уральский. Эти названия на карте связаны со словом «Урал».

Раньше всех, пожалуй, появилось название «Уральские горы». Так, например, в указе берг-коллегии за 1726 год говорилось «о копке старых рудяных копей, которые найдены на Уральских горах ишимским жителем Матвеем Дмитриевым...» Одновременно жили и прежние названия гор — Рифейские, Каменный Пояс.

Река Урал до 1775 года называлась Яиком. Новым именем ее Екатерина II пыталась стереть память о восстании Пугачева.

Название «Урал» в смысле определенной территории вошло в обиход с самого конца XVIII века. В официальных документах впервые употребил его известный горный деятель А. С. Ярцов.

Наконец, в 1818 году понятие «Урал» под названием Уральское пространство было выделено на карте России известным статистиком и географом К. И. Арсеньевым. В него включались губернии Пермская, Вятская и Оренбургская.

В XIX—XX веках административно-территориальное деление Урала неоднократно изменялось, уточнялось. Ныне находится в широком употреблении экономическое понятие Урал, как прежний горнозаводской район, и Большой Урал, образованный в 1961 году.

А. КОЗЛОВ

ЧУДО-ТРАВА

В одиннадцатом номере «Уральского следопыта» мы рассказали читателям о подводных пастбищах. Чудо-трава элодея образует в водоемах зеленые поля и служит прекрасным кормом, содержащим минеральные вещества и витамины.

Говорят, если положить рядом силос и элодею, свиньи будут есть чудо-траву. Они даже предпочитают ее мясному бульону.

Элодея не только хороший, но и выгодный корм.

Борис Венедиктович Чистяков — управляющий Деевским отделением совхоза Арамашевский, Коптеловского района, Свердловской области, — сделал такой подсчет. Один человек за день добывает до пяти тонн элодеи. Это равно гектару трав зеленого конвейера. А чтобы выкосить такой гектар травы, требуется не один, а целых пять дней.

В Коптеловском районе много подводных пастбищ. Это и Молтаево, Белое озеро на территории совхоза Алапеский, озеро возле деревни Арамашки и другие.

Но не все водоемы, богатые чудо-травой, известны.

Следопыты Урала! Открывайте новые зеленые гектары тучных озерных пастбищ, сообщайте о них в колхозы и совхозы, помогайте осваивать подводную целину!

А. П.

По Великой Программе

Скважина-миллионерша

Есть на промыслах Башкирии скважины-знаменитости, скважины-ветераны. В Ишимбае — № 702 и 703, положившие начало развитию нефтяной промышленности республики, в Туймазинском районе — скважины № 1 и № 100 — родоначальницы здешней «малой» и «большой» нефти.

Знаменитая скважина № 100, давшая в сентябре 1944 года первый фонтан, выбрасывает на-гора каждые сутки по сто тонн «черного золота». На ее счету более 700 тысяч тонн нефти.

В число знаменитостей вошла недавно и скважина № 158, пробуренная тоже на Туймазинском месторождении. В начале ноября прошлого года она дала первый миллион тонн добытой из недр девонской нефти.

Чтобы перевезти ее, потребовалось сорок составов.

В сентябре этого года миллионерше исполнилось восемнадцать лет. Наступило совершеннолетие. К этому времени она выдала в счет второго миллиона 80 тысяч тонн нефти.

Пионеры города Октябрьского взяли шефство над «ветераншей», разбили около нее сквер, вымостили дорожку.

А. САФОНОВ.

ЭКСПЕДИЦИИ ВЕРНУЛИСЬ ДОМОЙ

Разведчики земных богатств

На восточном склоне Урала нынче продолжаются работы, связанные с поисками меди. Внешне породы ничем не выдавали себя, а отдельные участки вообще не привлекали внимания геологов. Но именно в них позднее были обнаружены окаменелые микроорганизмы, и это позволило глубже проникнуть в тайны земных недр, определить по-новому возраст месторождений.

Доктор геолого-минералогических наук Н. П. Малахова многие годы работала над проблемой поисков окаменевших микроорганизмов в разнообразных породах Урала. На восточном склоне, в толще, включающей медные месторождения, она обнаружила микроорганизмы «мельчайших размеров, исчисляемых микронами. По ним удалось уточнить время образования ряда медных месторождений Урала и несколько иначе направить дальнейшие поиски этого ценного сырья.

При консультации Н. П. Малаховой летом геологоразведочная партия горного института работала на двух участках — Сибайском и Гайском. Для изучения микроорганизмов отобраны образцы. Зимой предстоит большая исследовательская работа. Но уже сейчас очевидно, что большинству из этих пород не 400 миллионов лет, как думали раньше, а «только» около двухсот миллионов. Пород с таким возрастом на Урале много, значит, зона поисков медных месторождений может быть увеличена.

* * *

В краю огромных богатств — Якутии — работала летом экспедиция геологов и студентов горного института. Еще раньше здесь были обнаружены значительные запасы железа и коксующихся углей, и поэтому намечено создать тут новую металлургическую базу — одну из крупнейших на востоке страны.

Но сразу же возникла трудность: в породе нет геологических признаков,

по которым можно было бы сравнить угольные пласты, расположенные в различных точках, и составить карту месторождения. А значит, трудно определить, где, какие работы должны вестись.

В 1962 году в Сибирь выехала экспедиция Свердловского горного института под руководством профессора, доктора геолого-минералогических наук Я. М. Черноусова.

Он применил ранее испытанный метод определения качества углей по содержанию в них целого ряда химических элементов. Исследования дали хорошие результаты.

Летние полевые работы этого года в Якутии позволили выявить особенности, свойственные найденным породам. Благодаря ученым и студентам Урала скоро начнется освоение нового месторождения в Сибири.

Е. ОСИНКИНА

У биологов университета

В бескрайних просторах лесотундры Ямало-Ненецкого национального округа работала экспедиция биологов Уральского государственного университета. Студенты пятого курса Татьяна Хочунская, Валентина Ендальцева, Михаил Брауде, Валентина Девчич и аспирантка Владислава Тарчевская изучали биологию птиц Севера. Какие пернатые тут живут, когда прилетают, как размножаются, как переносят суровые климатические условия? Вот вопросы, на которые должна была ответить экспедиция.

Местные жители — ханты — гостеприимно встретили исследователей, чем могли, помогли в работе.

Студенты описали около девяноста видов птиц. Среди них — кряква, красноголовый нырок. Раньше считалось, что эти утки не залетают выше города Березово.

Обнаружены дятлы трех видов: трехпалый, малый и большой пестрые. Тоже сюрприз: дятлы — обитатели лесов, в лесотундре они — редкость.

Материалы экспедиции позволят правильно планировать промысел, акклиматизировать некоторые полезные виды птиц. После обработки сведения будут направлены из Свердловска в Министерство сельского хозяйства,

Экспорт пушнины за границу — важная статья доходов нашего государства. И мы заинтересованы в том, чтобы добыча куницы, норки, соболей, горностая расширялась, а качество шкурок улучшалось. Для этого создана специальная комиссия, объединяющая ученых самых различных специальностей. Членом ее состоит заведующий кафедрой зоологии Уральского государственного университета, профессор, доктор биологических наук Михаил Яковлевич Марвин. Ему поручено изучить видовой состав промысловых пушных зверей и составить карты распространения их на Урале и в северной части Европейской России.

Летом экспедиции научных сотрудников и студентов биологического факультета университета выезжали в различные районы нашей страны. Профессор Марвин со студентом Евгением Некрасовым побывали в Вологодской, Мурманской, Архангельской областях и Карельской АССР, студентка Ольга Холодян — в Башкирии, студентка Анна Ковтун — в Тюменской и Курганской областях.

Задача экспедиции — собрать сведения по пушным заготовкам за 10—30 лет, уточнить видовой состав, численность, распространение животных, размеры промысла. В Карелии найдены материалы за 50 лет, в Коми — за 30, по Архангельской области — за 33 года.

Биологи не проходили мимо некоторых практических вопросов. Например, в Архангельской области в районах, богатых рыбой, посоветовали завести фермы американской норки. Корма достаточно. Около Вологды много животноводческих совхозов, выкармливающих крупный рогатый скот. Здесь нужны дысья фермы, чтобы использовать естественные отходы. В Карельской АССР уральские ученые порекомендовали сократить норковые фермы, так как их количество больше, чем запасы корма.

В течение учебного года материалы экспедиции будут обрабатываться, а потом сланы в комиссию, в Москву.

Э. ЕРМАКОВА

Новые страницы истории

Сибирские летописи рассказывают, что на Среднем Урале войско Ермака встретило племена манси, сибирских татар, хантов. Но где и как жили предки манси, кто до XIII века заселял районы, где Ермак застал сибирских татар? Об этом не говорят ни сказы, ни летописи.

Наш свердловский отряд Уральской археологической экспедиции уже не первый год исследует памятники прошлого в лесных районах Восточного Зауралья. Эти места до последнего времени были белым пятном на археологической карте. Студенты Уральского университета Светлана Данилевич, Валентина Швецикова, Вячеслав Липский тщательно осматривали обрывы берегов рек Тавды и Туры, удобные для поселения места. В поисках древних стоянок, городищ, могильников, курганов нам часто помогали местные жители.

ли. Так, в прошлом году преподаватель Ликинской восьмилетней школы Н. А. Артемьева привезла в кабинет археологии бронзовые изображения животных, наконечники стрел и другие вещи. На место выехал отряд, заложили шурфы и обнаружили шесть памятников различного времени — от эпохи неолита (три тысячи лет до нашей эры) до средневековья (VI—IX века нашей эры).

Нынче начался второй этап полевых работ — раскопки.

Мы раскопали пять памятников при слиянии рек Кульмы и Тыни. Вскрыли четырехугольное жилище. Толстые двухметровые стены его заключены с двух сторон в сруб. Они хорошо защищены от зимней стужи и вражеского нападения. Памятник относится к раннему железному веку.

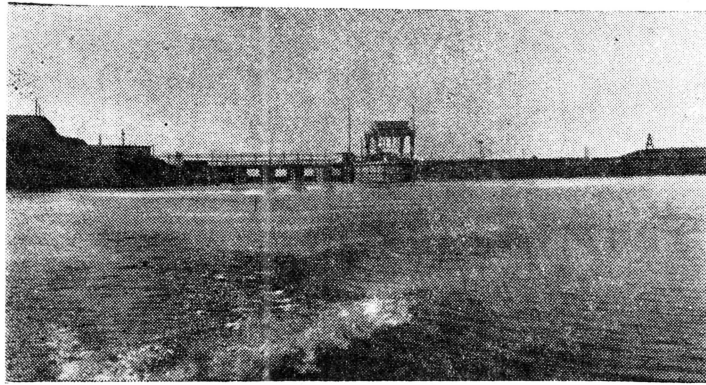
На противоположном берегу реки Тынь в верхнем слое оказался могильник VI—IX веков нашей эры. В нем — останки умерших, которые сжигались на костре, вещи: наконечники стрел, украшения. В одном погребении найдено каменное изображение птицы с опущенными крыльями.

Дальнейшие раскопки отряд проводил по реке Лозьве на Ликинском могильнике. Здесь обнаружено сорок погребений.

Конструкции жилищ, условия погребального обряда, узоры на вещах и сосудах позволяют отнести эти памятники к X—XIII векам. Их создали предки манси, которые в те времена жили по всему течению рек Туры и Тавды. У племен были высоко развиты охота и рыболовство. Об этом свидетельствуют специальные наконечники стрел для охоты, крупные крючки из железа и бронзы, наконечники костяных острог и грузики для сетей, а также рыба чешуя на городищах. Знали предки манси и металлургию. А некоторые предметы новгородского происхождения говорят о связи их со славянским населением.

Раскопки памятников позволили раскрыть еще одну страницу истории народов Урала.

В. ВИКТОРОВА

На Ириклинском море

На семьдесят километров с севера на юг протянулось Ириклинское водохранилище. Еще в 1957 году, до заполнения его водой, экспедиция УралНИОРХа провела исследования гидрохимического режима будущего водоема, чтобы выяснить, какими рыбами заселить его и какой им требуется корм.

Было решено спустить в Ириклинское море новые виды рыб и разводить в нем наиболее ценные из них: леща, судака, сазана.

Прошло шесть лет. В этом году, в июле, снова выезжала наша комплексная экспедиция. В нее входили ихтиологи, гидробиологи, гидрохимики.

Исследования показали, что рыбное население водохранилища развивается хорошо. Большая заслуга в этом рыбоводов Оренбурга. За последние годы они завезли в Ириклинское море 8750 лещей, 711 тысяч штук сазана, 6100 волжской стерляди. Прекрасно чувствует себя в водоеме и плотва. Здесь она и растет быстрее, и вес набирает лучше, чем, например, в озере Балтым Свердловской области или в челябинском озере Аргизи.

Гидрохимики изучали химический состав воды на различных участках и, к сожалению, отметили, что верховье водохранилища загрязнено промышленными стоками. Это недопустимо, особенно в зимнее время, когда содержание кислорода в воде и так понижается.

Результаты исследования показали, что при правильной эксплуатации Ириклинское море превратится в богатейшую кладовую ценных промысловых рыб Южного Урала.

В. МАТЮХИН

Л. САХАРНЫЙ

Для словаря говоров

В этом году диалектологическая экспедиция кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета имени А. М. Горького выезжала в Верхотурский район, в деревню Злыгостеву.

Диалектологу интересны любые темы: ведь «местные» слова употребляются и в разговоре о сенокосе, и в охотничьем рассказе, и в свадебной песне. Поэтому сразу же начинается беседа: «Бабушка, расскажи про старину, про свое житье-бытье!» «Ну, ково я знаю? Никово я не знаю! Нише не скажу».

Такой ответ может обескуражить любого, но мы-то уж знаем, что это какая-то неписаная традиция: так, не сговариваясь, ведут себя в начале беседы все дедушки и бабушки, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться. Не отступаем, и через несколько минут наша бабушка вдруг все «вспоминает».

Экспедиция работала в районе три недели, и за это время мы собрали интереснейший материал, записали много рассказов, в которых сохранились звуковые особенности говора.

Человеку, не знакомому с работой диалектолога, может показаться странным «безграмотный» текст, вроде: «Энтот мужык ф синей лопотине хажывал». Но для нас важно передать живое произношение. А особенностей говора здесь много. Из-за удаленности от городских центров и слабого притока нового населения хорошо сохранились старинные, архаические черты злыгостевского диалекта. Здесь и «пошоу», «ходиу», «лесовау» — вместо «пошел», «ходил», «лесовал» (охотился), и «мало домох», «ездили ф Камышлох» вместо «домоф», «Камышлоф» (как произносим мы с вами).

Основная задача — собрать побольше местных слов, ныне забытых.

Беседовать приходилось и в доме, и в поле, и в кузнице, и в лесу — тогда рассказчик не только говорил о тех или иных предметах, но тут же и показывал их: «Вот ето — веселко. Им тесто замешиваш».

Знакомились мы и с фольклором. В сказках, легендах, песнях, поговорках и особенно в частушках ярко проявляются особенности говора.

За три недели собрали много новых материалов по верхотурским говорам. Они пополнят двухсоттысячную словарную картотеку кабинета диалектологии нашего университета и будут использованы при составлении «Словаря русских говоров Среднего Урала».

ЭКСПЕДИЦИИ ВЕРНУЛИСЬ ДОМОЙ

СЕВЕР- НОЕ СЯ- НИЕ

Рассказ

Евгений МАРЫСАЕВ

Рисунки Н. Мооса

Мы везли продовольствие в отдаленную геологическую партию. Трактор вел Ковалев — человек, которого я знал понаслышке и далеко не с лестной стороны.

К вечеру у него разболелись зубы. Трактор шел, как пьяный, часто натываясь на бурелом и съезжая на обочину. Морщась, Ковалев сильнее сжимал рычаги. И хоть бы одно слово! Тяжелый он человек... Я часто ловил себя на мысли, что зря согласился поехать в такую дальнюю дорогу с этим угрюмым бородачом. Дей-

ствительно, не слышать сутками человеческого голоса — выше моих сил.

О прошлом своем Ковалев молчал, но в геологической партии откуда-то знали, что жена и дочь его умерли в Ленинграде во время блокады, что сам он партизанил в лесах Белоруссии и тоже всякого натерпелся.

Положение мое несколько скрашивал старенький батарейный приемник, установленный на сидении. Он гудел и трещал, будто силился перекрыть работу двигателя. Сквозь треск прорывались

джазовые аккорды и шутки конферансье. Передавали концерт из Москвы.

И мне показалось, будто в экспедицию из Москвы я уезжал не два года назад, а совсем недавно. Как наяву, перед глазами вытянулась Таганка и встало освещенное окно нашей комнаты в большом угловом доме...

Я украдкой посмотрел на Ковалева, словно он мог догадаться о моих мыслях. Все та же борода и грива жестких прямых волос с серебряной полосой посередине. Глаза светлые, но взгляд недобрый. Чувствовалось, что зуб у него болел очень

сильно, потому что он не переставая кривил губы.

Дорога петляла. Два мощных светящихся глаза выхватывали из тайги разбросанный бурелом, вздрагивали, ползли вверх по беспорядочному нагромождению валунов, и трактор подбрасывало, и нас кидало из стороны в сторону.

Еще в сумерках, спускаясь к Вилюю, Ковалев едва успел затормозить: ослепленный фарами, перед трактором, как изваяние, стоял рослый сохатый с таким прекрасным разветвлением рогов, что у меня захватило дух.

— Ну, ты, дура!.. — открыв дверцу, закричал Ковалев.

Сохатый метнулся в сторону, описав в воздухе грациозный полукруг, и бесшумно проплыл за боковым стеклом к перелеску.

Это было не похоже на Ковалева. Мне рассказывали, как он однажды убил обухом топора стройного красавца оленя, и у него не дрогнула рука...

От сильных толчков несколько раз выбивало стальной стержень из уключин, соединявших трактор с санями. Ковалев доставал из-под сиденья тяжелую кувалду, спрыгивал на снег и шел отыскивать стержень. Я помогал ему.

Немели от страшного холода руки. Брови и ресницы, небритые щеки — все мгновенно покрывалось изморозью и леденело.

Ковалев не суетился. Каждое движение у него было точно рассчитано.

Выскочив как-то из кабины во время очередной поломки, я остановился в нерешительности. На небе ни звезд, ни луны. Кромешная тьма. Саней я тоже не увидел и почувствовал их только тогда,

когда уткнулся головой в мерзлый брезент. И лишь на востоке вспыхивала тонкая полоска цвета яркого пурпура. Что творилось с небесами, для меня было непонятно.

На перевале Ковалев включил в кабине свет и затормозил.

Лишь теперь я увидел, что правую щеку у него сильно раздуло.

— Что, не очень-то дорога?—он слегка улыбнулся. Это было чем-то новым. Я впервые видел, как он улыбался.

— Я люблю тебя, жизнь...—неслось из приемника.

— Хорошая песня,—сказал Ковалев, закуривая и глубоко затягиваясь.—И слова простые, и мотив простой. И сила ее в этой простоте.

— Хорошая песня,—зачем-то повторил я.

Ковалев порылся в железном ящике с инструментом и достал клещи.

— Спиртом протереть—сойдут за медицинские?

— Что, здорово болит?

Ковалев кивнул головой:

— Коренной. Предпоследний. Может, попробуешь вырвать?

— Довольно рискованная штука. И нельзя терпеть?

— Терпеть?—переспросил Ковалев и растоптал сапогом окурки.—Терпеть-то можно. Стерпеть все можно.

— До партии еще четверо суток. Это не так уж много.

— То-то и оно, что не четверо. С такой болью едва ли за неделю доберемся. А люди ждать будут... И голодать...

Мне стали как-то сразу ближе и борода его, и большие руки, сжимавшие рычаги. И милой, бесконечно дорогой показалась серебряная прядь на голове.

Я взял клещи, повертел их в руках.

— Дядя Петь, может, не стоит? Не так уж они и голодать будут. Вилкой рядом, рыбы наловят...

— Все равно,—перебил Ковалев.

Он пустил двигатель на малые обороты. В кабине сразу стало темно, и за ветровым стеклом ступевалась с темнотою природная горбатая арка. Вместо кумачовой полоски на востоке теперь виднелось огромное багровое пятно, озаряющее дальние сопки. Снег на вершинах казался малиновым. Слышно было, как где-то очень далеко, должно быть, за Вилюем, выли волки.

— Давай поспим часика два,—сказал Ковалев, раскладывая сиденье.—Ты ложись. И я тоже попробую...

Я переставил приемник и батареи на железный пол.

— Выключить?

— Не надо... пусть. Если к ночи зуб не пройдет—вырвем. Хорошо?

Я не ответил. Мы долго лежали молча. Глаза у Ковалева были закрыты. Я при-

слушивался к его дыханию, стараясь понять, уснул ли он. Мне очень хотелось, чтобы у него ничего не болело...

Где-то совсем рядом завывали волки. Я придвинул к себе карабин. Потом прислонил его к дверце. Испугаются. Не подойдут.

...Меня разбудил сильный озноб—заглох трактор. Я открыл глаза и в изумлении замер. Половодье семицветья ослепило меня.

На стенах, на сиденьи, на одежде металась, прыгали разноцветные, упругие языки пламени, будто за окном кто-то разжег огромный костер. «Пожар»—молнией пронеслось в голове.

Я пнул ногой дверцу. Тайга не горела—все было озарено северным сиянием. Ни звезд, ни луны не было на небе, и длинные широкие полосы, тянувшиеся пирамидально со всех концов горизонта, сходились прямо над головой в пестрое месиво, вспыхивая то красным, то зеленым, то фиолетовым светом, гасли на какое-то мгновение и вновь зажигались другими цветами.

На землю было больно смотреть. Снег, деревья, скалы светились неровными прыгающими лоскутами, будто чья-то гигантская рука сорвала с небес радугу, изломала ее и разбросала куски по земле.

Самые темные впадины и расщелины, куда ни зимой, ни летом не просачивался луч солнца, переливались огнями.

Звери и птицы перебесились. Над головой, раздраженно хлопая крыльями, стаями носились белые куропатки и глухари, внизу, по таежной реке, напуганное полыханием небес мчалось дикое стадо обезумевших оленей.

— Дядя Петь! Вставай же, дядя Петь!—забарабанил я кулаками по кабине, только теперь вспомнив о Ковалеве.

Никто не ответил. Я открыл дверцу.

Ковалев полулежал на сиденьи, запрокинув голову. Видно, только что сам себе он вырвал больной зуб.

— Дядя Петь! Ну как же это ты... зачем это ты...—говорил я глупые, ненужные слова, усаживая его на сиденье.

— Все в порядке, парень,—пробормотал он.

...Трактор быстрее, чем прежде, пошел сквозь бурелом. Его окружала огненная тайга. Я сидел рядом с Ковалевым и думал, что далеко не всегда следует судить о человеке со слов других людей.

КРЕСТНИК ПЕТРА

На Орском щебеночном заводе Оренбургского отделения Куйбышевской железной дороги произошла такая история. Молодой экскаваторщик Михаил С. заступал на вахту. Работавший до него машинист буркнул:

— Все в порядке. Можешь поверить на слово.

А сам, избегая взгляда, поспешно удалился. Михаил сначала не придал значения его торопливому уходу. А когда взялся за рычаги, понял: стрела экскаватора неисправна...

В таких случаях полагается непременно остановить машину и составить акт. Михаил пошел в диспетчерскую. А там и слышать не хотят о поломке:

— Щебенка нужна до зарезу, вагоны про-

стаивают, а он какую-то трещину нашел... Иди работай!

Парень оказался уступчивым. И вот случилась авария...

— Снять с работы и отдать под суд! — настаивали некоторые.

— Да не я виноват, — оправдывался Михаил, — заявлял, а меня и слушать не хотели...

— Пустое говоришь, знаем вас!..

Может, так и обидели бы парня черствые люди, если бы не прослышал об этом случае начальник карьерного хозяйства коммунист Кузьма Ильич Попов. Он пошел на прием к начальнику отделения дороги.

— С парнем поступили не только нетактично, но и несправедливо. Михаил не виноват. А мы снова убиваем веру в его силы...

И что же — Кузьма Ильич оказался прав. Сейчас Михаил С. старший машинист экскаватора, руководит бригадой. За безупречную работу на транспорте награжден значком отличника Министерства путей сообщения СССР.

Но какое отношение имеет большевик лени-

ДЖАЛИЛЬ- ИНСТРУКТОР УКОМА

В городе Орске, по улице Карла Маркса, 14, на белокаменном здании установлена мемориальная доска.

В этом доме в
1925—1926 гг.
работал инструктором
уездного комитета комсомола
Герой Советского Союза
лауреат Ленинской премии
татарский поэт
МУСА ДЖАЛИЛЬ

Девятнадцатилетний посланец Оренбургского губернского комитета комсомола прибыл в Орск 11 сентября 1925 года. Он окончил рабфак Московского университета и был уже известным татарским журналистом и поэтом. Муса работал с национальной молодежью Орского уезда.

В то время татарское и башкирское население в Орске составляло одну треть. Жили обособленно. Перед Джалилем стояла задача: развернуть политическую и культурно-массовую работу среди татаро-башкирской молодежи на родном языке, на принципах интернационализма сплотить ее, приобщить к учебе, труду, к общественно полезной деятельности.

В городе открыли татарский клуб, в котором Джалиль работал дни и ночи. Муса был и организатором, и поэтом, и драматургом, и музыкантом, и певцом. До сих пор многие вспоминают, как он страстно исполнял «Марш Буденного», аккомпанируя себе на мандолине.

Джалиль возглавлял культпоходы в татарские поселки и в казахские аулы уезда. На перекладных, а чаще пешком инструктор укома комсомола и члены его бригады мерили версты от села к селу, от аула к аулу. Муса выступал с лекциями о международном положении, задушевно беседовал с молодежью, с пожилыми людьми, создавал комсомольские ячейки, кружки художественной самодеятельности, помогал репетировать пьесы, порой сам их писал,

ЗАЛОМОВА

нец Петр Андреевич Заломов к рассказанному?

В свое время судьба свела шестнадцатилетнего, малограмотного паренька-подпаска Кузьму Попова с революционером-подпольщиком Петром Андреевичем Заломовым. Это случилось в селе Суджа, Курской области, в тяжелые январские дни 1924 года. Тогда Петр Андреевич работал в райисполкоме, а его жена Жозефина Эдуардовна учительствовала в местной школе. Заломов подолгу беседовал с юношей, советовал ему учиться и дал рекомендацию в комсомол. Тогда в Судже только что создавалась комсомольская ячейка. Кузьма Попов вступил в нее четвертым...

Петр Заломов не ошибся в своем «крестнике». Кузьма посещал вечернюю школу, Жозефина Эдуардовна учила его грамоте, а пионеры местного детдома обрели хорошего вожака.

В 1932 году деревенский подпасок с помощью супругов Заломовых поступил учиться в Воронежский железнодорожный институт, там

же его приняли в Коммунистическую партию. В годы Великой Отечественной войны он прошел боевой путь от Волги до Шпрее. А потом офицер запаса вернулся к мирному труду.

А однажды было так. Кузьма Ильич сидел возле радиоприемника. В тот вечер в эфире раздавались мелодии революционных песен и маршей, а потом кто-то тихим ровным голосом стал рассказывать о далеких годах борьбы за власть Советов...

— Слушайте записанное на пленку выступление Жозефины Эдуардовны Заломовой, верного соратника большевика ленинца Петра Заломова, который знаком радиослушателям по книге Горького, — сказал диктор.

«Моя старая учительница! Супруга Петра Андреевича!» — пронеслось в сознании Попова.

Кузьма Ильич вспоминает:

— Я тогда послал весточку в Москву. Ж. Э. Заломова откликнулась. Оказывается, она хорошо помнит своего ученика. И не только меня, но и всех комсомольцев села Суджа. Жозефина Эдуардовна писала, что ее глубоко волнует развернувшееся в стране движение за коммунистический труд. «Бригады комтруда — это будущее нашей страны!» — так она закончила письмо мне, «крестнику» своего мужа...

В. ПРОЛЕТКИН

«Работая инструктором, — пишет бывший секретарь Орского укома комсомола Н. Яковлев, — Муса отличался исключительной собранностью, дисциплинированностью и особым трудолюбием.

Бюро Орского укома РЛКСМ 1925—1926 гг.
В центре стоит Муса Джалиль.

Мне припоминается такой случай. Стояла зима. Джалиль выехал в длительную командировку, но к намеченному сроку не вернулся. Установить его местонахождение в то время стоило больших трудов.

Организовали розыски. Оказалось, что Муса добирался из одного населенного пункта в другой, а возница-казах не спешил, да и лошадь была не из резвых.

В пути погода испортилась. Поднялась метель. Вечерело. До населенного пункта было далеко. Муса решил идти пешком. Возница вернулся обратно.

«Разведка» обнаружила Мусу с сильно обмороженным лицом в одной из землянок.

Он беседовал с пожилыми казахами за традиционным чаем. На вопрос, почему он поступил необдуманно, по-ребячьи, рискнул двинуться по неизведанному пути, Муса, улынувшись, ответил: «Жить и работать без риска не интересно. А это даже не риск, а необходимость. Я сэкономил время. А временем надо дорожить».

— Комсомольская работа обогатила меня жизненным опытом, — вспоминал Джалиль, — закалила и воспитала мое мировоззрение.

Он с гордостью писал:

*Я прошел сквозь учебу, сквозь годы работы
И гражданской войны.*

*Я вливал мою молодость каплями пота
В новостройки страны.*

П. ТОЛСТИКОВ

НЕПОДКУПНЫЙ СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

Встреча в кафе «Трамбле»

Северо-западные губернии России, Крым, Дон, Украина захвачены немцами. Генерал Краснов начал наступление на Царицын. В Архангельске, Мурманске, Владивостоке — английские, французские американские, японские интервенты. На Урале и в Сибири полыхают белогвардейские восстания и белочешский мятеж. Враг сжимает Советскую Республику со всех сторон, стремится нанести смертельный удар изнутри. Вспыхивают белогвардейско-эсеровские мятежи в городах, горят продовольственные склады, взлетают на воздух железнодорожные мосты. Пущен под откос поезд Подвойского.

Эсеры совершили убийство видного большевика Володарского; рассчитывая вызвать вооруженный конфликт между Германией и Советской Россией, убили немецкого посла Мирбаха. Коварный враг действовал в Москве — в самом сердце Республики. Его агенты проникали в советские учреждения и даже в Кремль, в ВЧК и угрозыск. Уже был разработан тайный план покушения на вождя революции Владимира Ильича Ленина.

Такой была обстановка летом 1918 года.

На афишных тумбах Москвы среди объявлений и воззваний еще висело сообщение месячной давности: «Президиум Уральского областного Совета постановил расстрелять Николая Романова, что и было приведено в исполнение 16 июля». Здесь же находился небольшой листок, которому до поры до времени мало кто придавал большое значение. В нем извещалось о переезде в Москву, в дом Соллогубов на Лубянской улице, Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, бандитизмом и саботажем.

...Кончался семнадцатый день августа. По Цветному бульвару не спеша шагал молодой высокий военный. Стены домов, усеянные осьпинами, напоминали о недавних вооруженных схватках милиции с уголовниками.

Часы показывали ровно семь, когда он остановился у трехэтажного полукруглого здания. Когда-то над нижними окнами здесь были натянуты парусиновые козырьки. Теперь же свисали лишь голые искореженные ржавые прутья. И только по-прежнему у входа красовалась чудом уцелевшая вывеска: «Кафе «Трамбле». Военный открыл массивную дверь и очутился на пороге просторного зала, невольно пораженный его внутренним убранством. Незамутненный блеск зеркал, тонкий звон хрустала, снежная белизна крахмальных скатертей — все говорило о нетронутой роскоши. Зал еще пустовал, и вошедший облюбовал столик в дальнем углу. Но дверь снова открылась, впустив человека в скрипящей кожаной тулупе с объемистым портфелем под мышкой. Ни на кого не глядя, новый посетитель стремительной бесшумной походкой направился как раз в этот угол. Чуть нахмутив строгие светлые брови, военный решительно зашагал следом. Человек в кожанке уселся, отер платком открытый покатый лоб, который удлинял и без того вытянутое лицо, и поднял глаза.

— Позвольте? — кладя кончики пальцев на спинку стула, спросил военный.

— Прошу вас, — тотчас откликнулся человек в кожанке и быстро поднялся, чтобы позвать руку. — Рад вас видеть, товарищ Берзин.

— Нельзя ли по отношению ко мне обойтись без «товарища»?

— Как угодно, господин Берзин, — усмехнулся человек в кожанке и перевел взгляд на подлетевшего к ним официанта.

«1 Эсти»

Они познакомились позавчера, во время завтрака у английского посла Локкарта на его частной квартире в Хлебном переулке.

Молодой честолюбивый шотландец Роберт Х. Брюс Локкарт, любитель приключений и тонких интриг, прибыл в Россию еще в начале года по личной просьбе Ллойд Джорджа как специальный уполномоченный военного кабинета. Ему поручалось изучить возможность установления отношений с Россией, не обязывающих Англию к официальному признанию Советов. Но Локкарт имел и другое поручение. Являясь агентом английской разведки, он должен был войти в контакт с оппозицией внутри Советского правительства. Уже с первых шагов Брюсу Локкарту сопутствовала удача — он быстро подружился с Троцким и из Петрограда в Москву вместе с ним ехал даже в специальном правительственном поезде.

В распоряжение Локкарта прибыли лучшие кадры английской разведки — опытный провокатор Шмедхен и знаменитый английский шпион лейтенант Рейли. Отец Рейли был ирландским капитаном, а мать — русская. Он вырос в Одессе, служил в Петербурге, так что после революции у Рейли сохранилось множество связей и знакомств среди белогвардейцев и эсеров. В союзе с властью, владея семью языками, будучи способным и удачливым шпионом и отличаясь фанатической ненавистью к большевикам, он развил бурную деятельность и к августу оказался одним из главнейших антисоветских заговорщиков, который впоследствии называли наиболее фантастической и рискованной авантюрой в истории Европы.

Человек в скрипучей кожаной тужурке, сидевший вечером 17 августа в кафе «Трамбле», был не кто иной, как Сидней Джордж Рейли, он же коммерсант Массино, он же мсье Константин, он же Рейз и, наконец, Сидней Георгиевич Реминский с фальшивыми документами работника Петроградской ЧК, числившийся в досье агентурной разведки под условным именем «1 Эсти».

«План чрезвычайно прост»

Нам нужно поговорить, — начал Рейли, когда официант удалился, оставив на столе чай из сушеной моркови и «пирожные» — запеченную клубнику в ржаном тесте. — Не будем терять времени.

Так вот... — он оглядел пустынный зал ресторана. В дальнем углу, за столиком, под чахлой пальмой в кадучке, где чернела сухая земля, утыканная окурками, покачивался полупьяный рыжебородый человек в расстегнутой купеческой поддевке. На столе перед ним, высыпающая прямо на скатерть, возвышалась горка вареных раков. Захваченный пальцами граненый стакан был наполнен какой-то сиреневой жидкостью. Ключевым носом, пьяный опрокинул стакан и в ответ на ругань подоспевшего официанта начал распространяться о том, что «Рассея гибнет», что ему, единственному наследнику купеческого дома Захаровых-Суриных, все равно, где пропадать: в ресторане или в «чеке». — Этот нам не помешает, — заметил Рейли. — Так вот. Мы установили окончательные сроки. Восстание произойдет в десятых числах сентября.

Рейли достал из портфеля бутылку вина — французский коньяк. Берзин узнал этикетку — такое же вино подавали за завтраком у Локкарта. Рейли наполнил рюмки и, прищурив глаз, посмотрел на собеседника.

Берзин, полуопустив веки, бесстрастно ожидал продолжения разговора, отстукивая пальцами ритм какой-то мелодии.

— Вы ни к чему не притрагиваетесь, господин Берзин. Неужели большевистский паек еще не приелся вам?

— Это не по-джентльменски, — с обидой отозвался Берзин. — Прошу не попрекать меня хлебом, который я получаю у большевиков. Я уже имел честь заявить позавчера господину Локкарту и французскому консулу господину Гренару: да, вначале латыши поддерживали революцию, но теперь, когда генерал Пуль высидился в Архангельске, мы не намерены драться против английских войск.

Именно так сказал Берзин на завтраке у Локкарта. Он согласился перейти на сторону заговорщиков.

— Не сердитесь, — мягко проговорил Рейли. — Я верю в вашу готовность помогать нам. Так вот, о нашем плане. Он чрезвычайно прост. Восстание начинается одновременно в Москве, Петрограде, Вологде и ряде других городов. Пока ваша задача — Москва. Во время пленума ВЦИК латышские стрелки — ведь они будут охранять заседания — должны арестовать собравшихся. Всех арестованных членов правительства мы тотчас переправляем в Архангельск, а оттуда — в Англию. Кроме того, вы лично представляете мне план захвата Государственного банка, вокзалов, телеграфа и квартир ответственных работников. Необходимо также найти типографию, где мы заранее могли бы отпечатать воззвания и листовки.

— Будет сделано, — Берзин кивнул головой. — План превосходен — прост и дерзок.

— Вот здесь. — Рейли обеими руками протянул портфель, — здесь часть обещанных вам денег — 700 тысяч рублей.

Берзин поднялся, принимая портфель.

— Я сделаю все, чтобы наш план удался, — заверил он, подчеркивая слово «наш».

— Теперь мы должны часто встречаться, — напутствовал Рейли. — Вы будете держать меня в курсе всех ваших дел. Следующая встреча — послезавтра. Хорошо, если вы для этого снимете конспиративную квартиру.

— Нет ничего проще, — охотно согласился Берзин.

«Чтобы им не пришлось искать очень долго»

Командир артиллерийского дивизиона латышской стрелковой дивизии Эдуард Петрович Берзин не скрывал своего имени подобно Рейли. Латышские полки отличались преданностью делу революции, высокой боеспособностью и идейной стойкостью. Им была поручена охрана Кремля и всех важнейших заседаний руководства партии и правительства. Поэтому организаторам антисоветского заговора особенно важно было подкупить именно латышей.

По заданию Локкарта за латышской стрелковой дивизией давно следил опытейший провокатор Шмедхен. Он выяснял настроения командиров и солдат и возможность их перехода на сторону мятежников. Латыши сообщили о своих подозрениях в ВЧК. Феликс Эдмундович Дзержинский поручил расследование своему заместителю Я. Х. Петерсу. Петерс и комиссар латышской дивизии К. А. Петерсон решили до конца выяснить намерения Шмедхена. Для этого нужен был свой человек в стане врага. Выбор пал на командира артиллерийского дивизиона Эдуарда Берзина.

— ВЧК известно, что контрреволюционерам, как воздух, нужен разочаровавшийся большевик, — объяснял Берзину комиссар дивизии Карлис Петерсон. — Феликс Эдмундович решил в этом деле пойти заговорщиком навстречу, а то, сам знаешь, искать им придется очень и очень долго. Сумеешь ли выполнить наше задание? Берзин превосходно справился со своей ролью.

14 августа Шмедхен привел его в Хлебный переулок, на квартиру к Роберту Локкарту. Английский дипломат распинался в давнишней любви англичан к латышскому народу, убеждал порвать с большевиками, «продавшими Латвию германскому империализму», не скупился на обещания и не скупился на деньги для подкупа командиров и солдат. На другой день Берзин снова был принят Локкартом. На этот раз его представили Сиднею Рейли и французскому консулу Гренару. Генерал Гренар также не замедлил заверить Берзина: «Латвия за ваше содействие получит самоопределение в полном смысле этого слова».

Дальнейшая связь Берзина с Локкартом должна была осуществляться через Сиднея Рейли.

Тотчас после свидания с ним в кафе «Трамбле» Берзин направился к дивизионному комиссару Петерсону и слово в слово передал разговор с английским шпионом, а также 700 тысяч рублей, принесенных в портфеле. Деньги были положены в сейф.

Берзин, продолжая регулярно встречаться с Рейли, уверял, что дела идут превосходно. Еще дважды он получал деньги — 200 и 300 тысяч рублей. И чем больше давал Рейли, тем больше требовал от Берзина. Указания следовали одно за другим: необходимо резко ухудшить положение латышских стрелков и вызвать их недовольство; всячески препятствовать доставке продовольствия в Москву, скапливать его неподалеку от города, чтобы после путча раздать населению и этим жестом привлечь массы на свою сторону. Кроме того, надо создать союз всех латышей, не довольных большевиками, договориться с петроградской группой о согласованных действиях.

Берзин выехал в Петроград. Следом за ним туда же отправился и Рейли. 29 августа они встретились.

На этот раз Берзину удалось узнать о контрреволюционных группах в Нижнем Новгороде и Тамбове.

Задача Берзина была почти выполнена. Основные нити антисоветского заговора уже были в руках ВЧК. Оставалось выяснить некоторые детали.

Однако враг спешил.

30 августа савинковский террорист убил Уриц-

кого. Для расследования преступления в Петроград выехал Дзержинский. А вечером того же дня в Москве по заданию Савинкова, сообщника Рейли, эсерка Каплан подняла руку на главу Советского государства Владимира Ильича Ленина.

В ночь с 31 августа на 1 сентября московская группа заговорщиков собралась на совещание. Чекисты захватили ее в полном составе. Комендант Кремля Мальков арестовал Брюса Локкарта в Хлебном переулке на его квартире. Почти одновременно была разгромлена и петроградская группа контрреволюционеров. И лишь Сиднею Рейли удалось ускользнуть.

Неподкупный солдат революции

Воскресные газеты 1 сентября вышли с официальными бюллетенями о состоянии здоровья Владимира Ильича Ленина. В последующие дни печатались подробности покушения. На неслыханный террор контрреволюции партия ответила решительными мерами.

Печатались подробности ликвидации заговора Локкарта, сообщения с фронтов, о событиях за рубежом. Среди них наша свое скромное место небольшая заметка «Разоблачитель Локкарта». 22 сентября газета «Известия» писала:

«Ныне заместитель председателя ВЧК т. Петерс нашел своевременным предать гласности имя этого преданного Советской Республике, неподкупного солдата революции, благодаря стойкости и высокому сознанию долга которого был раскрыт гнусный заговор империалистов.

Имя командира — тов Берзин».

Кандидат исторических наук В. Р. Раевский в статье «Неподкупный солдат революции», опубликованной 4 июня 1957 года в газете «Советская Латвия», сообщает:

«После установления в январе 1919 года Советской власти в Латвии в архиве был найден секретный документ. В нем приводится беседа с Локкартом, происходившая в Стокгольме. Локкарт клялся отомстить Берзину и латышским стрелкам за то, что они так подвели английских, американских и французских дипломатов — шпионов и диверсантов. Этот документ тогда же опубликовал в печати П. И. Стучка».

К сожалению, широкому читателю до самого последнего времени было мало известно о той неоценимой помощи, которую оказал Берзин в разоблачении заговора империалистов. Больше того, зачастую роль Берзина искажалась. Участник ликвидации заговора, старый большевик, бывший комендант Смольного и Московского Кремля П. Д. Мальков пишет: «Мне за последнее время приходилось встречать всякую писанину, где Берзина изображают предателем, пособником Локкарта и т. д. и т. п. Все это —

грязная ложь невежественных людей, взявшихся писать о том, о чем они не имеют никакого понятия... Комиссар дивизии Петерсон представил Я. М. Свердлову после ликвидации заговора Локкарта подробный доклад, в котором, в частности, о встрече Берзина с Локкартом писал, что старый опытный дипломат «культурной страны» Локкарт на этом экзамене позорно срезался, а товарищ Берзин, впервые в жизни соприкоснувшийся с дипломатией и с дипломатами, «выдержал экзамен на пятерку»¹.

Досадно, что искажения проникли не только в книги прогрессивных зарубежных авторов, но и в произведения советских писателей. В 1956 году, например, в Ленинграде вышла книжка Е. Воеводина и Э. Талунтиса «Звезды остаются». В ней авторы, не изучив обстоятельств дела, допустили грубые ошибки, вызвавшие законное осуждение со стороны журнала «Коммунист Советской Латвии» поддержанное «Литературной газетой».

¹ Журнал «Советский моряк», 1959, № 7, 8.

В конце 1918 года Э. П. Берзин по рекомендации Я. М. Свердлова был принят в Коммунистическую партию. В годы гражданской войны он воевал на западном, юго-западном, восточном фронтах. А после окончания войны перешел на хозяйственную работу.

В 1927 году, детально изучив природные богатства Вишерского края, Берзин вошел в Высший Совет Народного Хозяйства с предложением о строительстве на Урале Вишерского целлюлозно-бумажного комбината. В 1929 году ВСНХ принял постановление о возведении комбината и назначил Берзина начальником строительства.

За досрочное возведение комбината Берзин был награжден орденом Ленина и вскоре получил новое назначение — на «Дальстрой». Здесь он руководил сооружением золотых приисков, рудников, дорог, строительством порта и города Магадана и вторично был удостоен ордена Ленина.

В условиях культа личности Эдуард Петрович Берзин стал жертвой беззакония. В 1957 году его доброе имя полностью восстановлено.

Арнольд ОЖЕГОВ

Алексей Кириллюк

Алые маки

Алые маки...	Дикие маки...	Алые маки...	Дикие маки...
Каплями крови	светят во мраке.	Здесь под землю	спит твой ровесник,
Так и алеют,	вытянув шею,	Так и не кончив	начатой песни.
В старых окопах,	рвах и траншеях,	Слышишь, как шепчут	буйные травы:
Вновь ты находишь	в гуще болота	— Вечная слава!	Вечная слава!..
Полуразбитый	ствол пулемета,	Каплями крови	светят во мраке
Ржавую каску	в рыхлом овраге...	Алые маки,	дикие маки...
Алые маки,	дикие маки...	Мирное небо	над головою,
Юный товарищ!	Здесь вот когда-то	Молча идешь ты	мятой травой,
Ухали бомбы,	рвались гранаты,	Звонче и звонче	в блеске рассвета
В скрежете танков;	в грохоте стали	Слышится песня,	что не допета.
Старшие братья	на смерть стояли.	Где бы ты ни был —	летом, зимою —
Гордо звенела	жаркая песня	Пусть эта песня	будет с тобою
О беспримерном	мужестве — чести,	В трудном походе,	в жаркой атаке...
Песня про верность	клятве — присяге...	Алые маки...	Дикие маки...

В ШКОЛЬНЫЕ И СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

Светлой памяти Николая Гурьевича
Толмачева

С Колей Толмачевым я познакомился в августе 1904 года, когда он и я сдавали вступительные экзамены в подготовительный класс Ростовского-на-Дону реального училища. В подготовительный обычно принимали ребят в возрасте 9—10 лет. Для Коли было сделано исключение, так как ему едва исполнилось восемь. Он выглядел худеньким, шуплым мальчиком, был близорук и занимал скамейку поближе к доске. Учился очень хорошо и в классе неизменно был в числе первых.

Занятия начались 16 августа 1905 года и проходили в дни бурных революционных событий.

В октябре всю страну охватила мощная политическая стачка. К ней примкнули рабочие паровозоремонтных мастерских и других предприятий города Ростова, передовая интеллигенция, мелкие служащие. Бастовавшие требовали свержения самодержавия и установления демократической республики. Царь издал манифест, живо обещал народу «незыблемые основы гражданской свободы» — свободу слова, собраний и союзов, неприкосновенность личности. Полиция и черносотенцы тем временем разгоняли митинги, убивали революционеров и рабочих.

Я и Коля были свидетелями зверской расправы над беззащитными, ни в чем не повинными людьми.

В декабре на улицах города появились баррикады. В течение нескольких дней восставшие вели героическую, неравную борьбу с войсками царского правительства. Против рабочих была брошена артиллерия. Осатаневшие палачи не щадили ни женщин, ни детей.

События 1905—1906 гг. оставили глубокий след в нашем сознании.

Система воспитания в старой школе преследовала главную цель — подготовить послушных слуг эксплуататорского строя. Начиная с подготовительного класса, нам внушалось, что «царь — наместник бога на земле», «установленные порядки священны» и т. п. Мы обязаны были приходить в училище за 20 минут до начала занятий и становиться «на молитву», а в субботние вечера и по утрам в воскресные дни присутствовать на богослужении в церкви.

После подавления революции 1905 года идеологическая обработка молодежи усилилась. Книжный рынок был наводнен детективной литературой, в которой описывались головокружительные подвиги сыщиков Ната Пинкертон и Ника Картера, зорко охранявших буржуазную собственность и правопорядок.

Надо сказать, растлевающему воздействию детективной литературы на нас, учащихся, в значительной степени противостояло сильное и благотворное влияние части педагогов. Преподаватель естествознания А. К. Кравченко, больше чем кто-либо другой, научил нас связывать теорию с практикой, привил любовь к природе. Под его влиянием мы сверх программы занимались в химической лаборатории, изучали микростроение растительных и животных тканей, собирали коллекции насекомых и минералов, вели метеорологические наблюдения, сообщая о них населению города.

Пребывание в реальном училище приучило Колю и меня не только к самостоятельному труду, но и к заботе о здоровье. Мы с большой охотой посещали уроки гимнастики, а зимой увлекались коньками. В четырнадцати-пятнадцатилетнем возрасте проштудировали книгу И. Б. Мюллера «Моя система», и с тех пор ежедневные гимнастические упражнения стали для нас обязательными.

О Н. Г. Толмачеве см. «Уральский следопыт» № 8 за 1959 год и № 11 за 1963 год.

В июне 1912 года состоялся выпуск. Оба мы мечтали продолжить образование в одном из высших учебных заведений. Решили поступать в Петербургский политехнический институт. Прием туда производился по конкурсу аттестатов.

Июль и первая половина августа прошли в тревожном ожидании. Наконец — радостные вести: Коля зачислен на металлургический факультет, я — на электромеханический.

Однако летние месяцы протекали не только в ожидании результатов конкурса. Для приобретения студенческой формы, учебных пособий и т. п. нам нужны были деньги. Коле удалось устроиться репетитором, а я поступил конторщиком в управление Владикавказской железной дороги с окладом 25 рублей в месяц. Одновременно мы усиленно занимались немецким языком — переводили, отработывали разговорную речь.

Незаметно приближалось 1 сентября — начало занятий в институте. В конце августа одетые в новые студенческие тужурки под напутствия родителей мы с Николаем отправились в Петербург.

Политехнический институт оказался далеко за городом, в густом хвойном лесу, в местности, носящей название «Лесное». Так как на общежитие нечего было и рассчитывать, мы сразу же принялись искать комнату в частном доме. Поселились неподалеку от института, но вскоре из-за скудости хозяйки, не желавшей обогревать помещение, перешли на Яшумов переулок. Здесь и прожили вплоть до 1917 года. По 25 рублей в месяц на брата едва хватало. Нам приходилось во всем соблюдать строжайшую экономию.

Распорядок дня у нас был установлен твердый. Начинали заниматься с 8 часов утра и заканчивали в 10 вечера. Перед сном совершали небольшие прогулки.

Студенты посещали лекции в институте по своему выбору. Зато большое внимание уделялось практическим занятиям в аудиториях и лабораториях. Экзаменационных сессий не существовало. Каждый мог сдавать экзамен по мере своей подготовки.

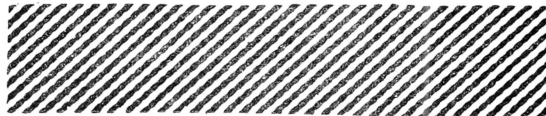
Положительной стороной такой системы было то, что она заставляла усердно штудировать все предметы и вызывала повышенный интерес к отдельным наукам. Конечно, далеко не все занимались добросовестно. В институте существовала прослойка студентов, которые попадали сюда не ради приобретения глубоких знаний и практического опыта, а из чисто карьеристских соображений. К ней принадлежали «маменькины сынки» — дети помещиков и фабрикантов, богатых купцов и знатных чиновников, избалованные и уверенные, что главная сила в жизни — деньги. Многие из них вели праздный образ жизни, с трудом сдавали экзамены, а для выполнения курсовых проектов нанимали материально не обеспеченных студентов. Такую породу студентов в нашей среде называли «академистами» или «белоподкладочниками» и относились к ней с презрением.

Уже в первый год пребывания в политехническом институте произошли большие сдвиги в нашем мировоззрении. Огромную роль сыграло знакомство с «Капиталом» К. Маркса. Произведение это раскрыло нам глаза на сущность классовой борьбы, на историческую миссию пролетариата в построении коммунистического общества.

Начался быстрый рост политической активности Николая Толмачева.

На крыльце дома в Яшумовом переулке.
Стоят (слева направо): Н. Толмачев, Т. Боголепова, А. Татаринов, С. Боголепов, К. Кирста.

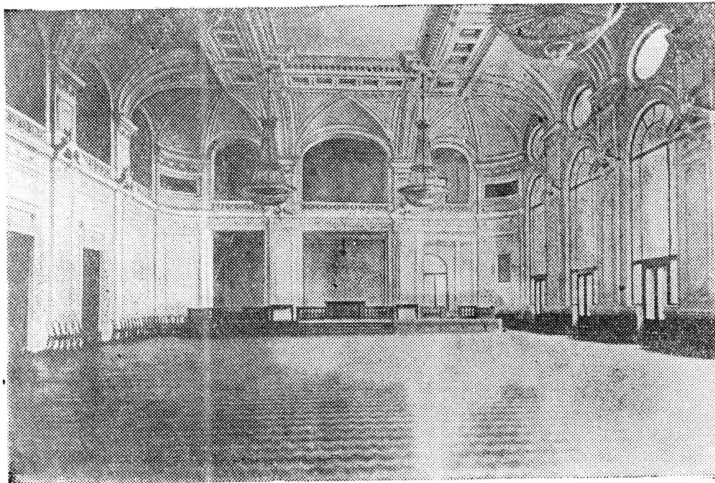

Студенческая вечеринка у Боголеповых. В верхнем ряду (крайний слева) — Н. Толмачев.

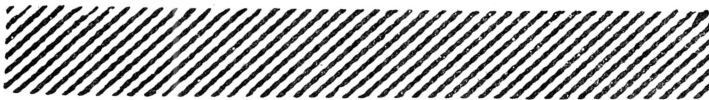

В Удельном парке, вблизи Лесного. Нижний ряд (справа налево): А. Тартинов, Н. Толмачев, К. Кирста и другие.

Актный зал политехнического института, где в мае 1917 года выступал В. И. Ленин.

5 мая 1912 года в Петербурге стала выходить массовая большевистская газета «Правда». Тираж ее по сравнению со спросом был невелик, поэтому каждый экземпляр газеты передавался из рук в руки, становился достоянием десятков читателей. Толмачев вел энергичную работу по распространению «Правды» среди студентов института. Ему помогали К. А. Кирста, Т. и С. Боголеповы и я. Большевистское слово проникало в чертежные залы, в лаборатории и общежития.

Николай, поддерживая постоянную связь с редакцией «Правды», получал задания по организации нелегальной работы среди рабочих отдельных фабрик и заводов Выборгской стороны.

Наиболее сложными были задания по распространению прокламаций Петербургского комитета РСДРП. Получив матрицы, бумагу и краску, подпольная группа политехнического института принималась за изготовление и распространение листовок. Так были отпечатаны листовки о Ленском расстреле, о празднике 1 Мая, об отношении большевиков к империалистической войне 1914 года и другие.

Мы были обязательными участниками первомайских демонстраций. Во время такой демонстрации в 1913 году Толмачева арестовали и несколько дней держали в тюрьме «Кресты». За деятельностью Николая и подпольной студенческой группы была установлена слежка.

В одну из осенних ночей 1914 года в нашу квартиру по Яшумову переулку ворвались жандармы и произвели обыск. Явных улик им обнаружить не удалось.

С 1916 года Николай все чаще исчезал из института. В марте он был избран членом Исполнительной комиссии Петроградского комитета РСДРП, стал редактором газеты «Пролетарский голос». Летом выезжал на практику на Верх-Исетский завод, в Екатеринбург, и одновременно вел там работу по заданию партии.

Во время Февральской буржуазно-демократической революции Николай находился в гуще поднявшихся против царизма петроградских рабочих, помогал налаживать жизнь в городе, охранять общественный порядок. Одними из первых мы, студенты, вошли в рабочую милицию.

В майские дни нам посчастливилось видеть и слышать Владимира Ильича Ленина.

Вскоре после возвращения из-за границы он выступал по приглашению студенческой большевистской организации политехнического института в актовом зале.

Тысячная аудитория слушала вождя революции с затаенным дыханием. Владимир Ильич ярко раскрыл империалистический характер первой мировой войны, показал истинное лицо буржуазного Временного правительства, предательскую политику меньшевиков и эсеров, расчистивших дорогу контрреволюции. Ленин призывал к борьбе за мир, за хлеб, за рабочий контроль на заводах и фабриках, за переход всей власти в руки Советов.

В мае 1917 года мы расстались с Николаем Гурьевичем Толмачевым. Я был мобилизован в армию и выехал из Петрограда.

А. ТАТАРИНОВ

ЗАТЕСЫ

Рисунки Л. Полстоваловой

Записка в консервной банке

Место постройки геодезического знака. Десятник Афанасьев топором делает зарубки на соснах. Рабочие утаптывают на площадке снег. В центре высится могучая сосна. На ее стволе глубокий, потемневший от времени затес. На затесе что-то нацарапано химическим карандашом. С трудом разбираю слова, залитые янтарными подтеками смолы. «МПП — Межречный. Н — 25. Поликарпов». Ниже подписи — дата.

Подходит десятник Афанасьев. Ему понадобилась лежащая у сосны рулетка.

— Интересуетесь?

— Да, только не пойму, кто писал?

— Рекогносцировщик. А вот это, — и Афанасьев вытаскивает из внутреннего кармана телогрейки смятую бумажку, — описание пункта, которое он припрятал для нас. Вон в той жестянке, — и десятник носком валенка поддел лежащую в снегу консервную банку.

Разворачиваю протянутую бумажку. Столбцы цифр, обозначение углов. Для непосвященного — китайская грамота. Но сам листок, вырванный из обыкновенной ученической тетради, извлеченный из ржавой жестянки, воскрешает в памяти далекое детство. В этом листке что-то от тех записок, которые находили герои Жюль Верна. Я смотрю на затес, на черное дупло, в котором хранилась консервная банка, и думаю о незнакомом рекогносцировщике. Он продирался сквозь таежные дебри, грелся у одинокого костра, спал на снегу, проходил там, где прежде не ступала нога человека. И там, где проходил, оставлял затесы. Чтобы другим было легче.

Ну, а я? Останется после меня хоть один затес, который послужит людям?

ВОСЕМЬ

НОВЕЛЛ

Михаила ПЛЯМА

Брусника

Неохотно берусь за лопату. Ребята валят лес, шкурят бревна, вытесывают шпонки.

Мне же поручено самое легкое: раскидать снег там, где вбиты пикетажные колышки. Правда, снега навалило много — до полутора метров. И ямы под опорные ноги тоже кому-то нужно отрыть.

Работа, казавшаяся пустычной, не спорится. Под коркою наста снег сыпучий, как песок.

В пятый раз прислоняюсь, тяжело дыша, к ледяному брустеру, пятую папиросу выкуриваю. Наконец докапываюсь до грунта. Зачищаю лопатой борта ямы, подгребаю остатки снега и, пораженный, замираю. На дне зеленеют стельки, на них темно-красные ягоды.

Присаживаюсь на корточки, протягиваю руку, чтобы сорвать бруснику. Но ягода держится цепко, и вместе с нею с гибкой неподатливостью сопротивляется тоненький стебелек. Поспешно отдергиваю руку. Такое ощущение, словно чуть не совершил кощунство.

Здесь, под полторамертовой толщей снега, теплится жизнь. Эти ягоды завалило сугробами, их лишили света, воздуха, солнца. И только одного не могли отнять — надежды. Неиссякаемой надежды, что вслед за ледяными ужасами зимы неотвратно приходит весна.

И, веря в лучшее, они выжили.

Тень на снегу

Ясное морозное утро. Крутой подъем окончательно выматывает. Останавливаюсь на самом гребне увала. Грудью упираюсь в лыжные палки. Рюкзак не сбрасываю. Только бы отдышаться. Воздух недвижим, он заткан серебрястыми блестящими инея. И в этих блестящих покачиваются сосны. Чепуха! Даже верхушки сосен не колышутся. Это я пошатываюсь от усталости.

А рядом, на снегу, силуэт лыжника с рюкзаком за плечами. Я обливаюсь потом, сердце

колотится так, словно хочет выскочить, а силуэт удивительно спокоен. Эдакая небрежность в позе, молодцеватость. И почему-то совестно перед ним за колотье в сердце, за одышку, за изможденный вид. Невольно подтягиваюсь, подкидываю повыше рюкзак, расправляю плечи. Тень укорачивается. Она трусливо съеживается. И кажется, это из укоротившейся тени в меня переливаются свежие силы.

Отталкиваюсь лыжными палками. Подмороженный наст скрипит: ширт, ширт. Чем дальше от гривы увала, тем круче уклон. Летят навстречу разлапистые ели. Искося поглядываю на тень. Она спешит за мной, бежит послушной собачонкой. И я подмигиваю:

— Что же ты отстаешь?!

Еще сильнее отталкиваюсь лыжными палками.

— Догоняй!

Фары в ночи

Перед ужином выхожу подышать морозным воздухом. По зимнику, прорубленному геофизиками, вереницей идут машины. Они выскакивают из-за крутого поворота и ослепляют спящие сосны пронзительным светом фар. И тогда успеваю разглядеть на впереди идущих машинах какие-то трубы и станины, прикрытые брезентом.

Автоколонна на глухом зимнике напоминает давнее. Декабрьскую ночь в горах Кавказа, заснеженный перевал, через который саперы умудрились пробить дорогу. Шоферы, презрев маскировку, тускло светили подфарниками. И

так же, как над тайгой, черное небо было за-
поршено изморозью звезд.

Почему именно в эту ночь вспоминаю о
фронте? Случайно? Нет.

Здесь, в таежных дебрях, не прекращаясь,
идут бои. Гремят взрывы сейсмологов, разве-
дывающих нефть; самолеты на бреющем сбрас-
ывают продовольствие и снаряжение; пулемет-
ными очередями стрекочут на лесоповале бен-
зопилы. И эти машины, рассекающие ночную
темень, они тоже идут в наступление.

Возвращаюсь в палатку. Ребята ужинают. Ды-
мят миски с наваристым супом. Достают из-за
голенца валенка алюминиевую ложку, подса-
живаюсь ближе к товарищам и, как в былые
годы, чувствую себя солдатом.

Лунная палитра

Обитатели астропункта томились в ожидании
«неба». С утра моросил «гноиничок»,
днем над тайгой бушевал остервенелый
ветер, под вечер грязные клочья облаков устре-
мились на юг. Над угрюмыми елями поднялась
луна. Огромная, холодная и такая же безжиз-
ненная, как тусклое северное небо в майские
ночи. В свете луны вода казалась темно-
фиолетовой, плавающие льдинки — зелеными,
снег на берегу — голубым.

Озаренное луною болото напоминало вол-
шебные сказки. И если б из темно-фиолетовой
воды вон к той льдине подплыла пепельново-
лосая русалка, я вряд ли удивился бы ее вне-
запному появлению.

Года два назад мне довелось побывать в ма-
стерской художника. На мольберте стоял не-
дописанный пейзаж: «Закат на Пицунде». Сос-
ны на нем были темно-синие, море — оранже-
вое, силуэты людей меж гигантских стволов —
абсолютно черные. Смотрел и не верил. Взбред-
ет же в голову!

Только здесь, у болота, понял: цвет часто из-
менчив, часто неожидан.

Двойные звезды

Мы дежурили у астростолба. Ночное небо
походило на ледяную пустыню. Такой же
пустынной была парма, по-коми — тайга.
— Хотите взглянуть на двойные звезды? —
спросила инженер-астроном Быкова.

Я прильнул к окуляру астроуниверсала. Свер-
ху вниз скользили две звездочки. Впереди яр-
кая, за нею крохотная — не больше искорки. Ка-
залось, никакая сила не способна различить их,
обреченных на вечное странствие. Кого-то они
напоминали. Кого? И вдруг вспомнил:

...Геодезистов-строителей застигла распутица.
Вскрылись ручьи. Вот-вот должен тронуться лед
на Кожве. Продовольствие на исходе. А до ба-
зы восемьдесят три километра. Начальник
бригады принял решение: не дожидаясь, пока
пришлют вертолет, выходить из тайги.

Где-то на полпути побросали лыжи. Местами
брели по колено в воде. Через Кожву пере-
правились, прыгая с льдины на льдину. Привал
сделали ночью. Только чтобы сварить ужин.
И снова брели, изможденные, вымотанные до
предела.

С нами шла Валентина — жена начальника
бригады. С виду совсем подросток. Но она не
отставала от мужа ни на шаг, словно невидимой
нитью была с ним связана.

Добрались до поселка на третьи сутки. До-
брались благодаря Валентине. Потому что была
она хрупкая, слабая. И, глядя на нее, упорно
бредущую след в след за мужем, дюжие парни
стыдились собственной усталости.

...В окуляре астроуниверсала двойные звезды
спускались все ниже и ниже. Впереди крупная,
яркая, за нею совсем крохотная. Через несколь-
ко секунд они совсем исчезнут, продолжая
свое извечное странствие по Вселенной. Как,
должно быть, холодно там, в непроницаемом
безмолвном неведомых галактик! Может, оттого
так ярко и светит крупная, что она не одино-
ка, что за нею всюду следует трепетно мер-
цающая звездочка.

«Белоручка»

Пока отдыхаем, стараюсь по памяти пред-
ставить дальнейший маршрут. Заметно
светает.

— Скоро появится «белоручка», — говорит
Алевтина.

— Кто?

— Мошка.

— Да что общего между ними?

— Как что? — в свою очередь удивляется
Алевтина. — Кончики лапок у мошки белые.
Разве не видели? Работать не хочет, а кровь
сосет.

Приходится признать, что сравнение довольно-
таки меткое.

Впрочем, «белоручками» Алевтина называет
не только мошку, но и огульно всех тех девиц,
которые работают не в тайге, а на базе от-
ряда, в камералке. Ничего не поделаешь. Это у
нее от профессиональной гордости «полевика».

Топографы

Встреча с топографами произошла дней
пять назад. Они приплелись в самый
зной. Заросшие, изможденные, обтрепан-
ные. В палатке, кроме меня, все спали. А я при
виде этих лесных бродяг недоброе подумал.
На всякий случай карабин подвинул поближе.

Потом заметил треногу, рейку и, сконфузясь,
незаметно убрал руку с приклада.

Топографы приняли меня за техника. Когда
же узнали, что техник спит, попросили разбу-
дить. Оказывается, у них приболел рабочий.
Из-за него вынуждены были задержаться. Про-
дольствие вышло, а до базы не менее трех
суток.

У нас с продовольствием тоже не густо. При
последнем сбросе с самолета часть консервных
банок побилась, мешок с пшеном зацепился за
сук и распоролся. Подобрали жалкие крохи.
Я думал, что техник, выслушав бедолаг, по-
жмет плечами. Сами, дескать, кукуем. Своими
папиросами он, к примеру, никогда не делится.
Если у кого кончается курево, пренебрежи-
тельно отмахивается. «Не к теще в гости шли.
На дурнячка, что ли, рассчитываете прожить?»

Техник, хмуро выслушав просьбу топографов,
даже плечами не пожал. Он выбрался из палат-
ки, расстелил мешковину и стал на две кучки
делить скудные припасы. Банку топографам —
банку нам. Сахар, сушеную картошку, пшено —
все поровну.

Гости пообедали, проспали до вечера и,
взвалив тощие рюкзаки, скрылись в тайге.

Мы же после их посещения пятый день хле-
баем одну тюрю. Вскипятим ведро воды, кинем
горсть крупы, намочим сухарей. Сроду такого
варева не ел. Даже на фронте. Но что поде-
лаешь: не такое слопаешь, когда кишка кишке
кукиш кажет.

И все же табаком техник по-прежнему не де-
лится. Из принципа. Кажется, начинаю оправ-
дывать его. Хотя многое отдал бы за одну, все-
го за одну сигарету.

У каждого в жизни есть события, которые трудно забыть. Письмо, врученное сегодня Давиду Григорьевичу Шеферу, о многом напомнило ему.

...Война. Громы орудий. Земля содрогается от разрывов снарядов и бомб. Тревога сестер, санитаров: только бы закончить операцию...

В полевой нейрохирургической госпиталь лейтенанта Никитина привезли темной дождливой ночью. Друзья с надеждой смотрели на невысокого худощавого военврача в белом халате. А как утешить, когда Никитин не подает признаков жизни?

— Ранение редкое, в обе стороны черепа,— говорит военврач,— но попробуем побороться.

Операция началась. Давид Григорьевич умело извлекал из черепа костные и металлические осколки.

Через полторы недели он твердо сказал:

— Будет жить!

И вот — письмо.

...Много таких тревожных, но прекрасных минут пережил Давид Григорьевич, для которого медицина — каждодневный поиск.

Сейчас он много и упорно работает над изучением мозговых опухолей, ищет верные, точные пути к их лечению. Научные труды профессора Шефера в этой области пользуются мировой известностью.

Все свои богатые знания, большой опыт Давид Григорьевич с замечательной щедростью передает ученикам. Четыре доктора и двадцать семь кандидатов наук прошли его школу. А школа эта

не из легких. Она требует, чтобы врач в совершенстве овладел двумя трудными специальностями — невропатолога и нейрохирурга, неустанно совершенствовал свои знания — теоретические и практические. Профессор с теплотой и увлечением рассказывает о своих учениках, о том, что его ассистент Лев Николаевич Нестеров — «светлая голова» — сконструировал автоматические шприцы для введения контрастного вещества в сосуд мозга, что Сюита Самойловна Магазаник недавно успешно защитила докторскую диссертацию по энцефалиту, что умело делает операции молодой врач Анна Савватеевна Иванова...

Конечно, жить в постоянных поисках нелегко, и это очень хорошо знает ученица Шефера Ольга Сергеевна Горбашева, «но зато интересно!».

...Было это не вчера, а несколько лет назад. Пригласил как-то профессор Ольга Сергеевну и сказал:

— Вот вам тема для докторской диссертации — зрительные расстройства при

В О И М Я
Ж И З Н И

опухоли головного мозга различной локализации и гистологической структуры. Вы помните тот случай?—спросил Давид Григорьевич, словно не замечая удивленных, испуганных глаз Горбашевой.

Да, конечно, разве их забудешь! Сколько раз, бывало, Ольга Сергеевна беседовала с больными, у которых обнаружена опухоль в лобной части мозга. Это нормальные люди. Но стоит обратить их внимание на картину с пейзажем, слышишь: «Да ведь здесь самый настоящий пожар! Посмотрите, доктор, как страшно горят дома!»

Через несколько дней Горбашева пришла к Шеферу и решительно заявила:

— Нет, не справлюсь я с этой темой. Ведь здесь надо знать и физиологию, и патоморфологию, и глазные болезни, и неврологию. Это не под силу одному человеку.

— Доктор медицины должен знать все,— сухо ответил профессор.— И больше по таким вопросам ко мне не обращайтесь. Понятно вам?

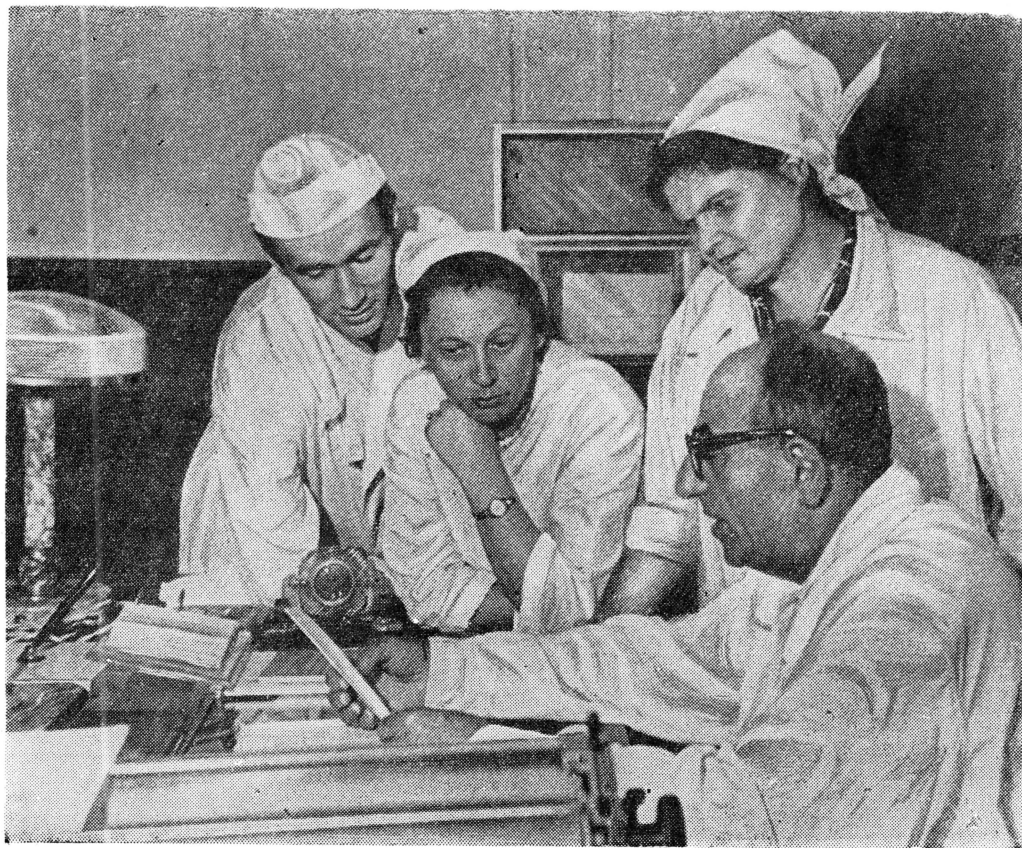
Ольге Сергеевне пришлось изучить и физиологию, и глазные болезни, выезжать на консультации в разные города к крупным ученым.

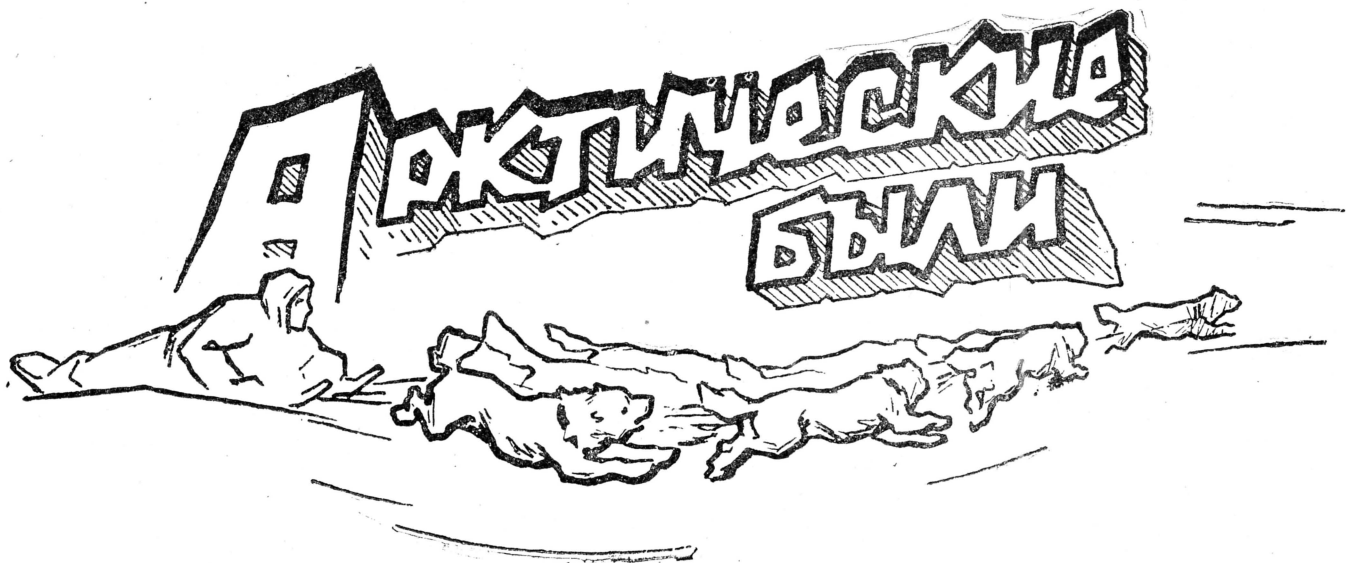
— Давид Григорьевич никогда не забывал обо мне,— вспоминает Ольга Сергеевна.— Бывало, принесет книгу, а через несколько дней обязательно спросит: «Прочли?». Сказать «нет» — стыдно. Чтобы ответить «да», надо не просто пробежать ее, а вдумчиво изучить. При обходах Давид Григорьевич непременно обращал особое внимание на больного, который связан с моей работой. Как будто невзначай, наталкивал меня на правильное решение.

...Через десять лет Ольга Сергеевна Горбашева успешно завершила трудную работу.

Ученики Давида Григорьевича Шефера упорно работают над поиском надежных средств против малоизученных болезней. А цель у врачей большая — давать людям счастье, жизнь.

А. КЫЧАКОВА

Павел Афанасьевич Гордиенко — кандидат географических наук, заместитель директора научно-исследовательского института Арктики и Антарктики, бывалый полярник, настоящий следопыт Советского Севера. Мы печатаем два его очерка, написанные для «Уральского следопыта».

Без пяти минут „на том свете“

Безотказная радиосвязь с материком, мощные ледоколы и самолеты, современные комфортабельные жилища в арктических поселках, детские сады с искусственным дневным освещением, школы, столовые, кинотеатры — все эти и другие черты нового неузнаваемо преобразили условия жизни людей в Арктике.

Но еще очень часто отдельному человеку и целым коллективам приходится вступать в жесткую борьбу со стихией.

В этих заметках я попытался рассказать о некоторых из тех сложных и трагических, веселых и неожиданных положений, в которые случалось попадать мне и моим товарищам в Арктике.

Ранним утром, имея на траверзе знак устья лагуны Тынкургин, вахтенные флагманского ледо-

кола увидели впереди по курсу среди разреженных льдов небольшой катер. Это не мог быть катер с какого-либо судна, так как еще ни один транспорт в эту навигацию не подходил к здешним берегам, и ледокол был первым кораблем, пришедшим в пролив Лонга из порта Провидение.

— Ого, в этом году полярники мыса Шмидта далеко ушли от станции, встречая первое судно....— довольно потирая руки, произнес капитан ледокола Михаил Владимирович Готский.— Но что-то никого не видно на катере. Давайте-ка их разбудим!— и капитан взялся за рукоятку гудка.

Могучий и протяжный рев ледокола разбудил окрестности, такие тихие и ясные в это солнечное июльское утро,

Но на палубе катера никто не показался.
— Что они, вымерли там, что ли? Спустить моторный вельбот, подойти к катеру, осмотреть! — распорядился капитан.

Через полчаса вельбот подвел катер к судну, и четвертый механик ледокола доложил:

— Катер «Основатель» имеет запас горючего в баке на двадцать часов хода. Машина исправна. В кубрике примус, спальные мешки, консервы, галеты, неначатые журналы записей гидрологических наблюдений. На катере людей нет.

Находка заинтриговала всех. Начальник проводки судов Иван Дмитриевич Папанин приказал капитану:

— Посадить на катер команду, пусть следуют в кильватере за нами. Пойдем на мыс Шмидта, там разберемся.

Через четыре часа ледокол осторожно входил в бухту Северную, которую подковой опоясали скалы мысов Рыркайпий и Вебера, а катер, хлопливо и зорко обходя прибрежные льдины, ткнулся носом в галечный берег.

— Да ведь это наш «Основатель», который погиб в прошлом году! — удивились полярники станции. — Вполне исправный катер... Вот чудеса!

И я вспомнил те тяжелые переживания, которые выпали и на долю моих товарищей, и на мою собственную в предыдущую осень.

Вот как это было...

В конце сентября трое зимовщиков — старший инженер-гидролог Бочков, механик Кравец и ученик Алеша Аймет, красивый и смысленный парнишка — на катере «Основатель» вышли на рейдовую точку, чтобы выполнить наблюдения на суточной гидрологической станции.

В этот год тяжелые ледовые условия заставили почти все суда выйти на восточную кромку льдов рано — уже к середине сентября. Судходная трасса опустела, хотя еще несколько транспортов где-то далеко на западе, за мысом Шелагским, вел на восток флагманский линейный ледокол. Самолеты ледовой разведки летчиков Агрова и Томилина, поставленные на поплавок, ожидали в лагуне на мысе Шмидта подхода этих судов, чтобы помочь ледоколу вывести их к восточной кромке.

Я тоже должен был принять участие в полетах. Но суда задерживались, и мне пришлось переехать на приемный пункт радицентра. В бюро погоды я анализировал процессы лета и писал отчет о заканчивающейся навигации.

В конце сентября южная кромка ледяного массива несколько отступила от берега, образовалась полоса чистой воды шириной в 3—5 миль.

Этим и решил воспользоваться Александр Петрович Бочков, чтобы на катере выйти в море и провести наблюдения.

Но через сутки после выхода группы Бочкова в море начальник радицентра на мысе Шмидта Михаил Иванович Ходов позвонил мне.

— Что-то огней нашего «Основателя» не видно.

Сообщение Ходова серьезно обеспокоило всех: во второй половине дня установился нажимной норд-вест с зарядами снега и моросью, льды массива пришли в движение, а «Основатель» был недалеко от его кромки. А что, если катер вовлечен льдами в дрейф?

Договорились, что Ходов пошлет на мыс Вебера наблюдателя, который будет регулярно подавать ракетные сигналы, а я попрошу летчиков поискать катер с воздуха.

На следующий день Агров и Томилины подняли свои двухмоторные машины. Условия разведки очень сложны, ледяные поля сплошь покрыты торосами, которые сильно потемнели за лето. В этой хаотической картине трудно заметить катер.

Летчики несколько раз принимали за катер темные нагромождения льдов, переходили на бреющий полет, но, увы, безрезультатно. Они сообщили также, что между берегом и льдом — полоса чистой воды шириной в два-три километра. Значит, наши товарищи не могут даже выйти на берег.

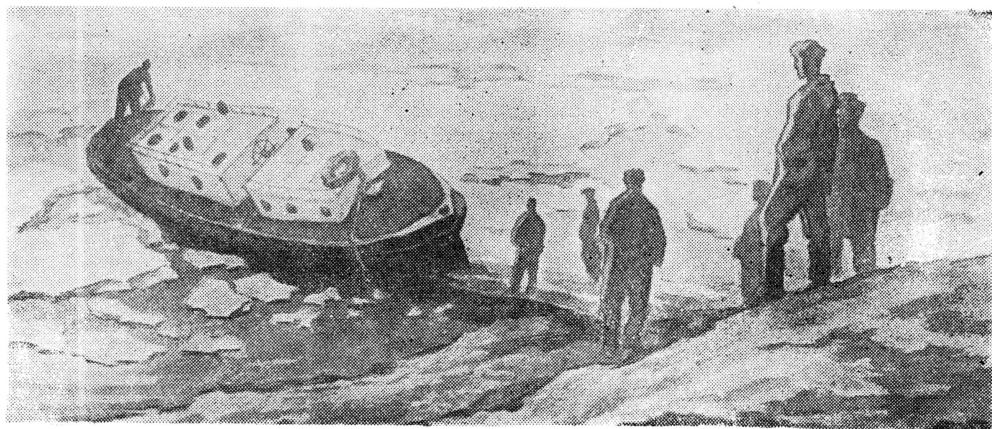
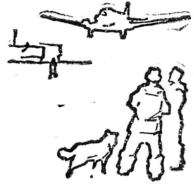
Поздно вечером Ходов устроил совет. Он собрал летчиков и наиболее опытных полярников. Мы приняли решение: поиск вести одновременно самолетами и по воде.

Двое с половиной суток длилось наше галсирование между берегом и кромкой сплошного льда.

У первого из многочисленных устьев прибрежной лагуны, через которые в море выливаются пресные воды, мы столкнулись с неприятностью: в этих местах уже образовались пятна серого льда. Для нашего деревянного вельбота с шестисильным мотором он был серьезным препятствием. Нам не раз приходилось превращаться в ледокол. Топорами и баграми мы по очереди расчищали путь.

Обратный рейс был еще более тягостным. Молодой лед окреп и пилил борта многострадального вельбота. Нам пришлось от привала до привала непрерывно рубить ледяной панцирь.

И, наконец, находки, которые мы обнаружили в 30—35 километрах от мыса Шмидта, еще более испортили настроение: мы увидели вмерзшие в

лед белую дверь и два старых ватных костюма. Дверь была от штурвальной рубки катера. А костюмы... это ли не след трагедии?

На седьмой день безуспешного путешествия мы вернулись на базу, и я прошел в радиорубку, чтобы сообщить на станцию нерадостные вести.

Но только я начал сообщение, как сидящий напротив меня диктор Герман Яковлевич, улыбаясь до ушей, стал делать мне какие-то знаки. — Что такое?

— Как! Разве вы еще не знаете? Всех спасли еще три дня назад! Летчики!..

Что оказалось? На четвертый день поисков в 50 километрах от мыса Шмидта летчики, прелетая над льдом на бреющем полете, увидели в полынье три головы. Люди держались руками за края небольшой, площадью метра в полтора, льдины.

Дальше все шло, как в трюковом кинобоевике. Развернувшись, Томилин посадил машину в километре от льдины и быстро подрулил к ней. Бортмеханик Николай Камирный, спустившись на поплавок, с ковбойской ловкостью выбросил веревочное лассо. Пострадавших по очереди подтянули и подняли на борт самолета.

Люди пробыли в ледяной воде около получаса и уже начали поченеть. Судя по случаям, известным из полярной литературы, они могли бы прожить еще по 10—20 минут.

„Условный рефлекс“ подвел...

Еще в 1937 году, будучи на Диксоне, я встретился могущественной профессией взрывников. Здесь скалистый остров Конус, названный так за свою форму, взрывами был превращен в горизонтальную площадку, на которой вскоре построили мощную угольную базу. Тысячи тонн скальной породы, поднятой при взрыве в воздух, перебрасывались именно туда, куда было нужно.

Один из выдающихся мастеров своей профессии подрывник Василий преподавал мне тогда первые практические уроки взрывного дела.

Год спустя, уже на мысе Шмидта, эти уроки мне очень пригодились.

Чтобы опускать батометры, вертушки, тралы и дночерпатели под лед и пользоваться ручной лебедкой, нужно было устраивать проруби диаметром около метра. Во время зимних гидрологических работ с припайного льда мы — я и каюр полярной станции Федор Моисеевич Кузнецов — убедились, какое трудоемкое и сложное дело устройство этих лунок в толстом полярном льду.

На полярной станции был аммонал, и мы решили устраивать лунки взрывами; благо, мой предшественник перед отъездом на материк, передавая мне коробочку с детонаторами, заметил, что пользовался он ими, взрывая лунки. Но как он это делал — не сказал, а я не спросил...

А между тем именно в морском льду взрывать лунки нужной формы и размеров оказалось совсем непросто.

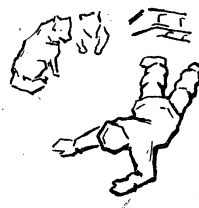
Первые попытки не принесли нам удачи. То взрыв происходил так, что образовалась большая по диаметру, но мелкая, несковзкая воронка; то

Вот что рассказали сами потерпевшие. Они увлеклись работой и не заметили, как их катер окружили ледяные поля. Когда же ледовая ловушка была замечена, еще оставалась возможность выйти на чистую воду узкими разводьями и каналами. Закапризничал мотор. Часа через два он заработал, но было поздно — катер плотно зажалось льдами. Группа оказалась в дрейфе.

Их унесило все дальше и дальше от скал мыса Шмидта. На следующий день пострадавшие видели самолеты, которые проходили невдалеке от них.

Видели товарищи и наш вельбот, проходивший от льдины в двух-трех километрах. Они кричали, но могли ли мы услышать их?

На третий день сильным сжатием катер вытолкнуло на поверхность льда. Бочков определил, что дрейф усилился. В это время льдина была в самом близком за весь период дрейфа расстоянии от берега, в каких-нибудь 2,5—3 километрах! И полярники, набив карманы продуктами, выломав в кубрике несколько досок, вылив машинное масло из десятилитровых банок и сделав из них поплавки, двинулись к кромке льда. Облюбовав небольшую льдину, они перебрались на нее и начали досками грести к берегу. Вначале все шло успешно. Но, когда достигли уже середины полыньи, льдина неожиданно перевернулась, разломилась на части, и «пленники моря» очутились в воде... Здесь-то и «выудили» их летчики.

отверстие получалось сквозным, но его плотно закупоривало раздробленным льдом. Очищать лунку в этом случае по трудоемкости значило почти то же, что делать ее вручную.

В общем, нам пришлось произвести несколько десятков взрывов, прежде чем мы подобрали для каждой толщины льда необходимое количество взрывчатки и способ заглубления зарядов в лед. Устройство лунок перестало быть для нас проблемой.

На суточные гидрологические станции я стал выезжать сам, без каюра, на одной упряжке собак. Так как от берега до места работ нужно было покрыть 6—8 километров по торосам, а нарта с грузом весила почти 250 килограммов, то на станцию и собаки и я добирались уже достаточно вымотанными.

Все-таки через час после прибытия на место лунка обычно была уже готова, место вокруг нее очищено, и можно было ставить лебедку, палатку над ней и начинать наблюдения.

Запалив шнур детонатора, я шел к упряжке, которую прятал в торосах метрах в двухстах от места работы, и сразу же после взрыва раздавал собакам корм, отдыхал, сидя на нартах.

Собаки привыкли к такому порядку, и, как только раздавался взрыв, не ожидая команды, сами стремглав неслись, таща нарты к лунке. В двух-трех метрах от нее вожак, камчадал Пестряк, круто поворачивал упряжку и резко останавливал ее.

Такая «выучка» была некоторым образом предметом моей особой гордости, и я не раз разглазывал в кают-компани об успехах приучения собак условного рефлекса.

Но однажды этот собачий условный рефлекс меня крепко подвел.

Ранним апрельским утром на упряжке из восьми собак во главе с Пестряком я выехал на рейдовую станцию. Дул легкий знойд-ост, было нехолодно, настроение хорошее, рабочее. Багрово-красный шар солнца уже поднимался на востоке над ровной линией горизонта.

Собаки с места взяли очень бодро, несмотря на то, что вчера весь день, с утра до вечера, перевозили тяжелые грузы на приемный пункт радицентра.

Часа через полтора мы были на месте.

Заведя упряжку в торосы, я вырубил во льду колодец, уложил заряд, быстро зажег бикфордов шнур и рысью побежал к нарте, где, повизгивая, ждали собаки. Уложив их грозным окриком, я сел на нарту.

И тут случилось неожиданное.

Когда по моему секундомеру до взрыва осталось 10—12 секунд, упряжка вдруг сорвалась с места и с огромной скоростью понеслась к месту, где вот-вот должен был грохнуть взрыв. Я видел впереди молочную струйку дыма от горящего шнура.

Еще быстрее, чем летела нарта, заработала мысль...

«Если сейчас будет взрыв, то погибнут собаки, приборы, все снаряжение... Если остановить собак сейчас, почти у самого места взрыва, то опасность возрастет... А что, если на скорости проскочить за лунку? Может быть, удастся миновать ее до взрыва?»

Истошным голосом, что есть силы, я закричал:

— Тагам, вперед!

Когда упряжка пронеслась через курящийся дымом бикфордов шнур, прижался к нарте.

В это мгновение что-то обрушивается на меня... и больше ничего не помню.

Очнулся я, лежа на нарте, поднял голову, и первым ощущением моим было удивление. Когда

я прибыл на место, солнце сияло слева, теперь же находилось оно далеко справа.

Где-то вблизи виновато повизгивали собаки. Оглянулся и увидел, что лежат они в торосах, перепутавшись и сбившись в кучу. Пестряк, чувствуя свою вину, прижал голову к снегу и смотрел на меня.

Попытался подняться, хотя все тело налитое необыкновенной слабостью. Ощупал лицо и чувствую, что какая-то пленка жестко стягивает лоб. Ладно, с этим после... Добрался до собак, распутал их и побрел к месту взрыва, которое было в 30—35 метрах.

Лунка получилась великолепная — круглая, аккуратная. Но ее уже затянуло молодым ледком.

Я поворотил Пестряка мордой к полярной станции, лег на нарту и тихо сказал жожаку почукотски: «Пестряк, атау ярат! — Быстрой домой!»

На полярной станции наш врач Петр Михайлович через полчаса «заштопал» меня — содрал с моей головы шлем, смыл засохшую кровь и отпустил спать.

— До свадьбы заживет! — И ворчливо объяснил: — Когда произошел взрыв, один из осколков льда, по-видимому, не очень маленький, умудрился упасть с неба прямо тебе на голову. А шлем не только предохранил от серьезной травмы, но и приостановил кровотечение. Твое счастье, что одет был прилично... А то бы замерз во время своего полусуточного сна на открытом воздухе. Тоже, нашел курорт! На, вот, пей чай с лимоном да поправляйся!

Через два дня я использовал для наблюдения именно ту самую лунку, чуть не ставшую в моей жизни последней.

Что же было причиной неожиданного броска собак к месту взрыва? Может быть, они воображали, что не расслышали взрыва и что кушать уже давно пора?

Все может быть.

К. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Семья следопытов понесла большую утрату: умерла Клавдия Васильевна Рождественская, бессменный член редколлегии журнала со дня его основания.

Клавдия Васильевна — одна из зачинателей детской литературы на Урале. Она была первым редактором «Малахитовой шкатулки» П. П. Вазова, «Моей школы» А. П. Бондина, «Сокровищ Каменного Пояса» А. Г. Бармина — книги, которые стали теперь советской классикой. Она участвовала в создании «Уральского следопыта» в 1935 и в 1958 годах.

Клавдия Васильевна была талантливым писательницей. Юные читатели знают ее книги: сказки «Волшебный фонарик» и «Голубой дворец», повесть «В старом доме» и другие. Для первых номеров «Уральского следопыта» в 1958 году она дала свою историко-революционную повесть «Одной дорогой» (в отдельном издании повесть названа «Семья Жигулевых»). Истинный следопыт в литературе, Клавдия Васильевна в своих очерках о Чупине, Первущине, Ентальцеве «открывала» для уральских ребят имена замечательных земляков.

Опытный и умный редактор, Клавдия Васильевна была верным другом журнала, его постоянным советчиком.

Неторопливая в суждениях, мудро сдержанная и спокойная, она как бы загоралась, когда речь заходила об интересном «следопытском» произведении молодого автора, о новой находке для журнала, о талантливой задумке для него. Когда она приезжала в редакцию, придерживая под мышкой пухлую папку, мы с нетерпеливым любопытством поглядывали на нее, зная, что там непременно будут новые находки и открытия, планы и замыслы.

Светлая память о верном друге навсегда останется в наших сердцах.

ОХОТНИК С АЯТИ

Очерк

ИТАК, решено.

С кунарским охотником Иваном Васильевичем Ворошиловым чуть свет мы отправляемся на Аятские угодья. Еще с вечера до отказа набиты патронами охотничьи подсумки, подготовлены пули, вычищены и смазаны ружья. Иван Васильевич, как истый промысловик, примерил ходовую обувь, накрепко привязал к крошням — запячнику из береста — мешок с припасами. Три охотничьих лайки — остроухие, палевые собаки Мальчик, Буран и Тайна — сытно накормлены, обласканы и теперь посажены на привязь.

Аять. Неохватной зеленоватой каймой тянется сосновый лес, песчаные взгорья заполнил еловый подрост, синеватыми куртинами вкрапывается в массив кедров. Есть березовые и осиновые горельники, много диких ягодников. В глубине тайги зеркалами играют озера — в них водятся нажированный лебедь, сероватый окунь, хищная щука.

Но больше всего Аять славится дичью, зверем.

Хлебосольный егеря радушно принимает приезжих, показывает красивые места, приглашает в земляную избушку к сытному столу, выводит на дорогу, на лесные тропы.

По вечерам дома охотник с увлечением рассказывает о своих путешествиях по Уральскому Приполярью. Семь лет прожил Ворошилов в Ив-

дельском заповеднике Денежкин Камень, охраняя от браконьеров ценные породы пушного зверя. На его памяти много смешных и опасных историй, о которых можно написать занимательные книги.

Звездный ковш низко повис над горизонтом, вдоль накатанного тракта вытянулась узкая придорожная полоска — по ней расплескался бледно-зеленый лунный свет. Еще немного, и над Кунарами забрезжит. В этот ранний час мы с Иваном Васильевичем пересекли околицу и направились к югу, где дремала залесенная Аять. Резвые лайки дружно вырвались вперед, запетляли по первопутку. Чтобы не дать им «оторваться», Иван Васильевич зычно позвал:

— Улю-лю, улю-лю! Ко мне!

Мохнатые комочки покатались обратно и закружились у ног охотника, радостно повизгивая.

— Наскучались по Аяти. Со зверем померяться охота.

До дальней избушки идти не меньше двадцати километров — и все «целиком». На пути непроходимой стеной поднимается подрост, скатертью стелется горельник, сплошь усыпанный шапками мха. Если внимательно присмотреться, то на мягких моховых «подушках» можно заметить спелую клюкву — ягода рассыпана щедрыми пригоршнями. Под синеватыми навесами деревьев в предрассветных сумерках по снегу видны петлявые тропки — здесь ходили колонок, горностаи...

Густые длинные тени стали заметно светлеть, открылись прогалины, вырубки. Иван Васильевич медленно продвигался вдоль лесной кромки.

На желтоватой прогалине нашел узенькую низкорослую траву, похожую на разломаченное молодое просо, с тоненькими стеклянными стебельками.

— Видишь ты, как росянка сохранилась, — порадовался он. — Не смотрите, что хилая на вид, преогромную лекарственную силу имеет!

Незаметно, с короткими остановками мы пересекли с севера на юг Аятскую лесную дачу, достигли правого озерного берега, где постоя-

ная стоянка. Жилье Ивана Васильевича — неглубокая, вырытая в земле избушка. Псы вытянулись на приступках и настороженно устали на ближний подрост.

— Что, Буран, не сидится тебе на месте? Поохотиться захотел? — потрепал пса егерь. — Видать, по ветру учуял мишку-шатуна. Такие медведи всю зиму и весну в горельниках маются, ищут еду.

Охотники много рассказывают о медведях-бездомниках. Бывает, что бродят они в лесах по лютой метели, отощавшие, облезлые, «режут» скот, в отчаянии бросаются на промысловиков. Иван Васильевич называет Аятские уголья «медвежьим углом» и потому с такой тщательностью готовит пулевые заряды, тренирует своих псов. Сегодня под вечер, после хорошего отдыха, он решил испытать счастье: поискать в густых приозерных ельниках мишек-шатунов, которых здесь видели кунарские жители.

Задав собакам маршрут, мы с Иваном Васильевичем зашагали по едва приметной стежке сквозь еловые заросли.

В зеленой чаще — прогалина, свежие сучья, припудренная мягким снежком тропа. Егерь, осмотрев отпечатанный на пороше след, говорит:

— Неопытный охотник сбивается с толку, ему неизвестно, в какую сторону направился зверь. А я определяю путь по выбросу листьев, по твердости стенки оставленного следа. Которая стенка тверже, в ту сторону и ушел лесной обитатель... Лось шагает очень широко, размашисто, но тропка за ним остается узкая — он идет копыто в копыто. Крупным шагом ходит рысь. А вот если медведь по лесу пройдет, то похоже трактор-трелевщик проехал. Недаром зовут медведя косолапым...

Иван Васильевич ощупал стенки отпечатанного припорошенного следа, разгреб листья, прошелся по тропе.

— Видать, не один шатун здесь бывал, — определил он. — Может, два или три. Полакомились ягодами на болоте и отправились в нагорье... — И, зычно позвав собак, указал им на звериный след, направил в противоположную сторону, а мне дружески посоветовал: — Не рискуй, держись от меня подальше. С медведем-шатунном шутить нельзя.

Я выбираю место для засады на возвышенности, рядом с куртиной кедрача. Отсюда открывается широкий обзор. Мне видно, как пробирается по чащобе Иван Васильевич. Псы тонко повизгивают — они заметили белку. Но потом спокойный лай становится густым, тревожно-порывистым. Буран, привычки которого мне уже знакомы, начинает завывать. Ему вторят Мальчик и Тайна. И вот угрожающий рев оглашает Аятское нагорье.

Собачье завывание, отрывистый лай, повизгивание сливаются с басовитым рокотом, с надсадным хрипом. Вспыхивает короткий гулкий выстрел, за ним второй, третий, четвертый... Выстрелы перемежаются в разных направлениях, и

теперь уже невозможно определить точное место разразившейся лесной схватки. Подхлестнутый тревожной мыслью, я опрометь несусь по тропе.

Широкая прогалина. Иван Васильевич, тесно прижавшись к медно-красной кражистой сосне, тревожно озирается. В правое плечо его упирается приклад двустволки со взведенными курками, за кожаным поясом поблескивает нож. Слева и справа ворочаются какие-то лохматые бугры, неподалеку от них распластались лайки.

— Осторожно! — кричит Иван Васильевич. — В твою сторону уполз раненый шатун.

Выждали несколько минут, прислушиваясь к вечерним сумеркам. Егерь осторожно вышел из тени дерева, перебежал прогалину.

— Целый выводок, — вполголоса сказал он. — Трех шатунов я уложил, две пули загнал в старого медведя. Ушел он куда-то. Выпотрошим зверя — и быстро на ночевку. Остаться здесь нельзя. Аять — медвежий угол.

Когда мы, вернувшись в землянку, отогрелись и плотно поужинали, Иван Васильевич рассказал:

— Помнишь, я оставил тебя в засаде у лесной высотки, а сам начал выслеживать шатуна? Тропа раздвоилась, начала петлять в подросте. Обозначились медвежьи следы. Собаки понеслись в чащу. Слышу, завопил медведь. Сначала в одном направлении, потом в другом.

— Я только-только успел подбежать к дереву, под которым ты нашел меня. Слева выскочила на прогалину медведица. На ее хребте висели Бурани и Мальчик. Крикнул псам, чтобы бросили зверя. Откатились они в сторону. Я выстрелил медведице в грудь. Пошатнулась она, но не упала, а прыгнула на меня. Вгорячах не рассчитала, проскочила мое дерево. Повернула ко мне голову, открыла пасть. Я выстрелил второй раз, убил.

— Собрался было выйти из засады, но из мелколесья показались два медведя-годовика. В один рычащий комок смешались звери и собаки. Все-таки я улучил минутку, прицелился в морду ближнего медведя, удачно выстрелил. Зверь сразу притих. Подождал подходящего момента, еще сделал выстрел. Уложил и второго.

— Тут из густого подроста неожиданно выскочил четвертый зверь. Это был старый, опытный хищник. Приближался он ко мне осторожно, боком, удивительно ловко защищая от выстрела морду. За три-четыре метра до меня поднялся и отчаянно прыгнул. Я успел-таки выстрелить дублетом ему в грудь.

Утром, когда в лапчатых сосновых шапках блеснули огненные блики солнца, мы отправились в нагорье. Иван Васильевич по пути зашел к зна-

комому леснику, взял запряженный возок. У той горки, где я вчера терпеливо ждал егерского сигнала, собаки забеспокоились, начали ворчливо лаять. Мы остановились, зарядили ружья. Вдруг Мальчик кинулся в чащобу, хрипло взвизгивая. Подоспели Бурани и Тайна. На месте собачьего переполоха мы увидели огромного распластавшегося медведя.

Когда я восстанавливаю в памяти события из жизни Аятской дачи, перед взором рисуется невысокий, плотно сбитый человек. С закинутой на плечо двустволкой, туго перетянутый кожаным ремнем. Скромный, застенчивый по характеру, неистовый в охотничьем поиске. Знаток здешней природы, Иван Васильевич Ворошилов представляет тот тип уральских людей, которые самоотверженно служат охотничьему промыслу, охраняют природу.

В. БИРЮКОВ

Рисунки А. Гуссиса.

Игорь СЕРГЕЕВ

Рисунки Н. Мовса

— Нет, нет! Я с тобой совершенно не согласен! Со-вер-шен-но! — Стремительно повернувшись на каблучках, Сергей круто остановился против кресла, в котором сидел высокий худощавый мужчина в белом костюме. Большой орлиный нос на узком лице, хитрый прищур умных серых глаз, неимоверно длинные и худые ноги и руки, которые ему постоянно мешают, — это Петти Крикк, нейропсихолог, прославившийся открытием психодинамического поля.

Создаваемое нейронами мозга, это поле распространяется в пространстве, не зная преград. Оно проникает сквозь экранированные стенки, сквозь толстые свинцовые плиты, пронизывает глубины океана и толщу земной коры. Физическая сущность его пока ускользает от понимания ученых. Однако в том, что оно существует, уже никто не сомневается...

Весь во власти открытия, Крикк попытался со своих позиций атаковать сложнейшие проблемы современной физики и теперь расплачивался за это. Даже не выслушав до конца, методично разбивал его положения давний друг и оппонент физик Сергей Сомов.

— Дialeктика учит нас, что во Вселенной происходят принципиально близкие, но отличающиеся процессы, кото...

— Но позволь!.. — возмущенно воскликнул нейропсихолог, — я же с этим вполне согласен! Я не понимаю, в чем меня обвиняют...

— Не перебивай! Тебе дадут слово.

Заложив руки за спину и задрал гладко выбритый подбородок, Сергей нервно ходил по комнате.

— Есть и другая, не менее важная особенность. Это наличие во Вселенной так называемых узловых переходов.

— Ты хочешь сказать, что Пространство неоднородно в различных областях Вселенной и что каждая область Пространства соприкасается с соседними областями, отличными по свойствам? Я это знаю.

— Но ты, видимо, не представляешь, что в области этого соприкосновения могут существовать явления, к которым вообще неприменимы наши физико-химические законы и наши представления о материи. Что это terra incognita!¹ «Надолго сцепились» — машинально отметил про себя Космонавт, третий человек в комнате, неподвижно сидевший у окна.

В помещении было светло и прохладно. В окно лились потоки золотистого света. За стеклом, в беспощадном зное полудня, застыли перистые листья пальм. Слово бриллианты, сверкающие в лучах солнца, порхали разноцветные колибры.

Космонавт сидел молча. Он не принимал участия в спорах, вспыхивавших всегда, когда встречались эти двое.

Ровный, чуть слышный рокот моря, синей стеной встававшего за красными скалами, пробуждал воспоминания.

— Чего ты от меня хочешь? — кипятился нейропсихолог. Он утонул в глубоком кресле и сейчас безуспешно пытался подняться. — Я ведь не отрицаю наличия узловых переходов, я не отрицаю возможности каких-либо невероятных, необъяснимых свойств Пространства в этих загадочных областях. Наоборот! Я хочу... Пойми, это не утверждение, а только свободное предположение, гипотеза, так сказать!.. Я предполагаю, что сущность психодинамического поля мозга как раз имеет нечто общее с силовыми полями Пространства в областях узловых переходов.

— Ну да, — иронизируя, подхватил Сергей. — Ты, по-видимому, считаешь, что поскольку эти

¹ Неизвестная область, буквально: неизвестная земля (лат.)

поля пока не поддаются изучению, значит, они идентичны! Это вроде доказательства от противного.

— С тобой невозможно говорить!.. Я, конечно, не физик. Но я представляю эти узлы Пространства.

Он огляделся, схватил со стола соломенную шляпу и быстро нахлобучил на голову.

— Вот смотри! Моя голова — наше Пространство с положительной кривизной. На голове, как видишь, шляпа. Она имеет вогнутость по форме головы, то есть как бы отрицательную кривизну. А граница их соприкосновения — это один из видов узловых переходов. АИ?

— Возможно! Но ты должен представить себе узловой переход не только как поверхность. Ведь чужеродные области могут не только соприкасаться между собой, но и пронизывать друг друга, существовать одновременно в одном и том же объеме Пространства, причем несколько не мешая одно другому. Настолько различны все их физические и химические свойства.

— Я это знаю, — заметил Петти. — Простейший пример я взял для наглядности. Вообще же можно только предполагать, насколько сложные явления, имеющие место в этих переходах Вселенной. Конечно, ты прав, когда говоришь, что земному наблюдателю они покажутся необъяснимыми и даже сверхъестественными.

— Интересно, как ты это представляешь?

— Я не физик, а всего лишь...

— Короче!.. Это я уже слышал...

— Ну, например, небо со звездами наоборот. Там поле тяготения вывернуто наизнанку...

— Как это наизнанку? — изумился Сергей.

— Ну... я не физик, я всего лишь... — замялся Петти. — Возможно, там тела не притягиваются, а отталкиваются...

— Так-так... Ты уже близок к абсурду, Петти. Но... продолжай.

— Почему близок к абсурду? Ты представь, что там все навыворот... Ну, понимаешь, я не физик и не могу объяснить, но я все это отлично представляю.

— Твоя фантазия поистине безгранична...

— Я видел этот мир! — глухо проговорил Космонавт. Сергей вздрогнул.

Космонавт подошел к спорящим. Они знали его как очень уравновешенного, выдержанного человека, не терявшего самообладания в самых критических положениях...

— Я видел, — повторил Космонавт.

В комнате на короткое время воцарилась тяжелая тишина.

— Ты, верно, шутишь? — вымолвил, наконец, подозрительный Петти.

— О, нет!

— Рассказывай! — коротко бросил Сергей, пододвигая кресло Космонавту и усаживаясь сам.

— Это было девять лет назад. С экипажем в пять человек я шел на «Кристалле» к Эпсилон Эридана с грузом продовольствия и оборудования для колонистов, шел по хорошо изученной — заметьте: хорошо изученной! — трассе, к четвертой планете Эпсилон Эридана, к Лоре.

— Я слышал об этой планете! — воскликнул Петти. — О ее чудовищах, полуптицах-полуящерах. Их называют...

— Не все ли равно, как их называют! — перебил Сергей.

— Да, эти сине-желтые дьяволы. Их свирепость равняется их живучести. — Космонавт вздрогнул и раздраженно поморщился. — Представьте их невероятное чутье, их мстительность, скорость, с которой они носятся в непроходимых джунглях Лоры, представьте зловонные испарения болот, отравляющие воздух, и вы поймете, в каких условиях находились наши колонисты. Драконы напали на них. Люди оказались запертыми в подземной сейсмологической станции. Было уничтожено и отравлено все и, главное, склады с продовольствием и водой. Все погибло.

— А как же вы узнали об этом?

— Они успели передать сообщение о нападении. Потом Лора замолчала... И молчание было красноречивее любого «SOS». «Кристалл» пошел на Эпсилон Эридана.

Космонавт внимательно посмотрел на притихших друзей.

— Маршрут был хорошо известен, и я не видел в рейсе ничего такого, что потребовало бы от экипажа особых усилий. Однако на пятнадцатой неделе по независимому времени звездолета произошли события, которые я считал бы сном или бредом, если бы не исчез астробиолог Белов.

— Постой! Это не тот Белов — Аркадий Белов, автор гипотезы о псевдорезонансных явлениях в нейронах? — осведомился Петти. — Я его знал...

— Да! Тот самый... На пятнадцатой неделе полета Эпсилон Эридана, дрожащая на перекрестке курсового локатора, совершенно неожиданно, сначала тихо, затем все быстрее поплыла вправо. Я видел это собственными глазами. И штурман видел! Это было невероятно, я несколько раз ударил себя кулаком по лбу... Ведь при скорости в ноль восемьдесят пять C^1 резкое отклонение от курса хотя бы на полградуса приводит к мгновенной гибели всего живого на звездолете. Да и сам звездолет превращается в облачко электронов.

А тут в течение полуминуты Эпсилон Эридана на моих глазах перешла с центрального экрана на бортовой! Иными словами, звездолет резко изменил направление полета!..

— Невероятно! — вскричал Сомов.

— Да! Невероятно! Но тем не менее я видел это так же ясно, как вижу сейчас вас. — Космонавт остановился перед физиком и нейропсихологом и посмотрел на них спокойным взглядом. — Странно. Верно? С одной стороны, приборы фиксируют поворот, с другой — физическая невозможность поворота. Впрочем, на наших организмах это сказалось. Я почувствовал дурноту, в глазах поплыли радужные круги. Не помню, сколько это длилось. Как я потом узнал, вся команда чувствовала то же. А когда пришел в себя, то увидел...

¹ Буква С обозначает скорость света, равную 300 000 км/сек.

— Ну? И что же ты увидел? — воскликнул Петти.

— Представьте себе небо Ленинграда в период белых ночей. Белесое, слабо и равномерно освещенное изнутри, но покрытое...—Космонавт остановился посреди комнаты и снова посмотрел на собеседников. — Покрытое черными точками звезд! Черные звезды! Казалось, все небо было затянуто светящейся тканью, в которой иглой в беспорядке накололи дырок и сквозь них просвечивало Черное Ничто.

— Небо навыворот! — заикаясь от волнения, произнес Петти. — Я же говорил...

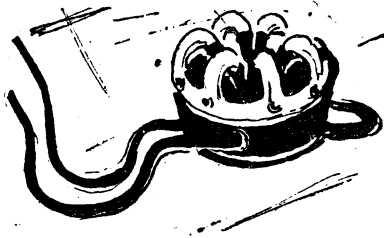
— Помолчи, Петти! — с досадой сказал Сергей.

— С удовольствием, но ты должен признать, что я удивительно точно...

— Я еще не кончил, — сказал Космонавт. — «Небо навыворот!» Этого мало! Созвездия были совершенно незнакомы, и, только увидев их отраженными в оправе прибора, я понял, что небо не только «навыворот», оно — зеркальное отображение нашего, из которого мы прибыли. После этого мы смогли определить и поняли, что находимся в той же точке Пространства, только Эпсилон Эридана не светится, а чернеет. Мы перестали удивляться, попытались выбраться из зоны Белого Неба. Однако звездолет вышел из повиновения. Скорость равномерно возростала и скоро достигла нуля целых девяноста восьми сотых С. Мы убеждались, что все более и более отклоняемся от цели.

Космонавт подошел к окну.

— Да! Мы были совершенно уверены, что «Кристалл» уходит от курса по прямой, к нему перпендикулярной. И не могли что-либо пред-

принять. Ни одному прибору нельзя было верить. Показания менялись быстро и беспорядочно. Мы шли вслепую. И в это время исчез Белов...

Космонавт повернулся и озабоченно потер пальцами виски.

— Я хорошо помню день, когда это произошло. Белов, впервые за весь рейс, пришел в центральный пост. Петти, ты ведь помнишь Белова? Невысокого роста, полный, с густыми черными кудрями на круглой голове. Всегда жизнерадостный, общительный... А тут вдруг серьезный, даже торжественный... Он пришел на центральный пост в тропическом шлеме, снял его, и мы увидели, что голова Белова начисто обрита. В левой руке он держал большую тетрадь, а под мышкой какое-то странное приспособление — корону с зубцами, загнутыми внутрь. На каждом зубе чернела мягкая присоска. От блестящего, по-видимому, полого кольца тянулся длинный экранированный ка-

бель. Белов подключил его к клеммам наружной антенны дальней связи и плотно надел корону на голову. Мы молча следили за этими манипуляциями. Я спросил Белова, что это значит. Он посмотрел на меня и сказал:

— Если со мной что-нибудь случится, капитан, передай это в Институт Физики Пространства. — Он потряс тетрадью, которую так и не выпустил из рук, посмотрел на всех нас по очереди и щелкнул тумблером на маленькой черной коробочке, подвешенной к карману.

Я глянул ему в лицо и почувствовал, что не могу оторваться от его взгляда... Мне стало жутко, но я был бессилен сделать хотя бы малейшее движение. Зрачки Белова, увеличившись, словно поглотили меня, я вошел в их тьму и вдруг увидел, как на аспидно-черном фоне, стремительно увеличиваясь, протянулись жемчужно-серые нити. Они, плавно колеблясь и перемещаясь, плавали в пространстве. В точках пересечения бесшумно взрывались и завивались в бешеном вращении оранжевые, алые, бело-фиолетовые, голубые спирали. Они были равномерно разбросаны по всему видимому полю: одни ближе, другие дальше — я отчетливо чувствовал перспективу, — и все они вращались в одну сторону. Временами то одна, то другая спираль сжималась в шар, который, быстро уменьшаясь в размерах, испускал жемчужную нить. Она лучом пролетала по черному полю и порождала новые спирали.

Я не чувствовал своего тела, не ощущал ни тепла, ни холода, ни времени, не замечал окружающего. Прошла, кажется, вечность, когда сквозь ослепительно-черный фон постепенно начали проступать смутные пятна. Они прояснились, и я, наконец, понял, что вижу приборы, укрепленные на противоположной стене, пульта защиты, лицо Белова. Оно было все так же напряженно и сосредоточенно. Я не мог поймать его взгляда, хотя по-прежнему смотрел в глаза. Неожиданно лицо и вся его фигура поплыли, исказились, как будто прозрачная волокнистая дымка прошла между нами. Тело Белова плавно скользнуло к стене. Лицо его стало смутным. А потом сквозь его тепло стали проступать предметы, которые были созданы... Белов словно таял, делясь все более прозрачными!

Последнее, что я увидел, было темное пятно тетради, которую он забыл отдать нам. Потом исчезло и это... Я вздрогнул, услышав, как упала, загремев на полу, корона. Я видел все своими глазами. И другие видели, но они не могут подтвердить, они погибли на Лоре. А Белов так и не вернулся... Я слышал ваш спор. Вы говорили об узловых переходах. Может быть, мы оказались в одном из них? Но куда делся Белов? Он словно растворился... Мы тогда записали в журнале: «Погиб при проведении опыта». А потом... Это, может быть, смешно, но мне стало казаться, что все было сном, было не так. Но корона... Ну, скажите, куда он исчез?

— Понимаете, — взволнованно ответил нейропсихолог, — как бы вам это объяснить? Я уже говорил... Представьте себе: наше Пространство — это вроде бы моя голова, а шляпа... — он потянулся за шляпой, но Сергей отодвинул ее подальше.

— Послушай, Крикк! — сказал он странным голосом и замолчал, борясь с волнением.—Но ведь это же открытие! Теперь совершенно ясно, что взаимопроницающие пространства — уже не досужий вымысел. Они действительно существуют! Понимаешь, суще-ствую-ют!

— И граничный переход между ними имеет прямую связь с психодинамическим полем мозга! — Петти смотрел на Сомова восторженными глазами. — Самую прямую! Эксперимент Белова произведет переворот в нейропсихологии. Эффект Белова! Это...

— Подождите, — сказал Космонавт. — Мне грустно. Вы говорите: эффект Белова, переворот в науке, а я бы хотел, чтобы все это мне пригрезилось. Но это было! Было!.. На обратном пути я шел с новым экипажем тем же курсом и в душе надеялся, что Белов вернется. Но «эффект Белова» не повторился.

Космонавт надолго замолчал, потом вздрогнул и спросил:

— А, может быть, он... жив?

Сомов покачал головой.

— Я думаю, что переход в сопутствующее пространство ведет к полной внутримолекулярной перестройке вещества, а может быть, и внутриатомной. Никто не знает, как переносит этот процесс живое существо, но... скорее всего...— Сергей развел руками,—он был уже мертв, когда начал исчезать, делаться прозрачным. А может быть, и еще раньше, когда ты перестал видеть этот чужой мир.— Слово «чужой» Сергей странно выделил.

— Чужой мир? — воскликнул Космонавт.— Значит, ты думаешь, что эти спирали, это и есть?..

— Да, думаю. Белов видел его, и непонятным образом его зрительные ощущения индуцировались в твоём мозгу. А может быть, и не только в твоём? Ты, помнится, говорил, что при эксперименте присутствовали и другие. Они тоже... видели?

— Я не спрашивал... Ты же знаешь. Я говорил, что мы... боялись признаться друг другу в безумии... Глупо, конечно. А потом было поздно.

— Да... Вы, видимо, попали в пояс, где свойства загадочных полей сопутствующего пространства сказывались особенно сильно и Белов воспользовался этим для проверки своей гипотезы. Это поле было настолько мощным, что смогло вызвать резонанс с психодинамическим полем мозга Белова. Резонанс оказался достаточным, чтобы вызвать излучение мозга и действовать на нервные системы окружающих...

— Да, да! По-видимому, так и было!

— Резонанс — страшная штука,— заметил Петти и добавил: — Значит, корона, которую надел Белов, была...

— Да, корона была чем-то вроде связующего звена между двумя мирами... Поэтому-то она и не исчезла вместе с Беловым. Я покажу вам ее,— тихо сказал Космонавт.

— Белов знал, мог предполагать, что не вернется. Но кто на его месте не поступил бы так же? Он первый подошел вплотную к грандиозной разгадке... Взаимопроницающие пространства,— задумчиво проговорил физик.— Заманчивая, головокружительная проблема!

Петти Крикк первым нарушил наступившую тишину:

— Что же было дальше?

— На девятнадцатой неделе,— ответил Космонавт,— мы опять перенесли ощущение дурноты, словно на птерокаре, когда попадаешь в воздушную яму. Потом увидели снова черное небо с нормальными звездами. Нормальные созвездия. И Эпсилон Эридана сияла в перекрестье курсового экрана, словно и не сходила оттуда, и уже были видны девять ее планет...— Космонавт помолчал и добавил: — Это было очень странное приключение.

— Вы успели?..

— Да, мы успели! Мы пришли даже раньше, за счет увеличения скорости в зоне перехода. Только не прибыл на Лору астробиолог, которого они ждали.

— Какая жалость, что записи Белова исчезли с ним! Ведь без них дорога, по которой он пошел, для нас сейчас не более чем дорога в никуда.

— Петти, перестань декламировать,— раздраженно сказал Сергей.— «В никуда!» Есть же какой-то выход.

— Какой? — спросил Петти.— Снова лететь на Лору? И надеяться, что опять появятся эти... черные звезды.

— А хотя бы! — вдруг жестко сказал Космонавт.

— Да... Но...— заволновался Крикк.— Это же... нельзя так сразу. И, кроме того, врачи. Я, откровенно говоря, боюсь врачей.

— И я тоже,— улыбнулся Космонавт.— Я их очень боюсь.

МОЛОДА

ВЛОДЕ

ВОМН

Приключенческий роман

КНИГА ВТОРАЯ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Думбрайт инспектирует

На следующий день после разговора со Шлитсенем Фреду принесли отпечатанную на машинке «легенду» — биографию человека, роль которого он должен будет играть в лагере. Фред взглянул на первую страницу и прочитал: «Сомов Игнат Васильевич». Открыл последнюю: на ней стояла цифра «182». Итак, сто восемьдесят две страницы текста придется выучить на память, чтобы знать мельчайшие подробности жизни какого-то Сомова.

Что же это за человек?.. Лейтенант 119-го гренадерского полка... Фолькдойч...

Пока достаточно! С чтением можно и подождать... Фред швырнул папку с легендой в другой конец комнаты, чтобы хоть некоторое время она не мозолила ему глаза.

До чего же все опротивело! Григорий Гомчаренко стал Комаровым, потом Генрихом Гольдрингом, теперь — ненавистным Фредом Шульцем, который в свою очередь должен перевоплотиться в какого-то Игната Сомова. И это менее чем за двадцатипятилетнюю жизнь! Почему именно на его долю выпала такая судьба?

Уже на первом курсе института иностранных языков ему пророчили будущее полиглотта, и он мечтал о серьезной научной работе. Но именно лингвистические способности явились причиной того, что жизнь Григория так резко изменилась.

Вместо толстых фолиантов и старинных рукописей он должен изучать теперь биографию Игната Сомова!

И выучить нужно! Как ни крути, а нужно! Потому что это пока единственный путь,

Начало см. в № 8—11.

по которому можно выбраться из террариума близ Фигераса, куда он так неожиданно попал.

Хорошо, что он пробил стену недоверия, воздвигнутую Шлитсеном. Этот субъект мог бы очень усложнить дело, надолго заперев его в стенах бывшего монастыря. Кстати, нужно старательно осмотреть не только самую школу, но и всю ее территорию. Неизвестно, как сложатся обстоятельства. Может быть, придется бежать именно отсюда. Потому что во время поездки...

Куда же придется ехать? Кажется, в папке с «легендой» есть какая-то карта?

Конечно, вот она! Ага, Бавария... Что говорил о ней когда-то Бертольд? Что-то интересное, иначе это воспоминание не всплыло бы сейчас в памяти... Ах да, вот в чем дело: Гитлер решил переселить жителей Баварии на Украину! Неплохое место выбрал фюрер для баварцев... Да не знал, видно, где раки зимуют... Говорил Бертольд и о каком-то заповеднике, который будто бы собираются основать на баварских землях. Поэтому там были запрещены все строительные работы... Жаль, не расспросил тогда подробней...

А может, и не придется ехать в Баварию, а удастся скрыться по пути в лагерь. Проверить, не увязался ли за ним хвост... Хвост ему наверняка прицепят. Если не сделает этого Нунке, то позаботится Шлитсен. Приставит какого-нибудь поганенького агента, чтобы сопровождал его до самой Баварии и передал там другому... Нужно быть начеку... О том, как доберется он до места назначения, разговора не было. А что, если самолетом? Это хуже. Можно было бы исчезнуть еще во Франции, там найдутся друзья, которые помогут... А пока что нужно приниматься за изучение «легенды»...

Полтора дня просидел Фред, изучая биографию Сомова, те мельчайшие подробности, которые делают вероятной каждую легенду. Только сдав экзамен самому себе, позвонил Шлитсену:

— Я готов.

Заместитель Нунке немедленно вызвал его к себе.

— Выучили? — сурово спросил он.

— Да.

— Как звали вашу бабушку по матери?

— Эльза.

— Когда вы попали в плен?

— 16 сентября сорок первого года, под Киевом.

— Самое любимое блюдо вашего отца?

— Оладьи с медом...

— Чем отличался ваш учитель в сельской школе?

— Немного заикался, а когда выпивал хоть рюмку — заикался так сильно, что его трудно было понять.

— Номер вашего полка в то время, когда вы служили в Советской Армии?

— Я был в отдельном саперном батальоне.

Два часа длился этот своеобразный экзамен. Фред отвечал лаконично и четко, стараясь скрыть от придирчивого Шлитсена свою усталость. Наконец Шлитсен удовлетворенно кивнул.

— Вот теперь я уверен, что вы знаете «легенду». Где она?

Фред протянул отпечатанный текст и карту.

— Надеюсь, никаких записей не делали?

— Я не желторотый!

— Отвечайте четко и ясно: записей не делали?

— Нет. Такие азы мне известны — разведчик не имеет права записывать хоть что-нибудь.

— Хорошо, кажется, все. Идемте на веранду.

Прикрыв за собой дверь, Шлитсен аккуратно запер ее на крючок и подошел к круглому столику. Под большой салфеткой стояли два прибора и бутылка вина.

— Выпьем за ваш, а значит, и наш успех! — торжественно провозгласил он, поднимая бокал. — Извините, может быть, вам не по вкусу сухое вино, но я пью только его и только тогда, когда абсолютно уверен в успехе дела.

— Это завуалированный комплимент?

— Комплименты говорят барышням. Разведчику же, посылая его на задание, начальник обязан говорить правду.

— Даже в том случае, если вы не совсем уверены, как будет выполнено... поручение?

— Если бы не было уверенности, я не поднял бы этот бокал. Да, да, у нас, старых волков, съевших зубы на своем деле, есть чутье. Вы в силах справиться и справитесь с порученной вам миссией. Но я хочу вас предупредить: не смотрите на дело легко. Моя вера в ваш успех еще не означает, что задание из легких. Имейте в виду: среди тех, кто не хочет возвращаться в Россию, наверняка есть советские агенты. Будьте осторожны — они не станут церемониться с вами... — Разрешите вопрос?

— Пожалуйста!

— Сколько времени дается мне на выполнение задания?

— Максимум месяц.

— А если возникнут непредвиденные осложнения и я не успею справиться?

— Обязаны справиться! Заместитель начальника лагеря будет вам помогать.

Неожиданно на веранду вышел Нунке. Торопливо поздоровавшись, он бросил на стол перед Шлитсеном какую-то телеграмму. Тот удивленно взглянул на шефа и пробежал глазами текст.

— Что это значит?

Ничего не ответив, Нунке пожал плечами. Сообразив, что он сейчас лишний, Фред попросил разрешения выйти.

— Подождите, вы будете нужны, — оставил его Нунке.

— Если герр Шлитсен разрешит, я пройду в кабинет.

— Пожалуйста.

Неплотно прикрыв за собой дверь, Фред присел в самом дальнем углу кабинета.

— А почему телеграмма из Никарагуа? — донесся с веранды голос Шлитсена.

— Очевидно, шеф переехал туда... Из телеграммы видно, что этот Думбрайт вчера вылетел в Италию. Если он и в дальнейшем будет путешествовать самолетом, то не сегодня-завтра можно ждать его здесь.

— Герр Нунке, а сама фамилия Думбрайт ничего вам не говорит?

— Дорогой коллега! Если кто-то приезжает со специальной миссией в такую школу, как наша, то это не доктор, не учитель, не духовник, а птица такого же полета как и мы с вами, только рангом повыше. А у разведчиков может быть столько фамилий, сколько волос на голове.

— Ну что ж, ожидать придется недолго. Посмотрим, что за птица этот Думбрайт.

— Я боюсь наихудшего,— раздраженно произнес Нунке,— что смена резиденции шефа означает и смену ветра. Как бы он не продал нас всех оптом, вместе со школой.

— Неужели вы думаете?..

— Об этом потом...

Разговор на веранде прервался. Нунке и Шлитсен вошли в кабинет.

— Фред! — еще с порога начал Нунке.— Ваш отъезд откладывается дня на два. Приезжает какое-то начальство, и весь персонал школы должен быть налицо.

Фред молча поклонился.

Тем временем Шлитсен вызвал по телефону таверну и приказал:

— Вилли! К вам приедет человек по фамилии Думбрайт... Повторяю: Думбрайт. Будете сопровождать его до самой школы. Все, о чем он будет расспрашивать, запомните и доложите мне.

Думбрайт приехал раньше, чем его ждали. Под вечер этого же дня к Фреду зашел генерал Ворон и с иронией сказал:

— Поздравляю вас с прибытием высокого гостя!

— Кто же он, этот высокий гость?

— Точно не скажу, но мне кажется, что я его где-то видел.

— Не спрашиваю, где и когда, потому что догадываюсь о характере встречи.

— Пустяки! Дела давно минувших дней, иначе я бы сразу его узнал. В самом деле, где же это я с ним встречался? Пойдите, пойдите, кажется, вспомнил... Точно! Тютелька в тютельку! Мы встретились с ним осенью 1942 года в Швейцарии, куда я сопровождал князя Гогенлое — он же Паулье — на какие-то тайные переговоры с одним влиятельным американцем, который скрывался под фамилией Балл. Обязанности одного из секретарей у таинственного посланника дяди Сэма выполнял этот Думбрайт... А еще говорят, Ворон постарел, у Ворона склероз... Нет, есть еще порох в пороховнице...

— Жаль, что вы часто его подмачиваете, генерал. Это не может не отразиться на памяти.

— Ко всем чертям память! А что, если я стремлюсь от нее избавиться? Чтобы забыть, кем я был и кем стал... Но ничего! Еще год и...— Ворон свистнул и махнул рукой.

— Не понимаю.

— Через год заканчивается мой десятилетний контракт. Получу пенсионное вознаграждение, уеду в Италию или Швейцарию... Построю домик в русском стиле, насажу сад и буду спокойно доживать век.

— Ворон мечтает о собственном гнезде и об идиллии?

— Да! Поэтому-то и приходится низко кланяться даже тогда, когда хочется стукнуть кулаком по столу и во весь голос крикнуть — идиоты!.. Вот и ищу утешения на дне рюмки.

А теперь этого Думбрайта принесло, чтобы он провалился. И Нунке объявил сухой закон...

— Гость с дороги, наверное, отдыхает...

— Где там? Не успел приехать, как сразу же на целый час закрылся с Нунке и Шлитсеном. А теперь ходят, школу осматривают. Ни одного уголка не пропускают.

— А у вас уже были?

— Ко мне явятся, когда все обойдут — ведь мои комнаты в конце правого крыла. Заходите как-нибудь вечером. Посидим, поговорим... Хочется расспросить подробнее, что видели вы в России.

— Скучаете все-таки о родной земле?

— Засмеялся бы, если бы раньше кто-нибудь спросил меня об этом. Отряхнул тогда прах со своих ног и трижды перекрестился. А теперь стоит и сосет вот тут. И чем ближе к смерти, тем сильнее. Ненавижу, проклинаю, а тянет...

Дверь распахнулась, и в комнату, без стука, словно хозяин, вошел высокий незнакомец, без пиджака, в одной рубашке с короткими рукавами. Рядом с ним стройная фигура Нунке казалась совсем небольшой, а Шлитсен стал как будто еще ниже.

— Мистер Думбрайт, которого все мы с таким нетерпением ждали...— многозначительно произнес Нунке.

На квадратном, будто начерно высеченном небрежной рукой скульптора, лице Думбрайта только глаза слегка дрогнули. Они прятались под густыми нависшими бровями, которые, образовав почти горизонтальную линию, отделяли верхнюю часть физиономии. Нижнюю часть, с тяжелым двойным подбородком прорезал широкий рот. Большой пористый нос свисал грушей между щеками.

— Старый воспитатель русского отдела, знаток царской разведки генерал Ворон и новый воспитатель Фред Шульц,— с подчеркнутым почтением к гостю отрекомендовал Нунке.— Я вам говорил...

Остановив его едва заметным жестом,— знаю, мол! — Думбрайт с откровенной бесцеремонностью рассматривал своих новых знакомых.

— Сколько лет? — вдруг спросил он Ворона.

— Семьдесят шестой. Через год заканчивается контракт.

— Мечтаете об отдыхе? Рано! Старые души крепче молодых. А если принять во внимание ваш опыт...

— Опыт опытом, а старость старостью...

— Старость? А ну-ка, дайте вашу руку!

Соединив руки в крепком пожатии, Ворон и Думбрайт неподвижно стояли друг против друга. Лишь по тому, как краснели их лица, можно было догадаться, что каждый из них вкладывал в это пожатие всю свою силу. Казалось, соревнование закончится ничем, потому что слишком уж долго длилось это двоеборство. И генерал и его противник, очевидно, хитрили, сохраняя в резерве запас каких-то сил для последнего, так сказать, рывка. И в самом деле, через мгновение оба напряглись еще сильнее. У генерала лицо стало таким багрово-красным, что присутствующие решили: он сдает. Но тут случилось неожиданное: Думбрайт приглушенно вскрикнул и чуть не присел от боли.

Глаза Ворона еще победоносно сверкали, а в голосе слышалась растерянность:

— Извините, ради бога, извините! Мне следовало бы предупредить вас о том, что вот этими руками я когда-то подковы гнул,— оправдывался генерал.

— Но ведь вы же на четверть века старше меня! Превосходно, превосходно! О'кэй, старик! — Думбрайт снисходительно, как старший младшего, похлопал Ворона по плечу.

— Попробуем и с вами? — обратился Думбрайт к Фреду.

— Боже упаси! Мою руку вы просто расплющите... Вот партию в бокс... Обещаю продержаться минут десять. Ведь у вас весовая категория значительно выше... А впрочем...

Думбрайт прищурился и уставился на Фреда, будто ощупывая его глазами.

— Фигура тонкая, но построена крепко... Расчет на ловкость, молниеносность нападения и меткость удара... Чувствуется натренированность...— медленно бросал он фразу за фразой.

В манере Думбрайта говорить было что-то обидное для присутствующих. Слово не обращая на них внимания, он просто выражал вслух свои мысли, беспрекословность которых подчеркивалась категоричностью тона.

Немного сбитые с толку неожиданным поведением гостя, Нунке и Шлитсен переглянулись, будто спрашивая друг друга, как себя вести.

— Я вижу, мистер Думбрайт, вы любите спорт...— осторожно начал Нунке.

— Не то слово! Спорт для нас — не цель, а средство. Оружие. А оружие должно стрелять точно. Мне нравится, что ваши ребята из русского отдела такие молодцы. Даже старик... А вот молодой... Так говорите, бокс? А если на кулаки? Как Тарас Бульба с Остапом?

— Вы знаете Гоголя? — удивился Ворон.

— «А, поворотись-ка, сын!...» — чисто, без акцента произнес Думбрайт, с насмешливым превосходством поглядывая на генерала.

— Не ожидал. Вот уж не ожидал...— развел тот руками.— Откуда, каким образом?

— Я, мистер Ворон, жил в России со времен Деникина до начала прошедшей войны. Двадцать лет! За это время можно изучить не только язык и литературу, но и...— Думбрайт не стал уточнять, что именно он изучал в России, но для присутствующих это и так было понятно.

— Может быть, на этом сегодня работу прекратим, и вы отдохнете? — предложил Нунке...— Извините, если, не зная ваших привычек...

— Отдыхать я приучил себя раз в сутки — ночью,— прервал его Думбрайт.

— Тогда продолжим наш осмотр?

— Напрасная трата времени! Общее впечатление о вашем учреждении у меня уже сложилось.

— О, конечно, конечно... Одна-две детали, безусловно, ничего не прибавят к общей картине, схваченной опытным глазом...— заискивающе согласился Нунке.— Мы, немцы, много теряем из-за своей склонности к излишней пунктуальности. Есть такая граница, за которой добродетели перерастают в свою противо-

положность. К сожалению, должен упрекнуть в этом своих соотечественников. Увлечшись частностями, они иногда за деревьями не видят леса и теряют способность быстро обобщать. В меру сил я стараюсь избавиться от этой, так сказать, национальной черты, и мне очень приятно, что вы, мистер Думбрайт, не проявляя придирчивости к второстепенному, сумели с первого взгляда...

Брови Думбрайта нетерпеливо шевельну-

лись и снова улеглись в прямую линию, пере-
черчивающую лоб.

— Вам следовало бы избавиться еще от
одной национальной черты: многословия,—
едко бросил он и, отвернувшись от Нунке, об-
ратился к Ворону и Фреду.— Рад познаком-
иться с вами,— сказал он с деловитой сдер-
жанностью, которая предупреждала, что к
предыдущему, немного фамильярному тону
возврата быть не может.— Прежде всего про-
шу всех сесть, потому что разговор у нас бу-
дет некороткий.

После небольшой паузы Думбрайт про-
должал:

— Мистер Нунке не успел проинформи-
ровать вас о тех новостях, которые я привез
из-за океана, поэтому сделаю это сам.

— Новости лучше слушать из первых
уст,— попробовал пошутить Ворон.

Думбрайт сердито покосился на старика,
и тот сразу же смик.

— Ваша школа не является испанской
или немецкой,— раздельно, подчеркивая каж-
дое слово, произнес заокеанский гость.— Про-
шу отнестись к этому не просто как к факту,
а как к исходному положению, из которого
выплывает все, о чем я буду говорить. Повто-
рю, школа не имеет никаких национальных
признаков... Это замечательно! Именно это и
нужно. Еще бы! Учреждение, которое содер-
жится на средства разнонациональных против-
ников коммунизма! Лучшей вывески не при-
думаешь! Так сказать, международное объе-
динение сторонников крестового похода про-
тив Москвы готовит свои кадры... Должен от-
метить дальновидность и изобретательность
мистера Нунке.

Начальник школы склонил голову в бла-
годарном поклоне.

— До сих пор Соединенные Штаты в сон-
ме тех, кто содержит школу, были представле-
ны отдельными жертвователями. Пусть выда-
ющимися, но отдельными лицами. Теперь
дело немного изменяется. Считаю, что с этих
пор основная сумма средств, необходимых для
существования и процветания школы, будет
поступать от нас...

Думбрайт не уточнил, от кого именно: от
расширенного круга частных лиц или от ор-
ганизации, которую он представляет.

— Вы сказали, что у вас сложилось опре-
деленное мнение о нашей школе. Можно уз-
нать, какое именно? — нарушил затянувшую-
ся паузу Нунке.

Услышав похвалу из уст Думбрайта, он,
очевидно, ждал новых комплиментов, но на-
дежды его не оправдались: Думбрайт обвел
присутствующих хмурым взглядом и отрезал:

— Плохое! Понимаю, что слушать это не-
приятно, но вынужден сказать — плохое!

Чисто выбритое румяное лицо Нунке за-
метно побледнело, Шлитсен заерзал на стуле,
Ворон неопределенно хмыкнул. Фреду, как
человеку в школе новому, следовало вести
себя сдержанней, поэтому на его лице появи-
лось только выражение глубокой заинтересо-
ванности.

Думбрайт еще раз окинул всех внима-
тельным взглядом, будто стараясь прочитать
их мысли.

— Хотел бы вас предупредить: даже са-
мые неприятные вещи я говорю откровенно,

открыто, не вуалируя сказанное, не прикры-
ваясь сладенькими словами. Это мой стиль!
Если уж пришлось нам работать вместе, то
лучше давайте сразу привыкать друг к другу.
— Может быть, вы скажете, на чем осно-
вано ваше утверждение? — глухо спросил
Нунке.

— Вас, мистер Нунке, мне рекомендовали
как одного из лучших работников немецкой
разведки, неужели вы сами...

— Вы только что говорили, что не умеете
подслащивать...

— А я и не собираюсь этого делать. На-
оборот! Если у вас, самого хорошего или од-
ного из самых хороших разведчиков, школа
поставлена так, то нам с вами придется мно-
го поработать, чтобы поднять ее до уровня со-
временных требований.

— Какие же недостатки?..

— Школа технически оборудована пло-
хо,— резко бросил американец.— Даже очень
плохо. Ваши подслушиватели устарели, элек-
троаппаратура — тоже времен кайзера. У вас
нет ничего, что для рядового американского
детектива, подчеркиваю, простого детектива,
а не разведчика, было бы новинкой.

— Но мистер Думбрайт! Надо же счи-
таться с тем, что во время войны школа почти
не действовала и только теперь...

— Мы не анализируем причин, а говорим
о результатах. А они неутешительные — от-
сталость есть отсталость. Кстати, этот упрек я
делаю не вам, а высшему руководству вашей
школы. Оно обязано было хотя бы сообщить
вам о приборах новейшей конструкции, кото-
рыми вооружены сейчас наши разведчики.
Впрочем, и это не такая уж большая беда. Те-
перь, когда мы объединяем наши усилия в
борьбе с общим врагом, мы оборудуем вашу
школу самой новой техникой... Главное не в
этом. Само направление школы не может
удовлетворить...

— Извините, но направление... мне каза-
лось... — забормотал вконец растерявшийся
Шлитсен.— Кажется, именно в этом...

— Возможно, я неправильно выразился.
Речь идет не о цели, а о методах, которые по-
могут ее достичь. Вы живете старыми пред-
ставлениями о разведке и ее задачах. Вы не
двигаетесь вперед и не ставите перед собой
новых задач.

— Я и мои коллеги хотели бы слышать
более конкретные указания, мистер Думб-
райт! — голос Нунке срывался от скрытой
обиды.

— Тут не место говорить на эту тему. Об
этом я немного позже и, уверяю вас, очень по-
дробно поговорю с вами лично. Теперь же я
хотел бы ограничиться несколькими замеча-
ниями, которые непосредственно касаются
здесь присутствующих... Так вот, я полно-
стью согласен с вами, мистер Нунке, что
главный общий наш враг, против которого мы
готовим кадры,— Советский Союз. Именно
поэтому я и начал разговор в присутствии
специалистов из русского отдела. Что мы
должны делать сегодня в России и против
России? Как вы думаете, мистер Ворон?

— Собрать агентурные данные, разве-
дывать... — начал было генерал, но Думбрайт,
нетерпеливо поморщившись, остановил его.

— Вот, вот! Выходит то же самое, что и

до войны? Нет, тысячу раз нет! — ребром ладони он ударил по столу, будто отрубил.— Вернее, не только это. Во-первых, о сугубо разведывательной работе. Тут добываемая информация должна приобрести новое, наивысшей ступени качество — абсолютную осведомленность обо всем, что происходит по ту сторону красной границы. Подробно на этом мы остановимся в следующем раз, потому что сейчас я хочу говорить о новой работе, которую мы обязаны и будем вести. О работе нелегкой, куда более нелегкой, менее заметной, но сегодня наиболее нужной — об идеологическом наступлении на коммунизм! Да, да, именно о наступлении! Развернутым фронтом. Во всеоружии форм, приемов, методов, влиянию которых трудно будет противостоять, потому что они будут действовать, как щелочь, незаметно разъедающая вещество.

Квадратное лицо Думбрайт раскраснелось, из глаз исчезла муть, скрывавшая до сих пор выражение, будто тонкая пленка. Теперь они смотрели остро — казалось, что из зрачков вот-вот высунутся два тонких буравчика.

Фред почти физически чувствовал их прикосновение и, чтобы не выдать себя, быстро опустил веки. Краешком глаза он заметил, как подались вперед Нунке и Шлитсен. Ворон, сидевший рядом, громко перевел дыхание.

Довольный впечатлением, которое произвел на присутствующих, Думбрайт едва заметно улыбнулся.

— Я вижу, вы меня поняли,— продолжал он, выдержав маленькую паузу, которая должна была подчеркнуть значимость только что сказанного.— Да, главное теперь, после войны,— дискредитация самой идеи коммунизма.

Самой идеи! Тут нужно прибегнуть ко всему: начиная от философских систем, поданных как самое новое достижение человеческой мысли, до антисоветского анекдота. Вооруженная война закончилась, начинаем войну психологическую.

— С Россией? — спросил Ворон.

— С коммунизмом,— с ударением ответил Думбрайт.— С мировым коммунизмом. Потому что после войны он, бесспорно, вырос в мировую силу. Над Россией сияет ореол спасителя человечества от фашизма. Этот ореол мы должны снять, развеять. Надеюсь, нет нужды доказывать, почему именно?

— Но роль России в войне...— несмело отозвался Ворон.— История...

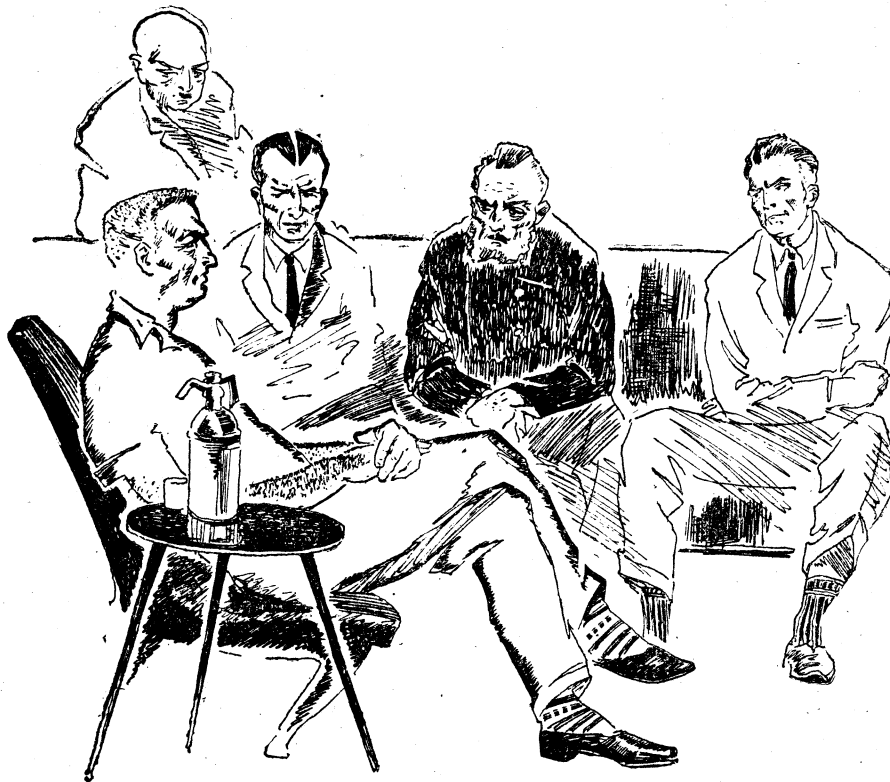
— Уроки войны тем и отличаются, что человечество их быстро забывает, сказал один из мыслителей. Не помню, кто, но сказал очень метко. У человечества, и в самом деле, короткая память. И нам это очень на руку. Мы заплатим немецким генералам десятки, сотни тысяч долларов, и они напишут мемуары в нужном для нас аспекте. Докажут, что не на Востоке, а в Африке, Италии, на Тихом океане ковалась победа, апофеозом которой стал второй фронт.

— А как быть с тем фактом, что главные силы немецкой армии были прикованы к Восточному фронту? — спросил Фред.

— Мы должны доказать противоположное. Мемуары, да еще людей военных, всегда ограничены событиями на каком-то отдельном участке. Нужно выбрать такие события и таких авторов...

— Я мог бы порекомендовать несколько кандидатур,— вмешался Нунке.

— Буду очень благодарен. Тем более, что нас интересуют воспоминания именно немец-

ких генералов и то, как они трактуют события. Через несколько дней я полечу в Западную Германию, приготовьте список ваших кандидатур.

— Будет сделано.

— Только что сказанное не значит, конечно, что этим должна заниматься ваша школа. Я хочу, чтобы вы поняли масштабы наступления, которое мы собираемся начать против русских. Ведь наша работа касается непосредственно Советского Союза. Россия лежит в развалинах. По мнению наших экономистов, нужно не менее пятидесяти лет, чтобы русские восстановили разрушенные населенные пункты, промышленность, сельское хозяйство, свою экономику в целом.

— Английские экономисты называют меньший срок — тридцать лет,— напомнил Шлитсен.

— Тридцать, пятьдесят... оба эти срока нас не устраивают. Нужно, чтобы русские потратили на восстановление вдвое, втрое больше времени! Мы должны помешать русским. Не путем диверсий — это неэффективно, не путем вредительства — вредителей быстро разоблачают, не террористическими актами против отдельных деятелей — такие акты только сплотят народ вокруг его руководителей. Среди всех входящих в состав Советского Союза народностей, утомленных войной и лишениями, нужно разбудить неверие в возможность построения коммунизма не только в ближайшее время, но и вообще. Какими путями? Их много. Арсенал этого невидимого оружия неисчерпаем. Тут все будет зависеть от нашей с вами изобретательности. Для примера назову вам только несколько направлений. Ревизия марксизма-ленинизма. Следует взять на вооружение все течения новейшей философии, отфильтровать их, отобрать на первый взгляд самые невинные, и стараться прогнать в Россию враждебные марксизму идеи. Могущественным оружием может стать и дезинформация. Самые значительные достижения человеческой мысли в области физики, биологии, техники и других наук можно подать под соусом идеализма и еще какого-нибудь «изма»! Пока разберутся, пока опомнятся, время будет течь и литься на нашу мельницу.

— Едва ли такая работа будет посильной для рядового агента,— с сомнением покачал головой Шлитсен.

— Эту работу мы поручим отборным кадрам. Людям науки, специалистам своего дела. Не обязательно, чтобы они сосредоточивались в каком-то центре, нужно, чтобы каждый работал в своей отрасли, но мы должны взять таких людей на учет, чтобы в случае нужды можно было использовать их эрудицию. У себя на родине мы уже кое-что сделали в этом направлении. Необходимо, чтобы и вы тут знали, на кого и в чем можно опереться.

— Придется возобновить некоторые связи в мадридском обществе,— задумчиво произнес Нунке.

— Обязательно! Для этого вам будут даны специальные командировки. Впрочем, все это высокие материи, перейду к примерам более простым. Человеческий характер таков, что в трудную минуту он всегда ищет какую-нибудь отдушину: один цепляется за религию, второй

заливает глотку вином, третий ищет развлечения в бесшабашном веселье. Есть и такие, которые лихорадочно хватаются за работу, считая ее лучшим лекарством. Русским сейчас трудно, и мы заинтересованы в том, чтобы этих последних было как можно меньше. Вдова, потерявшая на войне мужа... молодая девушка, которой изменил любимый... паренек, который не нашел себе сразу места в жизни... — натолкните их на мысль, что они должны обратиться к богу, затяните их в секту, а если такой нет, сами ее организуйте! Славяне любят попеть за рюмкой водки? Напомните им, какой замечательный самогон варили они во время гражданской войны. «Пьяному море по колено» — говорят русские. Создайте такое море, и этот пьяный побредет туда, куда нам нужно. Русские, украинцы, белорусы склонны к юмору? Поможем им! Вооружим любителей острого словца анекдотами, которые высмеивают их настоящее и будущее. Меткий анекдот распространяется с молниеносной быстротой, иногда даже людьми, до конца преданными Советской власти. Не зря у русских существует поговорка, что «для красного словца не пожалею и отца». Не улыбайтесь, мистер Шлитсен! Вам, немцам, это трудно понять, потому что от ваших отечественных острот всегда пахнет казармой. Они могут развеселить кухарок, не больше. А между тем анекдот — большая сила. Мимо одного он может проскользнуть незаметно, а на сознании другого оставит тонкий налет, который будет служить своеобразным катализатором для всего антисоветского.

Фред почувствовал, что у него застучало в висках. Ему казалось, что он захлебывается в каком-то липком зловонном потоке.

«Ничего, последним посмеюсь я,— успокаивал он себя.— Хотел бы я посмотреть на твою рожу, когда ты услышишь самый интересный из анекдотов: перед кем ты раскрываешь сегодня свои карты!»

— Вы знаете,— продолжал Думбрайт,— что надежда каждой нации — ее молодежь. Мы должны сделать так, чтобы большевиков эта надежда одурачила. Это наиболее уязвимый слой населения, к которому легче всего подобрать ключи, потому что молодежи вообще свойственно увлекаться. Отравляйте ее душу неверием в смысл жизни, привлекайте такими соблазнами свободного мира, как модные танцы, красивые тряпки, определенного характера пластинки, стихи, песни... Я мог бы без конца перечислять приемы, к которым в каждом отдельном случае можно обратиться, но цель моего сегодняшнего разговора иная. Я стремлюсь доказать одно: мы должны быть такими изобретательными в средствах психологической войны, чтобы коммунистическая пропаганда не успевала за нами! Теперь понятно, почему я вашу школу считаю отсталой? — обращаясь ко всем, закончил свою речь Думбрайт.

Какую-то минуту царил молчание. Зная манеру заокеанского инспектора прерывать собеседника на полуслове, никто не решился заговорить первым.

— Я хотел бы услышать ваше мнение,— нетерпеливо промолвил Думбрайт.

— Грандиозно! — с преувеличенным восторгом воскликнул Нунке.— Масштабность за-

мысла меня лично просто поразила. Конечно, мы и раньше кое-что делали в этом направлении...

— Кустарщина! Теперь я понимаю, самая настоящая кустарщина,— сокрушенно прокрутил головой Ворон.

— Рад, что вы это поняли. От вас, как от одного из работников русского отдела, будет зависеть многое. Но ваш отдел очень мал. Его нужно пополнить и как можно скорее.

— Я уже докладывал вам, мистер Думбрайт, о том поручении, с которым мы посылаем Фреда,— поспешно напомнил Нунке.— Это даст возможность...

— Вы имеете в виду группу бывших офицеров из армии Власова? Замечательное пополнение! Фред, это задание вы должны во что бы то ни стало выполнить! Понятно?

— Так точно.

— Когда вы должны выехать?

— Послезавтра утром. К поездке почти все готово,— отрапортовал Шлитсен.

— Не откладывайте ни на один день. И так вы потеряли много времени. Как бы хорошо ни были спрятаны власовцы, а советское командование может вас опередить. Есть основания предполагать, что оно уже заслало в лагерь своего агента. Вас предупредили об этом, мистер Фред?

— Да, герр Шлитсен меня проинформировал.

— Надеюсь, вы понимаете, с какой осторожностью нужно отнестись к порученному вам делу?

— Конечно!

— Тогда желаю успеха. Что же касается бокса, то мы с вами обязательно посоревнуемся. Времени у нас будет достаточно, потому что, возвратясь из Западной Германии, я обоснуюсь здесь надолго. Официально я консультант компании «Армстронг», контролирующей производство и экспорт пробкового дерева, а тут его, говорят, до черта... А теперь ужинать! Потому что я голоден, как церковная крыса... Так, кажется, говорят в России?

— Бедный, будто церковная крыса, а голодный, как собака,— исправил Фред.

— Мистер Думбрайт, разрешите вопрос?— неожиданно обратился к американцу Ворон.

— Пожалуйста.

— Вы меня не помните? Вам не приходилось встречаться со мной?

— Где?

— Ну, скажем, в Швейцарии, осенью 1942 года...

— Постойте, постойте... Вы были с мистром, который называл себя Пауль?

— Я в самом деле был с князем Гогенлоем, а вы сопровождали мистера, который называл себя Баллом...

— А на самом деле был Алленом Даллесом... Припоминаю. О, если бы те переговоры закончились успешно, другой вид имела бы сейчас карта мира,— с искренним сожалением проговорил Думбрайт.— Русские сорвали наши планы.

— Содержание переговоров мне было неизвестно,— признался Ворон.

— Естественно! Ведь речь шла не более не менее, как о сепаратном мире. Антигитлеровская оппозиция предлагала его, чтобы

иметь свободные руки для борьбы на Восточном фронте... Жаль, что сорвалось все это...

Сопровождаемый Нунке и Шлитсеном Думбрайт, не простившись, направился было к дверям, но тут же понял, что допустил бесптактность.

— А может быть, мы с вами встретимся в Западной Германии, мистер Фред?— спросил он, чтобы загладить неловкость.

— Не знаю, как сложатся обстоятельства. Наверное, даже выйти за ворота лагеря мне будет очень трудно.

— В таком случае я приеду к вам. Возможно, в чем-нибудь даже помогу. Согласны?

— Буду очень рад.

— Договорились!

Если бы Думбрайт мог прочитать мысли Фреда, он не настаивал бы так на встрече.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В клетке без решетки

— Пойдем напрямик!— предложил Нунке, и, сойдя с асфальтированной дороги, зашагал по тропинке к двухэтажной вилле, расположенной на высоком бугре за оградой бывшего монастыря.

Григорий идет по испанской земле! Как страстно стремился он сюда всего девять лет назад, как бредил во сне и наяву этой землей!

Григорию Гончаренко пошел пятнадцатый год, когда Франко поднял мятеж против революционного правительства Испании...

Так называемая «будка» — маленький домик железнодорожного обходчика, где жил старый Гончаренко с сыном, находилась в трех километрах от станции. Пассажирские поезда здесь останавливались на одну-две минуты. И каждый день Гриша бегал на станцию, чтобы встретить поезд и сразу же получить выписываемую отцом газету «Коммунист». Не терпелось узнать: что в Испании?

Испания! Тогда это слово не сходило с уст советских людей, и карта этой страны висела в каждом доме, в каждой квартире. Прочитав последнее сообщение о боях с фашистами, люди маленькими флажками обозначали места, где решалась судьба испанских патриотов. Была такая карта и в домике железнодорожного обходчика. Извилистым лабиринтом змеилась по ней натянутая на булавки красная нитка, и, когда на каком-нибудь участке булавку приходилось отодвигать немного назад, сердце мальчика болезненно сжималось.

Гриша задумал собрать детекторный приемник. Иногда ему помогал отец. Правда, он плохо разбирался в радиотехнике и больше мешал, чем помогал. Но оба любили эти часы совместной работы.

Отец радовался не меньше Гриши, когда приемник, наконец, был готов. Неважно, что получился он не особенно красивым, что голос диктора чуть-чуть слышен! Теперь уже не в второй день, не из газет, а три-четыре раза в сутки можно было узнавать о самых последних событиях в Испании.

Услышав что-нибудь новое, Гриша не в силах был усидеть за учебниками и бежал на участок, где работал отец. Старый Гончаренко молча осматривал рельсы, выпалывал траву или подгребал песок и гравий, а сын пересказывал информационные сводки, сыпал названиями не знакомых старику испанских городов, рек, старинных крепостей.

Ночью они снились Грише. Он видел себя бойцом интербригады. Его будило биение собственного сердца, и мальчик долго лежал с широко раскрытыми глазами, прислушиваясь к длинным и призывным гудкам паровозов, мчавшимся мимо будки. «Ту-да! И-ди!» — звали гудки. «Ско-рей! Ско-рей!» — выстукивали колеса вагонов.

Однажды вечером он сказал отцу:

— Я поеду в Испанию!

Павел Гончаренко поднял на сына серьезные глаза.

— А что ты можешь?

— Драться с фашистами.

Отец даже не улыбнулся.

— Ну, одного, двух, пусть десятерых уложишь, а дальше? Фашисты во всем мире начинают голову поднимать. Чтобы уничтожить их всех до единого, многое нужно уметь и знать.

Долго разговаривал в тот вечер с сыном старый солдат Павел Гончаренко. Не уговаривал, не ругал. Просто рассказывал. И Гриша с удивлением понял: его неразговорчивый, с

куцым образованием отец значительно лучше, чем он, понимает грозную опасность, нависшую над миром.

— К бою с фашизмом нужно готовиться таким молодым, как ты, Гриша. Сам же читаешь, что фашисты техникой жмут — танками, самолетами... А со временем техника во всех армиях ого-го как вырастет! Справиться с нею — не на кося верхом вколотить, тут одной ловкости мало, храбрости — тоже. Умом нужно все постичь...

С этого вечера Гриша повзрослел. Интерес к событиям в Испании не отвлекал его больше от учебы, а, наоборот, подгонял: скорей, лучше!

В тысяча девятьсот тридцать девятом году, окончив школу, Григорий Гончаренко уже многое знал и умел. Теперь восемнадцатилетний юноша во многом мог бы помочь испанским трудящимся в их вооруженной борьбе против фашизма. Но Франко к этому времени стал полноправным диктатором Испании.

Скоро Григорию пришлось участвовать в борьбе не менее важной, борьбе ожесточенной и безжалостной. И тогда он не думал, что судьба забросит его в Испанию и что станет он там бойцом. Хоть и тайным, но бойцом.

И вот теперь, через столько лет, он оказался на испанской земле!

Может быть, здесь, на этих бугорках, восемь — девять лет назад шли ожесточенные бои? Может быть, и эта сожженная солнцем земля обильно орошалась кровью лучших сынов Испании и тех, кто отовсюду спешил сюда, чтобы собственными телами преградить путь фашизму? Где вы теперь, бесстрашные бойцы испанской революционной армии, где вы, герои прославленных интернациональных бригад? Сколько вас мучается в тюрьмах Каталонии, Андалузии, Мадрида, Барселоны? Сколько легло вас тут под стенами этого разрушенного в боях монастыря, ставшего теперь логовищем фашистской нечисти?

«Бороться до конца, до последнего дыхания! Раз занесло сюда, надо стараться разрушить коварные планы этого сборища матерых волков. Вон какие замыслы у этого Думбрайта! Я еще не представляю себе, что и каким образом могу сделать, но я добьюсь своего или сложу голову. Впрочем, с последним не следует торопиться...»

— Почему вы в таком миноре, Фред? — окликнул его Ворон, шедший сзади. — Поверьте моему опыту, в дамское общество следует появляться с веселой физиономией. Грусть они извиняют только влюбленным.

— В дамское общество? Ведь речь идет только о патронессе? Да и ту, наверное, дамой не назовешь... Я встречался с этим сортом высушенных вобл, которые, стремясь хоть как-нибудь покрасоваться, любят всплывать на поверхность всяческих приютов и обществ. Но чтобы женщина стала патронессой такой школы, как наша, извините, я не слышал... С кем же, кроме нее, я должен еще познакомиться? С какой дамой или дамами?

Ворон громко расхохотался.

— Если уж вы прибегли к ихтиологической терминологии, то наша патронесса скорее всего похожа на прехорошенькую золотую рыбку. С таким, знаете, длинным веерообразным хвостиком, похожим на развевающуюся

вуаль. Что же касается второй дамы, то...— Голос Ворона неожиданно потеплел, и он серьезно добавил: — О другой я вам ничего не скажу... Она не от мира сего, поэтому и нарисовать ее портрет я не сумею.

— Ирине — симпатия генерала, — насмешливо бросил Нунке. — Как у всех его соотечественников, у него болезненное влечение ко всяким несчастным и калекам. У славян это происходит от чувства собственной неполноценности, как расы, поэтому теория...

— Оставьте, Нунке! — резко прервал его Ворон. — Последнее слово о полноценных и неполноценных расах сказала война. Вверх торпедками полетели и ваша теория и... Впрочем, не будем об этом. Есть вещи, в которые лучше не углубляться. Таким, например, как я. Как мы с вами... Что же касается Ирене, то просто неблагородно относиться к бедной больной девочке так, как относитесь вы. Да, неблагородно...

— Я попросил бы вас не ставить знака равенства между нами обоими. Надеюсь, не нужно объяснять, почему именно? — Остановившись, Нунке повернулся лицом к Ворону и смерил его пренебрежительным взглядом. — И еще просил бы запомнить: для вас я не Нунке, а герр Нунке!

Генерал сердито засопел. Даже в сумерках видно было, как лицо его наливаются кровью. Вот-вот, казалось, сорвется с его уст язвительный ответ. Но привычка безусловно подчиняться приказам начальства взяла верх.

— Слушаюсь, герр начальник школы... — буркнул Ворон. — Запомню...

В последнем слове Фреду почудилась то ли ирония, то ли угроза. Он пытливо взглянул на генерала, но тот быстро опустил веки и наклонил голову, стараясь скрыть выражение своего лица не так от Фреда, как от Нунке. Шеф, очевидно, ничего не заметил. Довольный тем, что проучил генерала, он, улыбаясь, повернулся к своим спутникам спиной и дви-

нулся дальше. Фреду и Ворону не оставалось ничего больше, как следовать за ним.

Некоторое время шли молча. Хотя тропинка и становилась круче, Нунке по-прежнему шел широкими легкими шагами, генерал сразу же начал отставать. За своей спиной Фред слышал его прерывистое тяжелое дыха-

ние, а по временам, когда ветки кустарников цеплялись за ноги, доносились негромкие проклятия. Фред невольно замедлил шаг, чтобы дать старику возможность отдышаться.

— Наш шеф не очень-то обращает внимание на ваши годы и мою непривычку ходить по такой крутизне. Может быть, отдохнем?

— Теперь уже не стоит.

Действительно, минут через пять тропинка круто свернула на небольшое плато, и вилла, которая во время подъема на гору исчезла из глаз, вновь появилась так неожиданно, будто выросла из-под земли. Нунке поджидал своих спутников, стоя возле живой изгороди из высоких подстриженных кустов.

— Хочу вас предупредить, Фред: Агнесса Менендос — наша вдохновительница, но во внутренние дела школы не вмешивается. Поэтому, разговаривая с ней, не стоит их затрагивать.

— Я сам знаком с ними слишком мало.

— Я говорю о будущем. Время от времени вам придется посещать донью Агнессу, как делаем это мы с Вороном, потому что другого общества здесь нет.

— Если уж так заведено... — вздохнул Фред.

— Напрасно вы скривились, — живо отозвался Ворон. — Посещение «бугра», так мы называем виллу, все-таки разнообразит нашу жизнь. Днем скучать некогда, но по вечерам! Иногда такая тоска возьмет, хоть волком вой. А у доньи Агнессы всегда найдется для нас бокал хорошего вина, да и поет она неплохо.

— Я никогда не слыхал! — удивился Нунке.

— При вас она будто скованная. Считает, раз вы начальство... — Ворон сразу же замолчал, потому что на террасе, к которой они подходили, их уже ждали.

— Падре Антонио, — отрекомендовался Фреду невысокий и худощавый мужчина в сутане, с низко нависшими над глазами мохнатыми очень черными бровями. Он широко распахнул дверь и гостеприимно пригласил: — Входите! Все мы, в особенности Ирене, ждем вас с нетерпением.

— Как она? — спросил Ворон.

— Как всегда, — вздохнул падре. — К сожалению, донья Агнессе не хватает выдержки. Она потакает всем ее капризам, и это плохо отражается на лечении: захотела — выпила лекарство, не захотела — не выпила. Сегодня даже от массажа отказалась.

Падре Антонио и Ворон разговаривали испански, и Фреду вдруг стало не по себе. А что, если патронесса не знает немецкого? Как же они будут разговаривать? С помощью переводчика? Это скучно и всегда создает напряженную официальную атмосферу... Очевидно, придется поздороваться, перекинуться несколькими словами, призвав на помощь Нунке, а потом весь вечер, скучая, просидеть молча.

Ощущение неловкости увеличилось, когда они переступили порог гостиной и Фред услышал, что его спутники обращаются к хозяйке по-испански. Улыбнувшись, она поднялась с кресла и медленно сделал несколько шагов навстречу гостям, остановилась посреди комнаты.

Все в этой женщине было гармонично: стройная и гибкая фигура, постановка головы, здоровый загар красивого лица.

Пока Нунке и Ворон здоровались с Агнессой, Фред успел ее рассмотреть. Широкий спокойный лоб, на котором дугами поднимаются четко очерченные брови. Ровный, тупой на кончике нос. Припухлые, красивого рисунка губы, которых, наверное, никогда не касалась помада. На округлом подбородке мягкая ямочка. Такие же чуть-чуть заметные ямочки на щеках. Это придавало лицу какую-то законченность и выразительность. Особенно, когда женщина поднимала глаза, большие и черные, с синеватыми белками.

Одета Агнесса была довольно причудливо: в золотисто-желтую блузу, плотно облегающую бюст, и такого же цвета, но более тenuous широчайшую юбку, отделанную внизу пышными черными оборками. Туалет дополняли несколько ниток ярко-красных кораллов. Этот яркий наряд шел Агнессе. Он хорошо оттенял смуглость лица, темные глаза, курчавые черные волосы, небрежно скрученные на затылке в тяжелый узел.

Услыхав свое имя, Фред понял, что его представляют патронессе и, шагнув вперед, почтительно поклонился. Агнесса с улыбкой протянула ему руку и что-то сказала, очевидно, просто поздоровалась. Пришлось и Фреду пробормотать несколько слов по-немецки. Взглянув друг другу в глаза, они рассмеялись. Фред оглянулся, разыскивая глазами Нунке.

— Как видите, мне придется разговаривать с хозяйкой дома жестами. Если вы нам не поможете...

— Так вы же знаете итальянский, и донья Агнесса тоже! Она некоторое время жила с мужем в Италии.

Услыхав слово «Италия», Агнесса радостно закивала головой.

— Как это хорошо, герр Шульц! — воскликнула она по-итальянски. — Может быть, я кое-что и забыла, но в общем...

— Я тоже, наверное, многое забыл. Значит, у нас с вами равные права: вы будете поправлять меня, я — вас...

— А я и маму, и нашего гостя! Почему вы меня с ним не познакомите? — послышался сбоку нетерпеливый детский голос.

Только теперь Фред увидел, что немного в стороне, в уютном уголке, декорированном выющимися комнатными цветами и небольшим экраном, в специальной медицинской коляске сидит девочка. Несмотря на то, что в комнате было очень тепло, ее светло-серое, украшенное пышными кружевами платье было застегнуто до самой шеи, а ноги плотно окутывал яркий клетчатый плед, конец которого нервно теребили тонкие, длинные пальчики. Выражение нетерпеливого ожидания оживило бледное, даже прозрачное личико, обрамленное пушистыми белокурыми волосами. Незаплетенные в косы, а лишь перевязанные лентами, они длинными прядями спускались на грудь. Большие, как у матери, но более светлые глаза девочки смотрели требовательно и даже немного сердито.

— Если никто не догадался нас познакомиться, давайте сделаем это сами, — серьезно предложил Фред, подходя к больной. — Ведь вас зовут Ирене?

— Угу!.. Только не сжимайте мне руку так сильно, как дедушка Ворон, а то я и с вами начну ссориться.

— О, этого я хотел бы меньше всего!

— Почему?

— Потому что у меня здесь нет друзей.

— Вы считаете, что я... что мы...— девочка смутилась и исподлобья недоверчиво взглянула на Фреда.

— Мне хочется надеяться на это...

Ирене откинулась на подложенную за спину подушку, на минуту закрыла глаза, а потом одарила Фреда благодарным сияющим взглядом.

— Тогда говорите мне «ты», а я вас буду звать просто Фредом.

— С величайшим удовольствием. Вы...

— Ну вот... А где же ваше «ты»?

— погоди, погоди сразу это не так-то легко,— засмеялся Фред, усаживаясь на маленькую скамейку рядом с девочкой.— Скажи мне: ты долго прожила в Италии?

— Что вы! Мы уехали оттуда, когда я была совсем маленькой.

— Но ты так хорошо говоришь по-итальянски!

Ирене немного наклонилась вперед, знаком пригласив Фреда сделать то же самое.

— Это страшная тайна, я о ней никому не говорила... Только вам скажу. Вы обещаете, что никому, ни единой душе?...— прошептала девочка, склоняясь еще ниже.— Осенью я поеду на богомолье в Ватикан, вот как!

— И только ради этого ты изучила язык?

— Конечно! Как же я буду разговаривать с папой Римским, если не буду знать итальянского языка!

— Ирене, ты о чем там шепчешься с Фредом? Вот я тебе сейчас покажу как секретничать потихоньку от меня!— шутливо закричал в это время Ворон.

— Ой, он сейчас подойдет, и я не спрошу у вас о самом главном! — торопливо зашептала Ирене.— Как вы думаете, если папа хорошенько помолится обо мне, я смогу ходить?

Фред осторожно опустил руку на пальчики Ирене и почувствовал, как они дрожат от волнения. Наверное, дрожали бы и губы, если бы девочка не прикусила их.

— Ну почему же вы не отвечаете?— требовательно и нетерпеливо допытывалась она, пристально вглядываясь в лицо своего нового друга.

«Солгать ей? Поддержать наивную веру в выздоровление, дарованное небом? Ведь самовнушение иногда влияет лучше, чем самое хорошее лекарство... Но тогда она будет надеяться только на святейшего папу и его молитвы,— колебался Фред.— А не согласиться — значит, отобрать у нее ту пламенную надежду, которой она сейчас живет».

— Я верю, что поездка в Италию тебе поможет,— наконец сказал он уверенно.— Только знаешь, что? Бог оказывает помощь лишь тем, кто сам прилагает все усилия, чтобы достигнуть цели. Подумай, как может он потакать нерадивым? Один сидит и пальцем не пошевеливает, чтобы добиться своего, знай, у бога просит: пожалей меня, милый боже, помоги! А другой — ищет, борется, старается изо всех сил, готов все сделать и все стерпеть...

Кому, по-твоему, в первую очередь нужно помочь?

— Второму!

— Вот видишь. Так и с тобой...

Ирене притихла, пораженная новым для нее взглядом на небесное милосердие. Губы ее плотно сжались, в их уголках залегли две горькие складочки. Казалось, лицо девочки вмиг постарело.

— Почему это у нас насупленные брови?— К коляске подошел Ворон и тяжело плюхнулся в стоящее поблизости кресло.— Фред, вы плохо развлекаете вашу даму! И за это вам придется уплатить штраф. Что бы нам для него придумать, Ирене? Нашел, нашел! Давай организуем живые шарады, хоть бы на такое вот предложение... Наклони ушко! Согласна?.. Так вот, Фреда мы заставим играть Дон-Кихота, а я буду Санчо Пансо.

— А Нунке пусть изобразит Росинанта!— с вызовом воскликнула Ирене.

Ворон хмыкнул.

— Знаешь, что? — шепнул он.— Давайте-ка оставим его в покое! Едва ли он согласится напялить на себя шкуру коня, хотя бы и аллегорическую.

— Я так хочу! Герр Нунке, идите-ка сюда!— позвала Ирене Нунке, разговаривавшего с падре Антонио в другом конце комнаты.

— Одну минутку...— небрежно бросил он.

— Ирене, не надоeday взрослым! У них какие-то срочные дела.— Агнесса подошла к дочери и приложила ладонь к ее лбу.— У тебя головка горячая, тебе уже пора спать,— обеспокоенно произнесла она.

— А у меня тоже срочное дело!— девочка сердито дернула головой, освобождаясь от материнской руки.— Я хочу, чтобы он сейчас же подошел! Падре Антонио, идите и вы сюда!

Пожав плечами, Нунке подошел к Ирене.

— Ты, как всегда, капризничаешь,— сказал он холодно.— Хорошо воспитанные девочки так себя не ведут.

— Извините ее, она сегодня с утра нервничает,— заступилась за дочку Агнесса.

— Это он должен просить у меня извинения!

— Нехорошо говорить «он» о человеке, который здесь присутствует,— вмешался падре.— Одинадцатилетняя девочка должна об этом знать.

— А обманывать хорошо?— голос Ирене звенел от гнева.— Так делать, как сделал он, хорошо?

— Может быть, ты объяснишь, в чем дело,— не скрывая раздражения, спросил Нунке.

— Вот тебе и на!— развел руками Ворон.— Речь шла о шарадах, а тут...

— Какие еще шарады? И при чем здесь я? Может быть, хоть вы объясните, Фред?

— Думаю, что теперь уже не стоит.

— Стоит! Стоит! Стоит!— Ирене застучала кулачком по подлокотнику коляски.— В нашей шараде вы должны играть роль коня Росинанта!

— Что за бессмыслица!

— Только кто же ему пустит пулю в лоб?— Ирене подалась вперед, на ее бледных щеках вспыхнул румянец, глаза лихорадочно заблестели.

— В конце концов все должно иметь свои границы! Донья Агнесса, я просил бы вас вмешаться!

— Ирене, умоляю тебя, успокойся! И сейчас же, сию же минуту попроси извинения у герра Нунке.

— За то что он застрелил Росинанта? А потом еще и обманул меня, сказав, что его опоили?

— А-а, так вот по какому поводу эта истерика! Да, я застрелил клячу, которую ты назвала таким поэтичным именем. И считаю, что сделал правильно.

Глаза потрясенной девочки расширились.

— Правильно?— прошептала она.— Но чем же он вам мешал?

— Тем, что от него не было никакой пользы. Старые и больные — не нужны на земле, они только едят,— зло отрубил Нунке, делая ударение на слове «больные».

Фред увидел, как побледнела Агнесса, даже губы у нее побелели. Ворон засопел и сжал кулаки. Головка Ирене отшатнулась, словно от удара. Падре Антонио забежал сзади и схватился за спинку коляски.

— Я отвезу Ирене в ее комнату,— сказал он глухо,— ей нехорошо...

Но девочка опять выпрямилась. Теперь она казалась даже более спокойной.

— Почему же вы не застрелите и меня? Я ведь тоже больная?— звонко прозвучало в комнате.

На лице Нунке промелькнуло выражение замешательства, но он тут же овладел собой.

— Кажется, мы сейчас говорили о лошадах, а не о тебе,— бросил он с недоброй усмешкой, сделав теперь ударение на слове «сейчас».

Девочка с кривой жалобной улыбкой мгновение смотрела на Нунке, потом подбородок ее мелко задрожал, она вскрикнула и закрыла личико руками.

— Мама, увези меня отсюда... Скорее увези меня отсюда... Скорее увези...— захлебываясь, шептала она.

Отстранив падре Антонио, Агнесса ухватилась за коляску и покатила ее. Фред забежал вперед и открыл дверь.

— Может быть, я могу чем-нибудь помочь?— спросил он взволнованно.

Молодая женщина на мгновение остановилась и подняла глаза. Фреду показалось, что на него взглянула сама тоска. Он невольно схватил Агнессу за руку и крепко сжал ее.

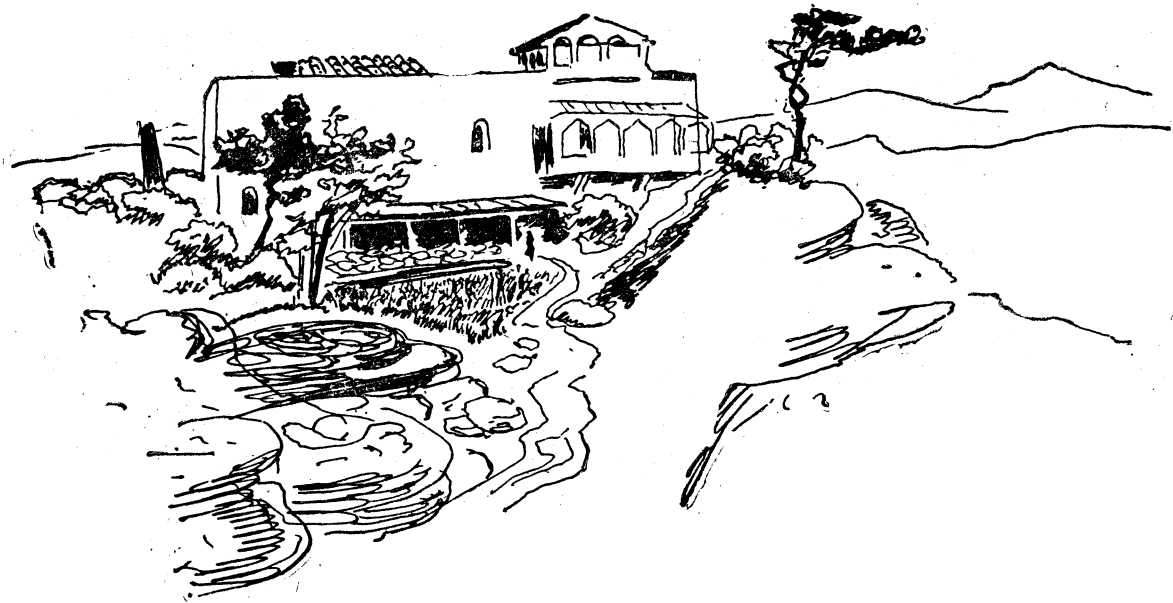
— Мне так неприятно, поверьте, очень неприятно... Мне так хотелось бы быть вам полезным... И передайте завтра Ирене...

Начатую фразу закончить ему не удалось — коляска покатила дальше.

— Уведите его,— через плечо бросила Агнесса.

Закрыв дверь, Фред повернулся лицом к присутствующим. Всех, словно бурей, разбросало по разным углам комнаты. Ворон стоял возле окна, вглядываясь в черноту вечернего неба, падре прохаживался вдоль стены, заученным движением пальцев перебирая четки, Нунке, вытянув вперед ноги, развалился в кресле.

«Подойти сейчас и влить ему пощечину» — эта мысль была настолько соблазнительной, что у Фреда даже руки зачесались. Сдерживая ярость, он подошел к Нунке.

— Мы сейчас в частном доме, и поэтому я с вами разговариваю не как подчиненный с начальником, а как офицер с офицером, — сощурился глаза, сказал Фред. — Вы били лежачего. Больше того — ребенка! Это отвратительно! Запомните, в моем присутствии это никогда не повторится!

— Вы с ума сошли! Сегодня вы все сошли с ума! — стремительно вскочил с места Нунке.

Ворон быстро отвернулся от окна и сделал несколько шагов, падре, опустив четки, застыл на месте.

— И в моем тоже! — раздельно произнес Ворон. — То, что вы сделали, хуже, чем убийство...

— Генерал Ворон! Вы понимаете, что одного моего слова достаточно, и вы... — Нунке красноречиво поддал в воздухе коленом. — Отвечайте, понимаете или нет?

— Я... — под взглядом Нунке фигура Ворона вмиг как-то обмякла. — Но согласитесь, что и вы... Э, да что говорить! Что могу сделать я? Подонок, старая галоша! — безнадежно махнул рукой генерал и направился к дверям.

— Вы, падре, тоже хотите мне что-то сказать? — насмешливо спросил Нунке.

— Только одно, сын мой: да пребудет мир в сердцах наших. И пусть слова неразумного ребенка...

— Достаточно, падре! — остановил его Фред. — Передайте мой поклон хозяйке... Герр

Нунке, не кажется ли вам, что нам лучше уйти?

Не ответив, Нунке направился к выходу. В школу возвращались молча. Где-то впереди шел генерал — фигура старика терялась во тьме, только слышно было как из-под ног его сыпались камни. Нунке шагал так же уверенно и легко, как и час назад. Фред умышленно отставал — ему не хотелось нарываться на острый разговор с шефом. Пусть остынет!

Но, не доходя до монастырских ворот, Нунке остановился.

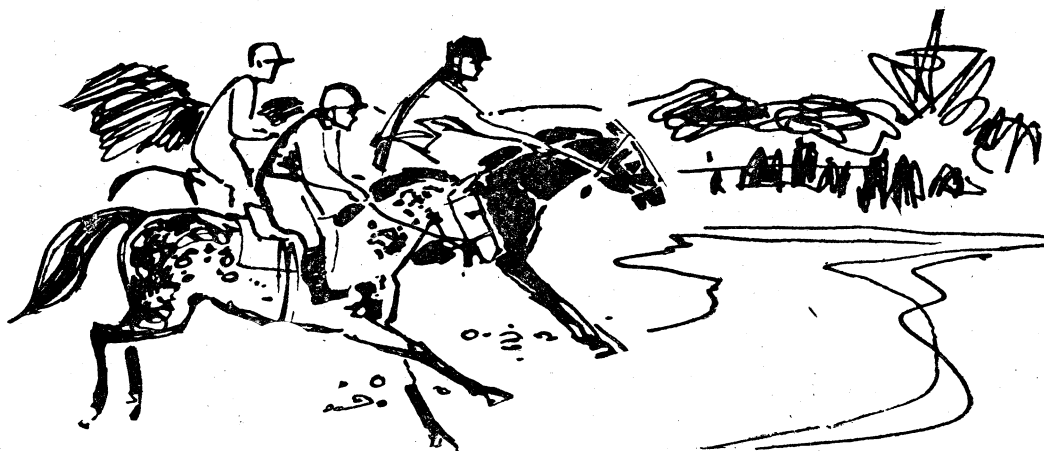
— Мне не хотелось бы ссориться с вами перед вашим отъездом в Баварию, Фред, — неожиданно примирительным тоном сказал он. — Давайте забудем эту глупую историю! Возможно, и не следовало связываться с этой девчонкой. Но я просто физически не терплю калек... Это балласт, который каждая здоровая нация должна уничтожить! Надеюсь, ваше мягкосердечие больше относилось к матери, чем к дочке. Я угадал?

— Патронесса, действительно, меня поразила. Никак не могу понять, что могло заставить такую женщину...

— Позолоченная клетка, в которую мы ее загнали! Надеялась свить в ней гнездышко и взлелеять райскую птичку, а вырастила гадкого утенка.

«Бедная женщина! — подумал Фред. — Наверное, дорогой ценой оплачиваешь ты эту клетку...»

Перевод с украинского Н. Николенко

КЫЗБРУН

П. СЕФЕРОВ

Рисунки Л. Полстоваловой

Я слышал немало рассказов о мужестве табунщиков, об исключительной преданности лошадей. История, о которой пойдет речь, произошла несколько лет тому назад.

Работал на нашем конезаводе табунщик по имени Муса. Много вырастил он великолепных скакунов. Любимым конем его был Кызбрун — чистопородный жеребец гнедой масти с легкой красивой головой на длинной мускулистой шее, с могучей грудью и стройными сильными ногами.

Муса посвящал своему питомцу все свободное время и добился замечательных результатов. На многих состязаниях даже известные скакуны не могли соперничать с Кызбруном. Не раз завоевывал Кызбрун первые призы, умножая славу родного завода.

Случалось, что и смерть смотрела им в глаза.

...Лютая тогда стояла зима. Снегу выпало много. Дороги замело, и лишь кое-где из-под снега торчали одинокие вехи. Участок Мусы находился в сорока километрах от центральной усадьбы. Был уже полдень,

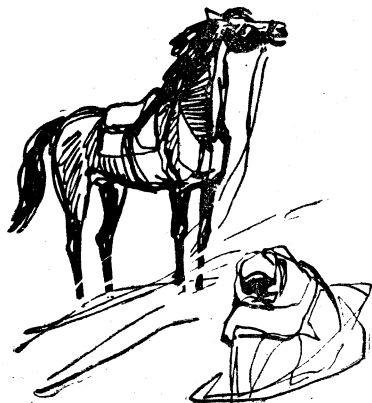
когда Муса тронулся в путь. Застоявшийся Кызбрун бежал весело. Казалось, ничто не предвещало беды. Но ветер усилился, небо заволокло белой пеленой, началась метель.

Укутавшись поплотнее в тулуп, Муса целиком положился на Кызбруна. Умный конь, прежде чем сделать шаг, нащупывал дорогу ногой. Двигались очень медленно, а метель все усиливалась. Кызбрун стал все чаще проваливаться в сугробы. Надвигалась ночь. Впереди был еще большой путь. Муса заметил, что его любимец выбился из сил. Тогда Муса взял коня за повод и побрел по сугробам. В глубокой ложбине Муса сел, чтобы передохнуть и выкурить неизменную трубку-носогрейку.

Замерзшие пальцы не повиновались ему. Долго возился он, набивая, а затем раскуривая трубку, и когда уже начал виться из нее голубой дымок, внезапно налетевший порыв ветра с остервенением выдул искры и рассеял их в ночной мгле.

Вновь раскурить трубку Муса уже не пытался. Его тело охватывал озноб. Особенно стыли ноги.

Незаметно подкралась дремота. Муса уже не слышал, как бушевала непогода, не чувствовал, как вокруг него вырастал сугроб. Снилось ему, что в знойный полдень гонит он табун к реке. Вот въезжает в бурные воды. Хочет Муса побороть

стремительное течение, но не может, и оно все быстрее уносит его в молочнотуманную даль.

Кызбрун чувствовал беду. Время от времени тихонько упирался головой в плечи хозяина и протяжно ржал, острожно головой разгребал снег, дышал в лицо своему другу. Но молчал Муса.

Наконец прояснилось. Ветер ослаб. Наступившая тишина принесла новые тревоги.

Еще издали заметил Кызбрун четыре горящие точки. Это были волки — самые страшные враги степных лошадей, внушающие им панический ужас. Но Кызбрун не сделал ни шагу, все его тело напряглось, он приготовился к борьбе.

Голодные хищники учуяли добычу. Стелющимися скачками, пригибая морды к земле, приближались они к месту, где лежал Муса. И в тот же момент Кызбрун, как ураган, налетел на хищников. Его передние ноги оказались высоко в воздухе, глаза сверкали. С молниеносной быстротой начал он наносить волкам удары копытами. Поле боя окутала снежная пыль...

Под утро Кызбрун, гремя кольцами удил, влетел на участок. На его тревожное, призывное ржание выскочили люди и поняли, что с Мусой несчастье. По следу коня они нашли табунщика, занесенного снегом.

Жизнью своей Муса был обязан Кызбруну.

А. Гайдар на Урале

После демобилизации из Красной Армии Аркадий Гайдар в 1925 году приехал на Урал. Здесь, по сути дела, он и приобрел себе гражданскую профессию, профессию журналиста.

«Хотя в Ленинграде уже были опубликованы первые литературные произведения Гайдара, — вспоминает его товарищ, пермский журналист Б. Н. Назаровский, — он не считал себя писателем. Ему страстно хотелось овладеть пером так же, как владел он винтовкой и шашкой».

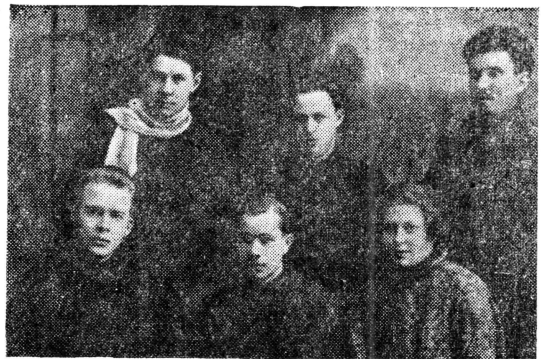
Очерки, фельетоны, стихи, рассказы, статьи, повести, сказки, созданные в это время Гайдаром, печатались на страницах пермских и свердловских газет. Среди них был и известный рассказ «Р.В.С.», опубликованный впервые в апреле 1926 года в газете «Звезда».

Многое из написанного Гайдаром в то время так и осталось достоянием периодической печати. Поэтому для желающих познакомиться с его ранним творчеством «Уральский следопыт» публикует с некоторым сокращением отрывок «Таинственный ящик» из повести «Лесные братья». (Смотри следующую страницу).

Правда, в этом произведении еще довольно трудно определить почерк будущего писателя. Но интерес Гайдара к тематике революционной борьбы с ее опасностями и тревогами присутствует и здесь. Материал для «Лесных братьев» писатель собирал во время своих поездок по Уралу, из устных рассказов старожилов, кое-какие моменты почерпнул из архивных документов. Параллельно с героями-революционерами в повести действуют и артисты бродячего балагана. Их судьба тесно переплетается с основным сюжетом произведения. Но если страницы, посвященные борьбе рабочих Урала против самодержавного строя, написаны Гайдаром в строгой, даже несколько скупой манере, то главы о приключениях бродячих артистов даны им с иронией и юмором, без всякой идеализации этих «героев».

Полностью повесть «Лесные братья» была напечатана в мае-июне 1927 года в свердловской газете «Уральский рабочий».

А. Гайдар (сидит первый слева) среди работников пермской газеты «Звезда», 1926 год.

ТАИНСТВЕННЫЙ

ЯЩИК

АРКАДИЙ ГАЙДАР

Рисунки В. Бубенщикова

Приятели сидели в трактире. — Конечно, — говорил Али-Селям, — конечно, если разобраться подробно, то все в этом мире суета и видимость.

Но Лонжерон, не любивший вдаваться в философские размышления, ответил лениво:

— Ну, понес!.. Чушь, дядя, городишь!

— Конечно, видимость, — продолжал

Али-Селям. — Возьмем, скажем, к примеру, меня. Какой я басурманский факир с таким богопротивным именем, если я, скажем, не только у этих египтян не бывал, но даже ни одного фараона в глаза не видел! Я даже, сказать по правде, не знаю вовсе, какие такие фараоны бывают! Или, к примеру, почему ты ешь Лонжерон, когда ты вовсе не Лонжерон, а Гавриил Петухов, мещанин Тамбовской губернии? Ну скажи, пожалуйста, где же тут истина? Нету истины!..

И Али-Селям, горестно опустив голову на руки, вздохнул глубоко, печалась о неразумности людской.

— Ну, ну, опять завел, — ответил Лонжерон насмешливо. — Почему да почему, да все потому! Ежели я, скажем, Лонжерон, то публика билеты покупать будет! Потому каждый думает: черт его знает, может, это и настоящий француз Лонжерон. Ну, а если написать — Гаврила Петухов, — плюнет зритель и отвернется! Ей богу, отвернутся! Ну скажи, пожалуйста, что обычный Гаврила показать может? Да этот самый Гаврила, может, осточертел уже зрителю, когда он и без того каждый день глаза мозолит! Где, скажут, такое возможно, чтобы простой мужик Гаврила — и тайны черной магии постичь мог? Ясно, скажут, обман и жульничество!

— Суета все! — упрямо повторил Али-Селям. — Кабы мне настоящий паспорт...

Но тут он замолчал, потому что Лонжерон сильно толкнул его в бок, ибо по

соседству с ними, положив голову на руки, спал человек, а черт его, человека, знает: может быть, вовсе и не спал...

— Вот старый дурак, будто тебя кто за язык тянул,— сердито проговорил Лонжерон, выходя из трактира.— Да тебя, болвана, если одного оставить, ты бог знает что выболтаешь! Кабы н-а-с-т-о-я-щ-и-й!— передразнил он.— Услышал бы полицмейстер, он бы тебе тогда прописал настоящий! Видел, рядом тип сидел, может, это шпион какой! Вот придут завтра да засадят тебя в каталажку, а то еще по этапу в монастырь на твой Афон отправят!

— Ну что ж, на Афон,— пытался оправдаться Али-Селям.— Я и сам рад на Афон. На Афоне тишина, кельи, смиренные иноки! А благолепие какое! А к тому же и трапеза!..

— Трапеза,— прервал его сердито Лонжерон, подталкивая рукой в спину.— Там тебе настоятель покажет трапезу! А куда, скажет, недостойный раб Симеон, деньги ты, собранные на построение храма божьего, девал? А заковать, скажет, этого Симеона в железные кандалы и посадить его в самый темный подвал! Вот тебе и будет трапеза!..

Соломон Шнеерман, увидав друзей, начал их отчитывать:

— Пьяницы вы несчастные, только сошли с парохода и успели уже! Двадцать лет театр держу, всякий, роскошный театр держал! На восемь человек труппы держал, не считая звериного состава, а никогда таких негодных людей не видел! Что ж я, по-вашему, один театр буду устраивать? Работы столько, что втроем не переделаешь! Двух досок к крыше не хватает, дверь не запирается... Да туда сейчас и свинья носа не сунет, не только благородный зритель, особенно ежели с дамой!

Долго он еще ругался и перестал только тогда, когда заметил, что Лонжерон исчез, а Али-Селям мрачно похрапывает, опустив голову на грудь...

Проснувшись утром, Али-Селям возмел сильное и вполне законное желание опохмелиться. Но Соломон Шнеерман категорически отказался выдать аванс — двадцать копеек. Тогда Али-Селям сунулся к Лонжерону, но Лонжерон тоже не дал.

Бывший инок окончательно огорчился и, захватив лопатку и метелку, с истинно христианской покорностью направился

к сараю. Сарайчик был пуст и грязен. Лонжерон принялся выскрести пол, а Али-Селям, вооружившись топором, занялся заколачиванием прорех на подгнивших подмостках.

Поработав немного, бывший инок, проклиная в душе людскую скупость и сребролюбие, решил покурить. Но руки после вчерашнего слегка дрожали, и из-за этого последняя папироса, упав на подмостки, провалилась в щель. Изругавшись, Али-Селям подошел к стенке, опустил на колени и зажег спичку.

Сырая, заплесневелая земля попахивала теплой гнилью. Среди щепок он не увидел папиросы, да и не стал ее разыс-

кивать, потому что внимание его привлёк небольшой ящик, засунутый в самый дальний угол.

Ящик был крепко заколочен и перевязан накрест веревками. Это открытие так заинтересовало Али-Селяма, что в первую минуту он хотел было позвать Лонжерона и поделиться с ним известием о странной находке, но, вовремя спохватившись, благоразумно умолчал и, добравшись на животе до ящика, потрогал его. Ящик был тяжелый и весил не менее двух пудов...

И в тот же вечер Али-Селям тайком перетащил находку на квартиру. Потом ночью пробрался в старую, полуразвалившуюся баню возле огорода, где долго в тусклых окошках ее светился огонек восковой свечки. Потом огонек потух, и из бани вышел Али-Селям. Шел он, покачиваясь, как пьяный, не переставая в то же время осторожно озираться.

Соломона Шнеермана в квартире не было. Не понадеявшись на своих артистов, он остался ночевать в театральном сарайчике, куда уже было свезено небольшое театральное имущество.

Утомившись от дневной сутолоки, Соломон Шнеерман крепко заснул на охапке сена, брошенной в углу.

Проснулся он от того, что ему послышался легкий скрип деревянной крыши. «Это негодяи-мальчишки, должно быть, пробираются», — рассерженно подумал Соломон Шнеерман, хотел было грозно заорать, но поперхнулся сразу, как будто бы горло ему заткнули тряпичным комом, увидев на фоне голубого, звездного неба чью-то руку, спускающуюся в еще незаделанное отверстие крыши, а в руке белую сталь большого длинного револьвера.

«Га! — подумал озадаченный и перепуганный Соломон Шнеерман. — Так это рука, а не мальчишки! Какой же может быть разговор у мирного человека с такой воинственной рукой?»

И Соломон Шнеерман, зарывшись в сено, натянул на себя покрепче одеяло и, сделав щелку для глаз, начал наблюдать, что будет дальше.

В следующую минуту из отверстия спустилась на землю веревка, затем по ней соскользнул человек. Он чиркнул спичкой и, осмотревшись, крикнул тихонько вверх:

— Нет никого! Будешь ожидать! — затем направился к подмосткам, опять зажег спичку.

— Там? — послышался сверху встревоженный голос.

— Его здесь нет! — взволнованно ответили снизу.

— Куда же он девался, если должен быть здесь? Поищи получше!

При этих словах Соломон Шнеерман едва не завыл от ужаса, подумав, что ищут его. Но человек, спустившийся вниз, не стал производить дальнейших розысков и, поднявшись по веревке, исчез в отверстии. Потом Шнеерман услышал, как оба незнакомца, спустившись по крыше, спрыгнули на землю.

Минут через десять, убедившись в том, что ничего подозрительного более не слышно, хозяин трупы высунул голову из-под одеяла и, постукивая зубами, возблагодарил небо за дарованное ему спасение, не понимая в то же время причины этого ночного нашествия.

Утром он рассказал все Лонжерону и Али-Селяму. Лонжерон рассмеялся и заявил, что это враки, но Али-Селям вздрогнул и, молча повернувшись, вышел на двор. Вскоре вслед за ним вышел Лонжерон.

— Ты чего дрожишь! — спросил он Али-Селяма. — Испугался, что ли? Брось,

врет, должно быть, хозяин! Ну за каким чертом ползут в этот сарай грабители! Во сне ему померещилось!

— Нет, я так,— ответил Али-Селям,— лихорадит просто что-то...

На следующий день базарная площадь была полна народу. Еще с утра Соломон Шнеерман суетился около дверей балаганчика. Он приводил в окончателный порядок помещение, вывешивал намалеванные на холсте плакаты, на которых были изображены смерть с косой, черт рыжего цвета с хвостом, похожим на калач, и облаченный в черную мантию кудесник, держащий в одной руке книгу с надписью «черная магия», а в другой — похожий на арбуз земной шар, поперек которого шла надпись: «Мне известны тайны всего мира».

Одновременно с этим Соломон Шнеерман зорко наблюдал за тем, чтобы никто из мальчишек самотеком не пробрался в помещение, а также несколько раз яростно пинал ногой облепленного репьями грязного козла, пытавшегося содрать с деревянных стенок балагана обливавшее полотнище вывешенного флага.

Словом, забот у него была масса, не считая уже того, что он то и дело искоса поглядывал на Али-Селяма, мысленно призывая на его голову все египетские казни, если только тот ухитрится до начала представления непостижимым образом надрызгаться, что иногда случалось, и если по правде сказать, то и не очень редко. Но, к счастью, сегодня все шло благополучно.

Близилось начало представления. Билетов продано было уже порядочно, и театральный сарайчик быстро наполнялся. В первых рядах, как это и полагается, сидели забравшиеся чуть ли не за три часа до начала ребятишки; затем публика посolidнее: торговцы, мясники, мастеровые, бабы и прочий неприхотливый и невзыскательный люд, оторвавшийся от своих дел за тем, чтобы за гривенник вдоволь насладиться созерцанием обещанного увлекательного зрелища.

Еще раз вышел за дверь клоун Лонжерон и, перекинув засыпанное мукой лицо, затрубил в жестяную трубу, напоследок созывая опоздавших.

Наконец распахнулся вылинявший занавес. Вышел сам Соломон Шнеерман, поднарядившись в порыжевший сюртук, и, обращаясь к публике, произнес корот-

кую речь, а также прочел небольшую лекцию о тайнах магии, познанных им в Индии и прочих странах, потом попросил публику по возвращении домой рассказать о виденном представлении всем родным и знакомым, дабы и они имели возможность получить огромное удовольствие, посетив театр Франсуа Джонсона (так Соломон Шнеерман именовал себя на афишах).

Затем выступил Лонжерон. Он ловко, уверенно проделал несколько удивительных и непостижимых умом фокусов: как например, извлек из носа одного мальчишки целый дождь медных трехкопеечников, продемонстрировал таинственное исчезновение со стола нескольких платков и к великому смущению сидящих обнаружил потом все исчезнувшее в карманах некоторых зрителей.

Потом Лонжерон одолжил у одного из торговцев фуражку.

Он заявил, что будет жарить в ней яичницу,— и точно разбил и выпустил туда несколько яиц, не взирая на протесты владельца фуражки, обеспокоенного таким неприятным фокусом, помешал яичницу ложкой, потом раз... раз и на глазах пораженных зрителей вытащил из фуражки сначала платок, потом красную ленту, потом цветную коробку, еще коробку и такое бесчисленное количество коробок, что никак нельзя было понять, как могли они поместиться в фуражке.

Когда сопутствуемый бурными возгласами одобрения Лонжерон исчез за перегородкой, вышел факир — египетский прорицатель Али-Селям. Лицо его было для большей загадочности выкрашено в зеленый цвет, а одет он был в широченный грязный ситцевый халат с разводами.

— Господа,— сказал Соломон Шнеерман, выступая из-за занавески,— почтенные господа и госпожи, смотрите обоими глазами на этого замечательного египетского человека! На ваших глазах он удавится сейчас за шею на веревке и по истечении пяти минут, будучи снят с петли, окажется совершенно живым к вашему величайшему и неимоверному восторгу!

Публика заохала и насторожилась. И точно, Али-Селям с невозмутимым выражением лица забрался на табуретку. Соломон Шнеерман приладил ему петлю и вышиб табуретку из-под ног. В тот же момент за занавеской Лонжерон заку-

тил - ручкой хриплой шарманки, и под мрачно торжественные звуки «Дого-рай, моя лучина» Али-Селям повис в воздухе.

Однако не прошло и двух минут, как публика заволновалась и потребовала, чтобы Али-Селям перестал удавливать-ся и тотчас же слезал на твердую землю. И только чей-то бас с задних рядов гаркнул хмуро:

— Хай висит! Хай висит, сколько обещали!

Но на него тотчас же зазыкали и заорали.

— Виси сам, черт окаянный!

— Тебе чтобы за гривенный человека до самой смерти!

Увидев такое настойчивое единодушие публики, Соломон Шнеерман, напыжив свою тщедушную фигурку, с трудом приподнял ноги Али-Селяма, подсунул под них табуретку, потом, забравшись на нее, отстегнул незаметно крючок, зацепленный за ремень, проходящий под халатом Али-Селяма к поясу, и, скинув петлю, спросил почтительно:

— Живы ли вы, великий факир?

Но так как Али-Селям ничего не отвечал, то на лице Соломона Шнеермана показалась ясно выраженная тревога. Он повторил вопрос второй раз. Волнение начало передаваться зрителям, и единодушный радостный вздох вырвался у присутствовавших, когда после третьего вопроса Али-Селям потянулся, как бы возвращаясь из небытия к земной жизни, и, по-восточному приложив руку к голове, молча поклонился зрителям, ответив басом:

— Жив, господа и госпожи, благодаря милости моего аллаха!

Когда публика немного успокоилась, опять выступил Соломон Шнеерман и предложил всем желающим выйти на сцену и, для того чтобы убедиться, что не было никакого обмана, проделать повешение над самими собой, но, несмотря на трехкратное предложение, желающих воспользоваться им среди публики не нашлось. После этого Соломон Шнеерман раздал зрителям десяток беленьких конвертов и предложил желающим написать любую фразу и запечатать ее, утверждая, что прорицатель прочтет и даст ответ на каждый вопрос, не распечатывая конверта.

Он - бросил в ящик все вопросы и, поставив его на стол, удалился за ширмы,

унося с собой ловко вытащенное второе дно со всем содержимым ящика.

Пока Али-Селям демонстрировал искусство поглощения подряд двадцати пяти стаканов воды, Соломон Шнеерман, распечатав конверты, прочел их содержание и стал за ширмой, чтобы оттуда подсказывать ответы Али-Селяму.

После этого Лонжерон вызвал из публики одного из мальчишек и приказал ему вынимать конверты по одному.

Али-Селям же, для того чтобы показать, что он вовсе не притрагивается к содержимому ящика, отошел к самой занавеске. Мальчишка вынул первый конверт. Али-Селям потер голову, как бы раздумывая, а на самом деле прислушивался к шепоту Соломона Шнеермана, потом сказал замогильным голосом:

— У в этом конверте спрашивают, где такое находится страна Египет? А на это я могу ответить, что находится эта страна у в владении африканского царя, которое расположено возле самого моря!

— Правильно он говорит? — спросил публику Лонжерон.

— Правильно! В самую точку! — слышались голоса.

— А у в этом спрашивают, — Али Селям замялся, — у в этом конверте насчет любви вопрос записан, но в присутствии дам отвечать я не буду, хоть и могу!

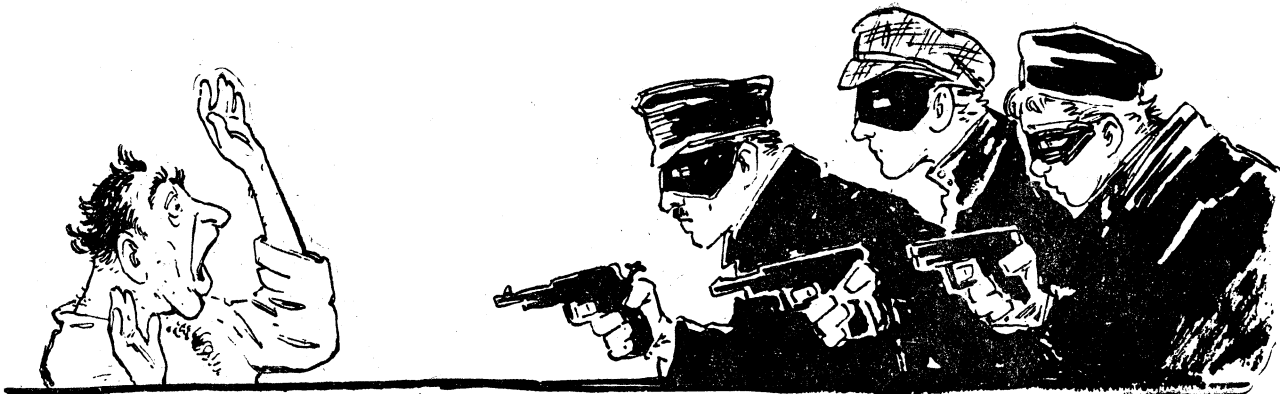
— А у в этом конверте...

Но тут Али-Селям поперхнулся, как будто глоток пива попал ему не в то горло, потом закашлялся, испуганно посмотрел на публику, раскрыл рот еще раз, чтобы ответить, но отяжелевший язык не слушал его, и тщетно ничего не понимающий Соломон Шнеерман шипел ему:

— Глухой дьявол!.. Отвечай же!.. Спрашивают, куда девался какой-то ящик?.. Ящик!.. О, чтоб тебе провалиться! Отвечай же что-нибудь, скотина ты этакая!

Но у Али-Селяма от страха глаза вылезли на лоб. Он замычал что-то несуразное так, что разозленный, ничего не понимающий Соломон Шнеерман выскочил из-за кулис и сказал за него, обращаясь к публике:

— Прошу извинения! Ему занемоглось. Это с ним бывает! От чересчур умственного напряжения, вроде как бы египетская темнота находит! Прошу покорно пожаловать в следующий раз! Сеанс окончен...

В ту же ночь на квартиру Шнеермана был произведен настоящий налет.

Послышался негромкий, но властный стук. Соломон Шнеерман поднял голову. Стук повторился.

— Кто это? — спросил он.

— Отворите! Полиция.

Хозяин труппы наспех натянул штаны, подошел к двери, отодвинул щеколду, и в тот же момент ноги его подкосились, и он сел на пол, потому что увидел перед собой три черных маски и три руки, направляющих на него револьверы.

— Тише! — твердо сказала одна из масок. — Сидите смирно, и вам ничего плохого не будет. Где ваши товарищи?

— Там, — прошептал Шнеерман, указывая пальцем на соседнюю комнату.

Человек в черной маске, не опуская револьвера, подошел к ситцевой ширме, раздвинул ее, но, прежде чем он успел сделать шаг, с треском хлопнуло окно, и что-то грузное бухнулось на грядки огорода, прилегающего к стене дома.

— Пропало! — крикнул второй человек в маске. — Он убежал!

Когда Соломон Шнеерман опомнился, то увидел только Лонжерона, сидящего на кровати, и брюки и рубаху Али-Селяма, но ни ночных гостей, ни самого Али-Селяма в квартире не было.

— Га, — сказал Соломон Шнеерман, стараясь выдавить улыбку из перекосившегося рта, — теперь я понимаю, кто им

был нужен! Но кто же мог предполагать, что этот бесштаный пропойца из монахов на самом деле богатый человек...

...В условленном месте Алексей встретился с поджидавшими его боевиками. Здесь же был только что вернувшийся из Соликамска «Студент».

— Есть оружие? — весело спросил Алексей, здороваясь с товарищами.

— Нет, — хмуро ответил «Студент». Ящик с оружием украли. Когда ночью я тащил его, то за мной увязались шпики. Василий отвлек их на себя, а я забежал в какой-то пустой балаган и спрятал там ящик! Но его оттуда украли.

И он рассказал по порядку, как было дело.

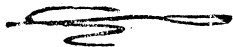
— А самое главное то, что вчера, подъезжая сюда, я увидел шагающим вдоль железнодорожного полотна того самого фокусника, который похитил ящик с оружием. Я соскочил с площадки вагона на ходу, но он, видимо, узнав меня, бросился, сломя голову, бежать и скрылся где-то здесь в лесу!

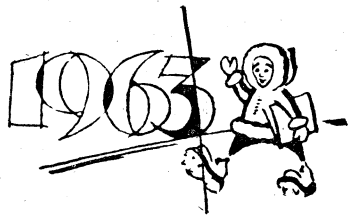
— Значит, он здесь неподалеку?

— Здесь!..

Алексей стиснул губы и выпрямился.

— Ну, ребята, смотрите в оба! А только этого типа мы должны обязательно изловить!..

Редколлегия «Уральского следопыта», учитывая отклики читателей, отмечает наиболее удачные материалы этого года.

РАССКАЗ:

- А. Граевский. Приказ из двух параграфов (№ 1).
Е. Марысаев. Москвичка (№ 8).

СТИХОТВОРЕНИЕ:

- А. Кирилюк. Красные маки (№ 12).

ОЧЕРК О СОВРЕМЕННОМ:

- А. Уроженко. Свердловск на Удокане (№ 1—2).

ОЧЕРК О РОДНОМ КРАЕ:

- А. Ожегов. Из столетнего плена (№ 6).

ОЧЕРК О РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРОШЛОМ:

- М. Голубых. Братья Каширины (№ 8).

РЕПОРТАЖ:

- А. Тумбасов. Встречи на дорогах (№ 7).

ИНФОРМАЦИЯ:

- В. Корешков. Письма борцов народного фронта (№ 11), А. Шарц. Демьян Бедный на Урале (№ 8).

ИЛЛЮСТРАЦИИ И ОФОРМЛЕНИЕ:

- М. Заводчиков. Обложка (№ 12).
А. Казанцев. Офорты «На трассе Ивдель — Обь» (№ 4).
С. Киприн. Рисунки ко второй книге романа Ю. Дольд-Михайлика «И один в поле воин» (№ 8—12).

ФОТО:

- А. Грахов. Бойцы семилетки (№ 1).

В НОМЕРЕ:

ВТОРОЙ ВСЕУРАЛЬСКИЙ	1
ГОРИЗОНТЫ БОЛЬШОЙ РУДЫ. Очерк Ю. Борискина и А. Золина.	17
БЛОКНОТ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ	24
В одной профессии — пять. Д. Либерман. Сколько названий «Урал»? А. Козлов. Чудо-трава. А. П.	
ПО ВЕЛИКОЙ ПРОГРАММЕ. А. Сафонов	24
Парафиновое чудо. Скважина-миллионерша.	
ЭКСПЕДИЦИИ ВЕРНУЛИСЬ ДОМОЙ	26
Разведчики земных богатств. Е. Осинкина. У биологов университета. Э. Ермакова. Новые страницы истории. В. Викторова. На Ириклинском море. В. Матюхин. Для словаря говоров. Л. Сахарный.	
СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ. Рассказ Евг. Марысаева	29
КРЕСТНИК ПЕТРА ЗАЛОВОМОВА. В. Пролеткин	32
ДЖАЛИЛЬ — ИНСТРУКТОР УКОМА. П. Толстиков	32
НЕПОДКУПНЫЙ СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ. Очерк А. Ожегова	34
АЛЫЕ МАКИ. Стихотворение А. Кирилюка	37
В ШКОЛЬНЫЕ И СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ. Воспоминания А. Татарнинова	38
ЗАТЕСЫ. Новеллы Мих. Пляма	41
ВО ИМЯ ЖИЗНИ. Очерк А. Кычаковой	45
АРКТИЧЕСКИЕ БЫЛИ. П. Гордиенко	47
К. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ	50
ОХОТНИК С АЯТИ. Очерк В. Бирюкова	51
НА ГРАНИ. Рассказ Иг. Сергеева	54
И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН. Приключенческий роман Ю. Дольд-Михайлика. (Книга вторая. Окончание первой части)	58
КЫЗБРУН. Рассказ П. Сеферова	72
ТАИНСТВЕННЫЙ ЯЩИК. Отрывок из повести А. Гайдара	74

Обложка М. Заводчикова.

На вкладке рисунки А. Казанцева и Г. Перебатова.
Фото И. Тюфякова.

К этому номеру прилагается содержание журнала за 1963 год

Главный редактор В. ШУСТОВ.

Редколлегия: А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, В. ОЧЕРТИН, Г. РАМАЗАНОВ, **К. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ**, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного редактора), Г. ТРИФОНОВ.

Рукописи не возвращаются

Технический редактор Г. Стороженко

Адрес редакции: Свердловск, ГСП 353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефоны Д1-22-40 (для справок), Д1-26-01 (редактура), Д1-85-70 (доб. 7-49) производственный отдел.

Свердловское Книжное Издательство

Подписано к печати 29/XI 1963 г. Бумага 84×108/16=2,62 бум. л.—8,61 печ. л. Уч.-изд. л. 11,71.
НС 21419 Тираж 80 000. Цена 30 коп. Заказ 673.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка отпечатана на Свердловской фабрике офсетной печати.

Южный Урал. У входа в пещеру Тёплая.

Фото П. Истомина.

Новым
годам!

ЛЕНИН СРЕДИ НАС

- Артамонов А. Родные Ильича на Урале. № 4.
Барельеф Ленина. № 4.
Долинский М., Черток С. В театре кремлевских курсантов, № 4.
Кочкина Е. Три встречи. № 4.
Пересветов Р. Ласточки над огнем. № 1.
Пересветов Р. Уральские находки. № 8.
Семенов Л. Голос Ленина. № 8.
Юсов Ю. На приеме у Ленина. № 11.

ПО СЛЕДАМ СОБЫТИИ

- Вождь кубинской революции Фидель Кастро Рус. № 8.
Прочти и сохрани потомкам! (Июнь 1963 года). № 6.
Уралмашу 30 лет. № 7.

НАША ПУБЛИЦИСТИКА

- Николаев А., Тутаринов И., Балакирев В., Кадочников П., Стенин Б. Год счастливый! № 1.
Сергеев М. Люди большого сердца. № 7.
Шустов В. Комсомольцы. № 10.

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

- Александров Л. Прыжок. № 1.
Александров Л. Под тополем старым. № 7.
Бабушкин И. Письмо с фронта. № 8.
Бабakov Г. Программой не предусмотрено. № 3.

- Борисихин Ю. Такая уж профессия. № 11.
Бугров В. Ассистент доктора Кларка. № 11.
Буссенар Л. Пылающий остров. № 3.
Гайдар А. Таинственный ящик. № 12.
Гансовский С. Миша Перышкин и антимир. № 3.
Граевский А. Приказ из двух параграфов. № 1.
Гринько Ю. Весенние ветры. № 6.
Громов Л., Гуро И., Бойцы вспоминают минувшие дни. № 9.
Дефо Д. Робинзон Крузо на Урале. № 2.
Дольд-Михайлик Ю. И один в поле воин. №№ 8, 9, 10,
11, 12.
Домнин А. Поход на Югру. №№ 3, 4.
Золин А. Вместе со звездами. № 11.
Золин А. Цветы. № 11.
Киселев В. Именем Революции. № 8.
Кислов К. Рассказы Матвея Вьюгина. № 4.
Копосов В. За горизонтом. № 10.
Копосов В. Макар Глоба. № 3.
Кораблев Е. Крак. № 6.
Корякоў О. Океанолог озера Ташжуй. № 9.
Котляр Ю. Последнее повеление Гато. № 10.
Круглов А. Геологическая одиссея. № 11.
Круглов А. Туры в тайге. № 11.
Крапивин В. Ночные поезда. № 5.
Крапивин В. Риск. № 1.
Кузнецов А. Урал — Стражнице. № 3.
Ляшенко М., Мусатов А. Операция «Бережки». №№ 7, 8,
9, 10.
Марысаев Е. Москвичка. № 8.
Марысаев Е. Северное сияние. № 12.
Мишкевич Г. Колобок. № 5.
Мусатов А. Урок истории. № 2.
Набатов Г. По затерянному следу. № 2.
Недосекин Р. День рождения. № 3.
Немченко М., Немченко Л. Только человек. № 4.
Печерский Н. Заячий хвостик. № 6.
Плям М. Затесы. № 12.
Потаскуев Э. Красная барракуда. № 6.
Поташин А. Тепло, которое не замечаем. № 11.
Поташин А. Стечение обстоятельств. № 11.

Росоховатский И. Сокровища атанов. № 9.
Румянцев Л. У красной черты. № 1.
Рыбников Е. След храброго. № 4.
Рябинин Б. Сказки старшины Смолина. № 5.
Сапожников В. Тень капитана Беллинга. № 1.
Сапожников В. Федя, сходи за водой! № 11.
Селянкин О. «Ваня коммунист». № 7.
Сергеев И. На грани. № 12.
Сеферов П. Кызбрун. № 12.
Таран А. Неугомонные. № 8.
Уроженко А. Свердловодск на Удокане. №№ 1, 2.
Хакимов Э. Епифан. № 5.
Цывьян Б. Премьера. № 7.
Шахнович Г. Соперники. № 11.
Эрвайс В. На волнорезе. № 4.
Ярошинский В. Тайный фронт. №№ 5, 6, 7.

ПОЭМЫ И СТИХИ

Белдусов В. Руки. № 10.
Богатырев В. Баллада о лесорубах. № 6.
Бугров В. Перед встречей. № 7.
Гринев Л. Представьте: вошли в больницу... № 3.
Гринев Л. Я люблю непуганные дали. № 1.
Грянкина А. А что ты знаешь о селе? № 6.
Захаров Я. Куропатка. В дальнем гарнизоне. № 2.
Каплунов Ю. Обед. Запахи вокзалов. № 6.
Кириллук А. Алые маки. № 12.
Ладыжец В. Подъемный кран «Урал». № 9.
Львов М. Края родные. Ой, Россия, Россия... № 9.
Марьев Б. Баллада о политграмоте. № 1.
Марьев Б. Таким он и в песни и в сказки... № 8.
Марьев Б. Мое поколение. № 10.
Машин Л. Ярким факелом Октября! № 11.
Мережников Н. Швейцар. № 4.
Мережников Н. Возвращение. Рассвет. Петька ушел из дома. № 9.
Найдич М., Как живу. № 2.
Найдич М. Баллада о пленном. № 5.
Олейник Б. Тяготение сердца. № 8.

- Потоцкий В. Шоферы. № 6.
Румянцев Л. Отвернулась мать-медведица... № 2.
Рухлов Ю. О счастье. У костра. Лесной новосел. № 10.
Светличный И. Сосна. № 8.
Сиголаев А. Перед экзаменом. № 6.
Сибирев В. Синий якорь. № 5.
Сибирев В. Ждут люди. № 8.
Случевский К. Урал. № 1.
Сорокин Л. О Ленине (Шкатулка. Случай на Качканаре. Ленинская медаль). № 4.
Сорокин Л. Путь к вершине. № 7.
Сорокин Л. Девушки Кубы. № 11.
Тарабукин И. Где живет романтика? № 3.
Терентьев В. В поиск! № 4.
Трифонов Ю. Юность наших улиц. № 11.
Федотов Л. Поезд. Родина. № 8.
Чурсин Ф. Мальчик, продающий кока-кола. № 6.
Шкавро Л. Память. Пейзаж. Верность. № 3.

ДЕЛА И ЛЮДИ СЕМИЛЕТКИ

- Беленький Б. Мы начинаем биографии. № 4.
Борисихин Ю., Золин А. Горизонты большой руды. № 12.
Вольф В. Это и есть счастье. № 1.
Константинова Е., Казанцев А. На станции мирного атома. № 10.
Оськин Д. Большая родня. № 9.
Пролеткин В. Как нашли Ивана Бровкина. № 3.
Румянцев Л. Рождение стали. № 9.
Сафонов А. Парафиновое чудо. Скважина-миллионерша. № 12.
Спехов Е. Покоряющие Качканар. № 2.
Стан-великан. № 7.
Усынин П. Шагающие в завтра. № 1.

ДОРОГУ ХИМИИ!

- Александров Н. Только на Урале. № 3.
Гафуров М. Визитные карточки славы. № 2.
Гафуров М. Полная горсть чудес. № 3.
Губина Е. Это все из Тагила. № 3.

Знаете ли вы?.. № 2.

Елькин Н. Прочные, легкие, дешевые. № 3.

Еремина Л. Не только край металла. № 2.

Крапивин В. Железная ловушка. № 3.

Николаев А. Силовой кабель в полиэтилене. № 3.

Следопыт идет на завод пластмасс. № 3.

Солодников Г. Чудесные вещества. № 4.

Четвериков А. Волшебная смола. № 3.

Шигаikin Б. «Мы — химики!». № 3.

БЫЛИ НАШИХ ДНЕЙ

Астафьев В. Вдали синее Кваркуш. № 5.

Бортвина Е. По зову мечты. № 4.

Гордиенко П. Арктические были. № 12.

Григорьев Г. Проспект в тайге. № 5.

О людях хороших. Если любишь... Огненный техник. № 9.

Ожегов А. Из столетнего плена. № 6.

Парфенов Ю. Письмо в будущее. № 10.

Резник Я. Две Америки. № 9.

Шесталов Ю. Песня белых пароходов. № 9.

Шигаikin Б. Колумбы середины двадцатого... № 4.

УРАЛЬСКАЯ МАРКА

Граевский А. Для советских китобоев. № 8.

Рябов Ю. Сибирские корабли. № 11.

Эпштейн С. «Малыш» зашагал. № 11.

НАУКА И ТЕХНИКА

Саксеев К. Домна на самообслуживании. № 7.

Хомутов Ю. Укрощение серебристой беды. № 5.

Щенников В. Овощи и радиоактивность. № 7.

ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

Большаков Л. История одной коллекции. № 10.

Вахрушев Г. Каменные селедки. № 3.

Владимирова Л. Рассказ ждет продолжения. № 9.

Где Рудничное? № 11.
Долинский М., Черток С. Страницы дружбы. № 3.
Кострин К. Изобретатель «Единорога». № 5.
На станке — телевизионный глаз. № 11.
Петряев Е. Единственный портрет. № 11.
Потопленные сокровища. № 2.
Ценная слюдка. № 11.
Экспедиции идут по Уралу. № 7.
 Буранов Ю. В поисках кладовых.
 Головко В. Разведчики уральских водоемов.
 Павлинин В. От тундры до степей Зауралья.
Экспедиции вернулись домой. № 12.
 Викторова В. Новые страницы истории.
 Ермакова Э. У биологов университета.
 Матюхин В. На Ириклинском море.
 Осинкина Е. Разведчики земных богатств.
 Сахарный Л. Для словаря говоров.
Янковский К. В поисках Дива. №№ 5, 6.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРОШЛОЕ

Альтов В. Именем Советской России. № 10.
Дейч Г. Заграничные конверты. № 7.
Е. С. Они хотели задушить Революцию. № 2.
Захаров С. Матрос Революции. № 11.
Из биографии коммуниста. № 7.
 Алехина Э. Мой год в партии.
 Бархатов А. Уволен из-за...
 Белостоцкий И. Под казачьими нагайками.
 Валек Р. За жизнь детей.
 Волков А. Ленинский призыв.
 Водопьянов М. Высокое звание.
 Гагарин Ю. Дороже всего.
 Кобылкин В. Трудно, интересно, нужно!
 Костин А. «Стреляй! Не скажу!»
 Кочкина И. Поездка в Нарым.
 Кучкин А. Наша «Правда».
 Маслий К. Место в строю.
 Морозов В. На разгром Унгерна.
 Никифорова А. «Звезда» не погасла.

Орлов Н. Моя мечта.
Ошивалов Н. С именем Ленина.
Парамонов А. В новый мир.
Попов Н. Памятный день.
Рогожкин А. Как осмеяли царскую «конституцию».
Свирин А. Партийное поручение.
Сидоровский Л. Первая плавка.
Томилов И. Самое сильное...
Феофанов И. Так начиналась юность.
Ожегов А. Неподкупный солдат Революции. № 12.
Парамонов А. Как спасли «Уральскую правду». № 5.
Первый кавалер ордена Красного Знамени. № 10.
Порученец Чапаева. № 5.
Семенов Л. Матрос с «Зари свободы». № 6.
Хаит Г. Она жила на Урале. № 3.
Шкерин В. Расстрел в Златоусте. № 3.

РАССКАЗЫ О БОЕВОЙ СЛАВЕ

Арсенин Н. Атакует летчик Горовец. № 7.
Будет у тебя биография? № 3.
Бредихин Н. Смелому враг не страшен.
Кандауров И. Каждым своим шагом.
Мазурин М. Слово герою.
Ровесник Октября.
Якубович К. По главным дорогам.
Будковский Н. Образец простоты, скромности и беззаветной храбрости. № 7.
Очеретин В. Три рассказа у костра. № 3.
Садиков В. Перед великой битвой. № 2.
УДТК — гордость Урала. № 2.
Бадяев М. Запись в книжечке.
Гончаренко И. В трудные дни.
Дела боевые.
Из фронтовых снимков.
Куликов Н. Детище яркого края.
Логинов П. Наши с Уралмаша.
Очеретин В. Добровольцы о своих боевых друзьях.
Романченко И. В горящем танке.
Сурков Ф. О нашем Саше.

Трапезникова Е. Справилась...
Художник на фронте.
Шутов И. Верность клятве.
Чернов Ю. Последняя радиogramма. № 5.

РАССКАЗЫ О ПРОФЕССИЯХ

Бирюков В. Охотник с Аяти. № 12.
Большаков Л. Стан на ватмане. № 4.
Ветлугин В. Шахтеры — гордая профессия. № 2.
Ермакова Э., Константинова Е. Руки и сердце. № 6.
Коверда П. Три медали. № 10.
Кычакова А. Во имя жизни. № 12.
Малахов А. Звезды на пути. № 1.
Рябинин Б. Прыжок из поднебесья. № 10.

УРАЛ И ЕГО БОГАТСТВА

Аликин Ю. Пещерный жемчуг. № 7.
Брускин С. Чудо-камень. № 6.
Вахрушев Г. Пещера Салавата. № 2.
Вахрушев Г. Метеориты Башкирии. № 6.
Григорьев Б. Это интересно! № 9.
Григорьев Г. Из записной книжки. № 1.
Знаете ли вы? № 2.
Знаешь ли ты Урал? № 10, 11.
Курочкин Ю. Волшебная грязь. № 4.
Курочкин Ю. Подводные пастбища. № 11.
Медведева Е. В Мазулинском озере. № 10.
Оборин А. Источник «Талица». № 2.
Петров М. «И терпентин на что-нибудь полезен». № 8.
Ровнин Л. Богатство под ногами. № 4.
Рябов Ю. Первые ручейки. № 5.
Таланцев И. Богатство в траншее. № 11.
Тумбасов А. Встречи на дорогах. № 7.
Туристы клуба «Огонек». Вдоль теплотрассы Сугрэс — Свердловск.
№ 2.
Фарватер будет утеплен. № 2.
Хрущев Н. Белая береза. № 2.

Шарц А. Надо искать! № 2.

Шарц А., Походов А. Дерево вечности. № 11.

ПРОШЛОЕ УРАЛА

Александров А. Было, есть, будет... № 6.

Бикбаев В., Кориков А. А. А. Васильев в Екатеринбурге. № 9,

Брюков В. История на этикетках. № 3.

Блюм А. Дело о «Волнах». № 2.

Большаков В. Уральские носороги. № 7.

Жигоцкий М. Якуб Колас в Перми. № 2.

Зиннер Э. История старой книги. № 1.

Иванов В. Знаменитое село Берды... № 8.

Кострин К. Суксунский мастер Федот Киселев. № 11.

Рябов Ю. Пионер уральского неба. № 4.

Рябов Ю. Судьба одного документа. № 8.

Трапезников И. Памяти ученых. № 1.

Утков В. «Чудь-юдо рыба-кит». № 5.

Шарц А. Демьян Бедный на Урале. № 8.

Шитов С. Тайна пруда. № 8.

НАШИ ЗЕМЛЯКИ

Авторы этих песен — уральцы. № 1.

Богатенков П. Кавалерист — девица Антонина Пальшина. № 2.

Буранов Ю. Уральцы — Герои Советского Союза (Поединок.

Подвиг танкиста. Истребитель истребителей). № 5.

Голубых М. Братья Каширины. № 8.

Карга В. Двинец. № 6.

Кисель А. Фадеев-старший. № 10.

Козлов А. Новое о Крылатковых. № 2.

Комиссар Малышев. № 7.

Кошкин П. Камышловский этнограф. № 11.

Л. С. Красин. № 7.

Матвеев М. Замечательный шахматист Урала. № 8.

Мельтцер Е. Партии рядовой. № 9.

Павлов В. Здесь родился Толмачев. № 11.

Паранин П. Отец русского бессемерования. № 11.

Петряев Б. Следопыт севера. № 5.

- Пролеткин В. Крестник Петра Заломова. № 12.
Романов В. Завидная судьба. № 4.
Рябов Ю. Тоболец помогает Нансену. № 10.
Татаринов А. В школьные и студенческие годы. № 12.
Голстик П. Джалиль — инструктор укома. № 12.
Сафонов А. Герой Цусимского сражения. № 9.

ИСКУССТВО УРАЛА

- Волович В. На трассе Ивдель — Обь. Из альбома художника
А. Казанцева. № 4.
Волович В. Малахитовая шкатулка. № 6.
Павловский Б. Картинная галерея Дмитрия Шорина. № 4.
Ярков С. Молодые мастера. № 9.

У НАШИХ СОСЕДЕЙ

- Томск. Гордость лесов сибирских. Экипаж братьев Винокуровых.
Помидоры высевает под снег. Медали — 150 лет. № 5.
Коми АССР. Капрон — соперник металла. Радость жизни. Подвиг
стрелочника. Двадцать лет — за пять минут. № 1.

ИЗ РАЗНЫХ СТРАН

- Долинский М., Черток С. Две встречи с Димитровым. № 1.
Резник Я. Вечный гражданин мира. № 5.

СЛЕДОПЫТ ПРЕДЛАГАЕТ

- Кострин К. Летучий враг. № 6.
Малахов А. Сокровища каменных архивов. № 8.
Пленков В. Забытый проект. № 6.
Парфенов Ю. Юннаты, займитесь гидропоном! № 4.
Саруханов Г. О «забытом проекте». № 6.
Чуйко Н. Лесных старожил — в гости в город. № 6.

ОХРАНА ПРИРОДЫ

- А кедры гибнут... № 3.
Верстуков В. Памятники природы Оренбургской области. № 11.

Для вас, туристы. № 6.
Коробейников Я. Неразумное решение. № 7.
Кучеров Е., Федорако Е. Свидетели веков. № 10.
Памятники природы Башкирии. № 4.
Памятники природы Челябинской области. № 7.
Шептаева А. Зеленые патрули Тагила. № 9.

РАССКАЗЫ НАТУРАЛИСТОВ

Вебер И. Медведь в пекарне. № 4.
Зыков И. На сухой протоке. № 11.
Канев Н. Горностаи и чайка. № 8.
Мальцев А. Белки в озере. № 2.
Мальцев А. Четырехцветная белка. № 7.
Нефедьев В. Фотоохота. № 1.
Павлинин В. Храбрый соболь. № 2.
Павлинин В. Крот-«сейсмограф». № 3.
Пленков В. Лакомки. № 7.
Софронов Н. Ключичка. № 11.
Флуг К. Черные и белые окуни. № 4.
Хрущев Н. Серебряный воздух. № 6.
Чураева Л. С киноаппаратом в лесу. № 4.

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

Алексеев Ю. В ленинском уголке. № 7.
Второй Всеуральский. №№ 7, 12.
Грехнев В. Вести из Удмуртии. № 6.
Ермакова Э. Дорогой старших братьев. № 10.
Истомин П. Следопытский маяк. № 4.
Истомин П. Рождение «Титана». № 5.
Истомин П. Вести из отрядов. № 8.
Ко Второму Всеуральскому. № 5.
Костина Е., Ветлугин В. Восемнадцатый флаг. № 10.
Кочегин П. По следам героя. № 11.
Кряжева Т., Мартюшева Н., Поляков О. За алмазами!
№ 3.
Нассонов В. Приз не отдадим! № 3.
Открытия юных. № 10.
Пролеткин В. На станции Платовка. № 6.

- Сафаров Н. По следам легенды. № 3.
Сто вопросов у нас под ногами. № 3.
Фирсова В. Изучим почвы Урала! № 3.
Шевелева В. Встреча в Брянске. № 5.

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

- Бабушкин Г. Встреча в Каповой. № 4.
Борисихин П. Писанец на реке Реж. № 4.
Вагин В. Земляку-разведчику. № 2.
Ветлугин В. Редкое соседство. № 3.
Ганин Н. Спаслись! № 3.
Есаулкова А. Путешествие «Туриста». № 6.
Зыков И. Загадки Пустого озера. № 6.
Коверда П. Патриарх и малютка. № 6.
Королев Г. Фронтальные снимки. № 5.
Котлер М. Львиный переполох. № 9.
Лебедев В. Великан. № 1.
Лобанов Ю. Уральская в Крыму. № 4.
Л. С. Сорок лет спустя. № 8.
Ляпин Ю. Закованная в лед. № 1.
Ляпин Ю. «Холодный» не замерзает. № 3.
Матвеева З. Дому 200 лет. № 1.
Михайловский В. Ника Кольская. № 2.
Мурзин-Минич С. Подарок Арсеньева. № 2.
Овчинников Г. Причудливая осина. № 9.
Очеретин В., Шустов В. Наши друзья. № 9.
Петров М. Земляки в Кремле. № 6.
Петров Ю. Томаты-утята. № 1.
Пролеткин В. Шкатулка «Меновой двор». № 8.
Пролеткин В. Имени 11-й кавалерийской. № 10.
Романов Н. Зима-скульптор. № 3.
Романов Н. Лесные глаза. № 8.
Рубель Р. Под землей. № 4.
Рутковский В. Волны-скульпторы. № 7.
Сабристов В. Золотой край. № 8.
Садаков М. Еловая рука. № 11.
Селетков Е. Шиворот-навыворот. № 1.
Стрижов Н. Домик Свердлова. № 5.
Суворов А. Одни из первых. № 11.

- Толстикова П. Театр первых комсомольцев. № 3.
Толстикова П. Яйцо в яйце. № 9.
Тюфяков И. А. С. Серафимович в Свердловске. № 1.
Фамелис С. Штурм Сказа. № 4.
Флейс Е. Рассказала фотография. № 2.
Флуг К. Деревянный некрополь на Ямале. № 1.
Шварц Е., Шмелев В. Кит-пигмей. № 9.
Шварц Е., Шмелев В. Бутылка-путешественница. № 10.
Швецов Д., Ямин Н. Луначарский в Кушве. № 9.
Шепетов В. Пещера Кызыл-Яр. № 4.

БЛОКНОТ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

- Алексеев А. Страницы прошлого. № 11.
А. П. Чудо-трава. № 12.
Дрейман Я. Самая глубокая. Марсианские растения. № 9.
Жуков А., Павлинин В. Загадочный аромат. № 4.
Интересно и удивительно. № 6.
И такое бывает... № 1.
Канев Н. Верхом на тюлене. Лиса-дезертирка. № 4.
Козлов А. Сколько названий «Урал»? № 12.
Либерман Д. В одной профессии — пять. № 12.
На глобусе их имена. № 3.
Ночные фонарики. № 9.
Орлов Д. Сколько здесь нарушений? № 2.
Пильщиков Б. Растения-разведчики. № 11.
Электронный лощман. № 9.
Чем питается хариус? № 11.
Яценко В. «Ведьмина метла». № 11.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛЕДОПЫТА

- Краснов Г. Так держать, юнга! № 10.
Л. С. Революционер и следопыт. № 2.
Походов А. Книга и ее 15 тысяч авторов. № 1.
Походов А. Туристские тропы. № 9.
Рябинин Б. Приглашение на старт. № 4.

УГОЛОК КОЛЛЕКЦИОНЕРА

Корешков В. Письма борцов Народного фронта. № 11.

Лунегов И. Оповестим мир о социализме. № 1.

Лунегов И. Чердынская почтовая марка. № 3.

Урал на марках. № 9.

ЮМОР

Итин И. По программе космонавтов... № 5.

Итин И. Молодой старик. № 9.

Курицин А. Многодневный поход. № 11.

Приключения братьев Бывалых. №№ 1, 3.

Тарабукин И., Бубенщиков В. Из дневника одного отряда.
№ 10.

Чемерис В. Басни в прозе. № 8.